

*Будь осторожна, падая и цепляясь за что
попало*

ПОСЛЕ КАК ТОГО, ТЫ СКАЖЕШЬ ЛЮБЛЮ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Ксения Никитина

Annotation

Мирная и законная жизнь никогда не входила в долгосрочные планы Томаса Шульмана. В ночном клубе, который он купил после возвращения со Второй мировой войны, всегда есть уединенное место для личных расправ, ведь Томас уверен, что это единственный способ завоевать уважение, престиж и власть. Вынужденный скрывать свой буйный темперамент и преступные действия, раз в неделю Томас посещает Лондонский колледж, где читает литературу в качестве преподавателя на замену. Однако девятнадцатилетняя Лилиан Янг, слишком проникательная, пресытившись реалиями жизни, врывается в класс и жизнь Томаса, разрушая его тайный, стабильный и комфортный мирок, отрицая существование любви как таковой. Томас оказывается не готов принять её взгляды и предлагает Лили сделку, желая доказать существование любви на их примере. Могла ли Лили знать о реальной жизни Томаса, соглашаясь на его предложение, не предполагая, что столкнулась с гангстером?

Ксения Никитина

После того, как ты скажешь люблю. Истории еврейской мафии. Книга Первая

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ТРИГГЕРЕ

“После того, как ты скажешь люблю” затрагивает многие деликатные темы, такие как злоупотребление наркотиками, жестокое обращение с детьми, насилие и пытки, нецензурную лексику и склонность к религии, поэтому имейте это в виду. Затрагивая тему иудаизма, которую исповедует главный герой, автор ни в коем случае не намерен дискредитировать или исказить.

Будь осторожна, падая и цепляясь за что попало

Апрель 1948 года

Первая гроза разразилась после душного и знойного дня, позволяя Лондону остыть. Холодный ливень разогнал спешащих на смену прохожих с улиц, сбивая остатки пыли с горячей брусчатки. Вода бежала большими ручьями, которые шумели и игрались, стекая к глубокой канаве. Яркие и внезапные вспышки озаряли город, отдаваясь громкими раскатами грома, от которых дребезжали старые и деревянные окна небольшого скромного заведения по Стамфорд-Хилл.

Темное, мрачное и сырое помещение было пропитано плесенью и запахом свежей крови — склад ночного заведения, который используется весьма редко, плохо освещается и проветривается. Старый и потертый стул на железных ножках сиротливо валялся рядом с рапсластавшимся человеческим телом.

Кровь была всюду. На стенах, задернутых шторках, руках мистера Томаса Шульмана и даже на лице, которое было жутким, глаза чёрными и разъяренными, губы тонкими и белыми. Мужчина, предварительно аккуратно и неторопливо закатал рукава белоснежной рубашки по самые локти, старательно отмывая ладони под проточной водой.

Отдохнув несколько секунд и переведя дыхание, Томас осмотрелся и к своему удивлению отметил, что удачно вскрыл голову бывшему деловому партнеру. Поджав губы и обтерев руки об поданное помощником полотенце, мистер Шульман глянул на циферблат панцирных часов и негромко хмыкнул.

— Так, Исаак, прибери здесь, а мне пора к юным и наивным.

Саммер — Роуд. В то же время.

На потрепанном кресле в гостиной сидела юная, девятнадцатилетняя девушка, пытаясь сосредоточиться к предстоящему экзамену по латыни, бегая карими глазами по печатному шрифту. Визги младших братьев жутко раздражали, но уходить к себе в комнату она не хотела. Бордовый джемпер с торчащей белой блузой и такого же цвета юбка ниже колен говорили о том, что девушка собралась на занятия в колледж, дожидаясь позднего автобуса. Густые волосы до плеч были немного взъерошены и спутаны у корней.

— Лили, смотри, как я могу! — воскликнул Джозеф — один из трех братьев, одетый в светлую пижаму, выполняя сальто на пружинистом диване, роняя детское тело на кучу из подушек. Скомканые простыни сползли на пол, а одеяла превратились в большую гору.

— Помни, если ты свернешь себе шею, то у родителей есть ещё пятеро детей, помимо тебя... — процедила девушка, закинув ноги на боковину, утыкаясь в потрепанный жизнью учебник.

Тонкие губы были поджаты, а нос сморщился от напряженных запоминательных процессов в голове. Тройняшки наводили шорох в гостиной до тех пор, пока не раздался звонкий телефонный звонок, вынуждая всех четверых вздрогнуть.

— Всем заткнуться! — прошипела Лили, подскакивая к телефону в коридоре, поднимая старую бежевого цвета трубку.

На проводе послышался голос подруги — Моники, которая с горечью в голосе сообщила о том, что преподаватель литературы и словесности мистер Томас Шульман не допустит

Лили к экзамену, если она сегодня же не соизволит явиться на занятия.

— Чёрт! — её карие глаза забегали по висящему календарю на стене, переводя взор к медленно шедшим часам, помогающим ей обдумывать дальнейшие действия. Семь ровно.

Сара взбешенно швырнула трубку и закинув в сумку книгу и предметную тетрадь, окинула братьев взглядом.

— Мне пора! Присматривайте друг за другом!

Четверг

Лили и Моника спешили на занятия, перебегая дорогу возле колледжа, весело смеясь. У Лили это был скорее нервный смех, связанный с предстоящим наказанием от преподавателя, который до сегодняшнего дня даже не знал её в лицо.

Промелькнул небольшой холл из белых стен, деревянная доска с расписанием занятий и кабинетов, и девушки уже торопливо поднимались по лестнице на четвёртый этаж.

Волнение подступило к горлу, а ладони покрылись липким потом, когда Лили приблизилась к нужной двери, рывком открывая её и пропуская вперёд более уверенную и спокойную подругу. «Ещё бы, Моника не пропустила ни одного занятия, в отличие от меня!» — пронеслось в девичьей голове с лёгкой завистью, пока тело влетало в старенький кабинет с бежевыми стенами и светло-персиковыми шторами. Три больших окна давали достаточно тепла и света, а пятнадцать парт с ученицами весело поглощали их в своих учебных интересах.

Заняв последний стол возле окна, Лили швырнула под стул сумку, вынимая нужную тетрадь с готовыми сочинениями и произведение Шарлотты Бронте. Ощувив ком волнения в горле, Лили подняла глаза, осматривая присутствующих и галдящих девушек её возраста, наконец, заметив сидящего за преподавательским столом взрослого мужчину лет тридцати пяти или даже сорока с густыми тёмно-каштановыми зачесанными набок волосами и тёмными, на первый взгляд, глазами. Глубокий и пронизательный взгляд был уставлен в журнал. Длинные и широкие пальцы поглаживали короткую и ухоженную бороду более светлого оттенка, чем волосы. На указательном пальце левой руки красовалось широкое золотое кольцо, поблескивая на весеннем солнце. С левой стороны на чёрном жилете висела позолоченная панцирная цепь для часов, прикрепленная к пуговичной петле. Белоснежная и накрахмаленная рубашка аккуратно сидела на мужском теле, подчёркивая его физические достоинства.

Шумный звонок вынудил девушку вздрогнуть и оторвать взгляд от учителя, что тут же оживился, привставая, чтобы прикрыть дверь.

Лили приспустилась на стуле, скрывшись за спиной высокой одногруппницы, ожидая смертный приговор. По всем правилам преподаватель мог потребовать её отчисления или перехода к другому учителю, но, увы, такую дисциплину в колледже больше никто не преподавал. Так что весь поток выпускников был просто обязан пройти через мистера Шульмана.

Именно так его и звали — мистер Томас Шульман. Лили записала его имя на титульной странице тетради во время первого занятия. На своеобразном знакомстве с классом преподаватель пропустил её фамилию в списке из-за усталости, а может, из-за простой рассеянности. Во второй раз ей так повезти уже не могло. Мужчина расправил массивную спину, осматривая весь класс, не заметив появившуюся голову на последней парте. Рост вроде бы и позволял рассмотреть всех, а вот зрение было так себе.

— Доброе утро, девушки. Начнём занятие, как и всегда, с отсутствующих. — хриплый и слегка прокуренный голос отдавался эхом в кабинете. — Девана, верхняя пуговица!

Светловолосая и невысокая девушка виновато опустила голову, уткнувшись в книгу, судорожно застегивая ворот рубашки.

Наконец, мистер Шульман уселся на место, придерживая края штанин не желая вытянуть новые и выглаженные брюки. Преподаватель открыл журнал, называя фамилии, медленно, но верно спускаясь к самой последней, что принадлежала Лилиан.

Девушка беспокойно стучала пальцами по столу, ощущая в коленях дрожь, смотря на исписанную чернилами парту. Сердечки, цифры, имена и оскорбления, адресованные учителю стали настоящей успокаивающей литературой для Лили.

— Янг? — демонстративно и удивлённо спросил преподаватель, привычно не скидывая глаз, зная, что такой ученицы наверняка на занятии нет, а времени на выяснение обстоятельств и сбор слухов у него не было.

Лили прочистила горло, тихо выдыхая, вытягивая губы трубочкой, набираясь смелости.

— Я здесь... — буркнула она, вновь опускаясь на стуле за спину одноклассницы.

Учитель стал искать глазами нужную девочку, приподнимаясь и ерзая на месте. Прятаться дальше было невозможно, и Лили привстала, встретившись глазами с мужчиной, что вскинул брови с интересом, но коротко осматривая её внешность.

— Сегодня земля начнёт вертеться в другую сторону... — сиплый голос попытался пошутить, но вышло не очень удачно.

Так и началось занятие, во время которого группа читала отрывок из Джейн Эйр, повторяя школьную программу. Мистер Шульман периодически поглядывал на Лили, хмуря брови, заметив, как она что-то рисует в тетради, абсолютно не слушая его, так же как и остальные, оставаясь в состоянии утренней полудрёмы.

— Мисс Янг, может, вы скажете, почему девушка не вышла замуж за мистера Рочестера и сбежала, обрекая себя на скитания?

Лили подпрыгнула на месте, оторвавшись от наброска, заметив справа от себя силуэт мужчины, что крутил в пальцах книгу, заглядывая к ней в тетрадь. Студентка прикрыла изображение руками, поднимая взор. Её взгляд пробежался по темно — серым глазам с мелкими морщинами на веках и крупными на высоком лбу. Брови его были сдвинуты к переносью, изображая вопросительно — непонимающее выражение лица. К ним прилагались пухлые, сейчас неодобрительно сжатые губы.

Преподаватель терпеливо шмыгнул заостренным носом, продолжая смотреть ей точно в глаза, отпугивая.

— Эм... — Лили залилась пунцом, нервно сглатывая волнение, повторяя в голове вопрос. — Наверное, потому что мистер Рочестер не был вдовцом, коим себя выдавал, пряча обезумевшую жену на чердаке...

Её голос несколько раз сорвался и пропал, но всё же она смогла договорить, не смея больше поднимать взор на мистера Шульмана, который уже вернулся на место, продолжая урок. Лёгкая дрожь била в ней все полтора часа, не позволяя отвлекаться ни на что, посвящая всё внимание обсуждению романа.

Долгожданный звонок в коридоре позволил ей судорожно выдохнуть и закинуть тетрадь с учебником в сумку.

— Всем спасибо за занятие. До свидания.

Лили скользнула к двери, но преподаватель остановил её, внезапно окликнув.

— Мисс Янг, останьтесь.

Девушка тут же поникла, виновато опускаясь на первую парту рядом с Шульманом, что сел на край стола, скрестив руки на груди.

— Сейчас большая перемена, и я надеюсь, что вы позавтракали дома, потому что в столовую вы не успеете.

Лили учтиво кивнула, понимая, что сейчас будет не сладко и уж тем более не до еды.

— Вы пропустили четыре занятия подряд, не сдали четыре сочинения и два теста. Один из них как раз по Джейн Эйр. — грузная рука стукнула по книге.

Лили протянула мужчине тетрадь, виновато обводя его взглядом.

— Какова же причина вашего отсутствия?

Мистер Шульман нахмурился и приоткрыл рот, ожидая ответа. Лили лишь пожала плечами, не зная, с чего начать.

— Вы любите поспать или всё намного сложнее?

Лили угукнула, уводя глаза в сторону, поглядывая в окно.

— Сложнее... — задумчивый тон немного напряг и без того не понимающего происходящего Томаса, что схватился за журнал, усаживаясь за стол.

— У вас предвзятое отношение к преподавателям мужского пола? — произнес он, натягивая тонкие очки, открывая оглавление журнала.

Лили отрицательно покачала головой. Шульман с удивлением отметил, что девушка исправно посещала все занятия по физике, которые вёл мистер Харрис — второй мужчина в женском колледже, сразу же после литературы вторым уроком. Это немного напрягало Тома, вводя в ступор.

— Вы поддерживаете идею фашизма? Иначе говоря, противостоите евреям и за чистую расу?

Лили посмотрела на учителя как на глупца еще более ярко замотав головой.

— Я не арийка и не еврейка. Моя мать русская, если вы об этом.

Преподаватель виновато хмыкнул.

— Я — еврей.

Лили замешкалась, поглядывая на дверь.

— Тогда в чём причина вашего отсутствия на моих занятиях? Судя по табелю, вы успеваете по всем дисциплинам, но не воспринимаете мою.

Учитель листал журнал, удивлённо подмечая отличные отметки и хорошую успеваемость, желая заглянуть в корень проблемы, но девушка плотно накрылась занавесом, словно её ежедневно пытаются, и она уже привыкла молчать, во что бы ей это не встало.

— Так в чём же причина, юная леди? Я бы не хотел вести вас к директору.

Лили пожала плечами, не зная, что сказать, и с чего начать.

— Итак? Я уже давно получил диплом, и хочу помочь вам.

Лили снова угукнула:

— Есть одна. — Томас прищурил глаза, внимательно слушая девушку, но та вновь замолчала, подыскивая нужные слова. — По вторникам мой сосед работает на складе и не ездит в Лондон, чтобы подвезти меня.

Мужчина понимающе кивнул: — А что насчёт автобуса?

— Первый автобус отправляется только в половину восьмого, а ваши занятия начинаются ровно в восемь. Я физически не могу успеть. — сказала Лили, поправляя стянувший шею галстук.

— Вам не нравится общежитие при колледже? — Шульман не отступал.

— Вовсе нет. Я просто не могу оставаться здесь постоянно, потому что должна быть дома.

— У вас семья?

— У меня есть младшие братья, за которыми нужно смотреть.

Преподаватель вновь кивнул, протяжно промычав.

— Чем занимаются родители?

— Мать — домохозяйка, но недавно её поразил паралич ног, и она не передвигается вот уже полгода.

— А ваш отец?

— Он бывший атташе, но сейчас не живёт с нами.

— Почему? — Томас перешёл границы деловой беседы, углубившись проблемами студента слишком уж сильно.

Лили сжала губы, не желая отвечать на личный вопрос. Мужчина наконец успокоился, откинувшись на стуле, взъерошивая прямые и чистые пряди, уставив задумчивый взгляд в окно.

— Извини.

Лили лишь слегка улыбнулась, принимая его извинения, поглядывая на дверь. Поняв намёк, мужчина решил отпустить девушку, разжимая невидимые лапы вспыхнувшего любопытства и заинтересованности.

— Ну, беги. — Шульман глянул на карманные часы, вынув их из кармана. — У тебя осталось время позавтракать. Постарайся получить допуск к экзамену ради самой себя, хорошо?

Лили выскочила из кабинета, набирая в лёгкие прохладного воздуха, унося ноги вниз по крутой лестнице, минуя другие этажи, влетая в уборную, чтобы умыться горячее и красное лицо ледяной водой.

В баре мистера Шульмана ждала компашка пакистанских полупокеров, которые потребовали от него снижения цен на поставку и продажу алкоголя.

— Накося-выкуси мой обрезанный член! Я что, похож на сучку, подставляющую зад каждому кобелю? — спросил он, обводя взглядом чёрноволосого и смуглого мужчину с такими же чёрными глазами и душой по имени Сафар — главарь недоумков из пакистанского квартала, — Ну нет, никаких скидок ни тебе, ни твоим выродам! Я не для того рву задницу, чтобы вы — болваны отказывались платить мне по счетам! Дела у них, видите ли, херово обстоят! Надо же!

— Том, ты же разумный человек. Зачем тебе все эти сложности? — главарь опёрся о его дубовую и отполированную языком работников барную стойку своими смуглыми и расплюснутыми лапами, с презрением уставившись ему в глаза. Сегодняшний день еврею порядком надоел, а терпение закончилось на Саммер-Роуд, поэтому ему ничего не оставалось, как пойти на крайние меры, дабы вернуть себе спокойствие и сэкономить нервы.

— Не смей, слышишь? Не смей, сраная ты мартышка, смотреть на меня сверху вниз, — голос Томаса больше походил на предупреждающее рычание дикого зверя.

Он схватил со стола тонкий перочинный нож, которым обычно разрезал хлеб, воткнув его в руку Сафара, словно это был мякиш. Тяжёлый стук и гулкий вой пробежался по всему бару пугающие волной для остальных умников, пока густая алая кровь сбегала по его

пальцам, капая на пол.

— Ну, полагаю, мы таки договорились больше не поднимать разговор о снижении цен?

Томас Шульман широкими шагами пересекал колледжный коридор, держа в левой руке тонкую разрисованную цветами тетрадку. Поправив тёмное драповое пальто и сняв шляпу, мужчина потёр густую и короткую бороду, несколько раз ударяя в хлипкую дверь, за которой доносились негромкие девичьи вопли.

Том давно привык к шуму, визгу и смеху девушек, что грызли гранит науки в этом чудесном заведении, после выпуска из которого добрая половина сойдёт с нужного пути, и лишь часть выбьется в люди. Только вот в какие люди — тоже было спорным вопросом, а пока он тянул на себя дверь, входя в полупустой на первый взгляд кабинет. Светлые стены с множеством формул и стендов, большие окна и отсутствие какого-либо уюта. Большие стеллажи с приборами, пробирками и прочей дребеденью, которые никогда не пускались в ход, а плесневелый потолок и вовсе требовал замены. Двадцатилетние кобылы носились между соединенных и выкрашенных белой краской столов, норовя снести всё необходимое для предстоящих опытов и разбить к чертям колледжное добро, которое и так выдавалось сквозь зубы.

За учительским столом с небольшой возвышенностью сидел Эдуард Харрис — учитель физики и астрономии сорока восьми лет. Его чёрные прямые волосы были взъерошены и покрыты мелкой сединой на висках, зелёно-карие миндалевидные и хитрые глаза были уставлены в книжку, а пальцы цепко держали чернильную ручку, что пачкала его рукав. Тонкие губы поджаты, а неширокое лицо выражало абсолютное спокойствие по отношению к безумию, творящемуся в классе. Рабочий стол был испачкан, исписан и обсыпан мелом. Коричневая доска за его спиной была изрисована знакомой рукой.

Томас ещё раз обвёл глазами группу в поисках нужной студентки, чью тетрадь он держал в своей надежной руке. Несколько девушек сидели в самом конце, закинув стройные ножки на столы, о чём-то хихикая и кокетничая, не обращая внимания на двух преподавателей противоположного пола. Ещё три девушки смотрели в окно, что-то рисуя на запотевшем стекле.

Янг же сидела на третьей парте, опустив голову на собственные руки, прикрыв глаза. Острые колени и светлые бёдра торчали из-под случайно задернутой юбки, на краю которой сидела её подруга, что-то рассказывая дремлющей девушке. Светлое бельё мелькало меж сведенных ног.

Никто в кабинете не обращал никакого внимания на мистера Шульмана. Если бы это был его урок, то девушки не осмелились бы даже перейти с шепота на голос, а тем более, скидывать полуголые ноги. Мужчина задержал взгляд на Лили, поймав себя на мысли, что любит её, а после обернулся к Эдуарду, негромко хмыкнув.

Учитель астрономии всегда отличался рассеянностью и задумчивостью. Наверное, все гениальные люди немного странные и загадочные, но этого типа Шульман читал на раз-два. Хитрый и игривый взгляд Эдуарда сначала прошёлся по девичьим ногам, и только после с большим трудом переключился на Томаса, что протянул руку.

— Приветствую!

Шульман кивнул, приближаясь к столу и опираясь на него локтями. Шум в помещении стоял дикий, словно малые дети пришли в первый класс, а не взрослые, некоторые даже замужние, девушки, что обучались врачевательству.

— Как дела? Смотрю, у тебя тут бунт и безобразия?

Эдуард улыбнулся, изредка посматривая на ноги Лили, которые сейчас были его единственной отрадой.

— Юность им простит. — заметил Харрис, продолжая глазеть. «Юность им всё вспомнит» — подумал про себя Том, наконец, вспомнив зачем пришёл.

— Могу я украсть у тебя одну студентку, буквально на пару минут?

Эдуард кивнул, обводя рукой «ассортимент» со словами — любую. Шульман натянул улыбку, чувствуя себя клиентом борделя, выбирая себе спутницу на ночь.

— Мне нужна Янг. — отчеканил он.

Харрис учтиво кивнул, зазывая девчонку по имени, что немного насторожило проворного еврея. Похотливые глазки физика рванули к её персоне.

Девушка вздрогнула, потерянно осматриваясь спросонья, нечленораздельно отвечая на вопрос учителя о том, что она делала ночью. Томас смог разобрать только слово «дела», нервно крутя в руке шляпу.

Лили испуганно оцепенела на долю секунды, заметив стоящего у учительского стола мистера Шульмана с её тетрадью в руке. Застегнув верхнюю пуговицу и поправив галстук, Лили шагнула к нему навстречу, ловко перепрыгивая через чей-то рюкзак. Бордовый растянутый джемпер болтался на худеньком теле, чёрный галстук был туго затянут в спешке, а смятая юбка спускалась ниже колен. Густые волосы разбросаны по плечам, отливая лёгким блеском, а карие глаза опущены от стеснения.

Мужчина пропустил девушку вперёд, открывая ей дверь, едва улыбаясь одними глазами, вставая у северной стены в тёмном коридоре с тусклым светом. Том расправил спину, разминая широкие плечи и возвращая студентке тетрадь. Лили забрала добро, продолжая непонимающе глазеть в серо-зеленые глаза напротив.

— Я прочёл твои сочинения как на духу.

Лилиан кивнула поджав губы, не зная, стоит ли что-то говорить в ответ. Она также не знала о том, что час назад Том сидел в своём кабинете, перебирая огромную кучу бестолковых бумаг, в конечном итоге уставив пустой взгляд в стену, размышляя о прошедших разборках с одной бандой, где от его рук умер молодой парень. Коричневый дубовый стол был завален всякой ненужной ерундой, на краю которого лежала тонкая тетрадь. «На кой чёрт я притащил её с собой, ведь мог бы оставить и в колледже?» — задаваясь этим вопросом, он чувствовал себя каким-то ослом. Раз уж тетрадь была под рукой, то еврей решил немного отвлечься от кровавых и мужских дел, открывая первый лист. Корявые инициалы девчонки были нацарапаны на титульном листе в верхнем углу, а вот его имя было написано очень аккуратно и самым настоящим каллиграфическим почерком. «mr. Thomas Shulman» — синие ровные буквы нежно лежали на белом листе, скользя в бок с небольшим наклоном.

Том провёл пальцами по сухой бумаге, ощущая лёгкое покалывание в подушечках, то ли от плохого качества бумаги, то ли от чего-то ещё, что было ему чуждо. Переметнув страницу, он вчитывался в текст, отмечая для себя умные высказывания и слишком уж суровые рассуждения о любви, кое-где исправляя грамматические ошибки. Он понимал — в её возрасте неприемлемо быть такой разочарованной и пронизательной, что очень катастрофично. Тем не менее, слова цепляли и позволяли Шульману заглянуть в её душу, которая оказалась самыми настоящими потемками, путаясь в противоречиях и устоях.

Том уже прочитал четырнадцать аналогичных сочинений от девушек её возраста,

половина из которых ещё не целовалась, четверть жили с мужьям и ещё несколько щелкали мужчин, как семечки. Но Янг не подходила ни под одну категорию, чем несказанно волновала преподавателя словесности.

Лили листала тетрадь, довольно улыбаясь хорошим отметкам, поглядывая на не менее довольного Томаса, что вот так просто смог поднять ей настроение и вселить уверенность в свои силы.

— Я занёс оценки в таблицу, но тебе... тебе придется сдать еще два теста.

Лили согласно кивнула.

— Ничего, что я на «ты»?

Она отрицательно помотала головой, продолжая смотреть в его серые глаза, ощущая лёгкую дрожь в коленях.

— С понедельника меняется расписание, поэтому литература переносится на вторник первым занятием. — Том достал небольшую записную книжку, сверяясь с записями, привычно чуть нахмутив брови.

Девушка продолжала слушать, скрестив руки на груди, желая как бы оградиться от настойчивых взглядов мужчины, украдкой посматривая на него.

— И во вторник же я готов принять тесты после всех занятий. Примерно в два часа. — закончил Томас, спрятав записную книжку в карман пальто, замечая взгляд девушки. Лили положительно кивнула в который раз, но тут же осеклась.

— Мистер Шульман... — мужчина вскинул вопросительный взгляд, внимательно слушая девушку, что залилась краской, смущенно ковыряя небольшую дырку в стене, откалывая кусок бежевой краски. — Во вторник в два часа у меня тренировка.

Преподаватель недовольно сверкнул серым и пустым взглядом, выражая абсолютное безразличие к ситуации.

— Тогда реши, что для тебя важнее: диплом или беготня по полю.

Вторник

Лили тихо постучала в дверь кабинета мистера Шульмана, слегка приоткрывая за железную ручку. За столом никого не было, так же как и внутри, поэтому девушка смело вошла в аудиторию, швырнув сумку и устало плюхнулась на стул.

— Ну и где этот пройдоха?

Сзади послышался чей-то вздох, от чего Лили вскочила, оборачиваясь и сталкиваясь взглядом с мистером Шульманом, сидящим на последней парте, довольно улыбаясь.

— Ну, хоть не евреем, жидом или Иудой.

Лили виновато схватилась за голову, матеря себя в мыслях, что и так путались, как клубок шелковых нитей. Извиняться было бы глупо, поэтому девушка молчала, опустив потерянный взгляд на мужской пах, теряясь от напряжения.

— Для тебя я там плоский, как солдатик, Янг... — протянул Томас, доставая нужные бумаги, желая разрядить обстановку шуткой, но лишь усугубляя.

Лили тут же отвернулась, чувствуя себя ещё более виноватой, желая сбежать куда-нибудь подальше, ругая себя за собственную рассеянность, лишь бы больше не смотреть в его глаза. Прежде бедное лицо разгорелось адским пламенем.

Мужчина протянул ей тест, предлагая место рядом с ним за одним столом.

— Двигай стул!

Лили нехотя встала с места, волоча тяжелую мебель и усаживаясь рядом с

преподавателем, сглатывает нервный ком. Том, не желая нарушать субординацию и личное пространство, немного отодвинулся к окну, заметив, как команда девушек гоняет мяч на зеленом поле.

— Пиши тест, — буркнул Томас, подкладывая чистый лист под локти девушки. Лили взяла чернильную ручку, пытаясь написать дату и имя, но та предательски закончилась, испугавшись Шульмана. Не удивительно.

Преподаватель почесал бороду, а после протянул свою ручку с тонкой гравировкой, что показалась девушке ужасно тяжёлой.

— Спасибо.

Тонкие пальцы не могли справиться с механизмом, поэтому владелец ручки обхватил кисть Лили, делая прерывистый вдох, выводя её фамилию вместе.

— Не смертельно, правда?

Студентка качнула головой, утыкаясь в вопросы, ощущая на себе настойчивый взгляд Шульмана, что гулял по её профилю, отвлекая от задания. Высокий лоб, ровные скулы и маленький носик умиляли задумчивого Тома. Карие глаза бегали по вопросам, изредка щурясь, а пухлые губки прикасались к его ручке, оставляя след.

Через пару мгновений мужчина встал с места, расхаживая по кабинету, что-то бормоча под нос, протяжно вздыхая, изредка наклоняясь к Лили, оказываясь совсем рядом, чувствуя запах её духов, оставляя свой — свежего одеколona. Серый взгляд всматривался в ответы, часто моргая и хмыкая.

— Почему ты такая разочарованная? — прозвучал хриплый вопрос среди полной тишины, нарушаемой скрежетом острой ручки по бумаге.

Лили посмотрела на мистера Шульмана, что встал меж двух столов, опираясь на них руками, закатав рукава бежевой рубашки. Смурной взгляд был направлен точно на неё, а губы поджаты и едва видны за густой растительностью.

— С чего вы так решили?

— Ты пишешь сочинения о любви, в которую не веришь. У тебя нет дружка, который доказал бы обратное?

Девушка отбросила ручку. За окном полил ледяной дождь, словно оmyвая внутреннюю печаль Лили. Грузные тучи набежали слишком быстро, как заинтересованность и любопытство Тома, внимательно ждущего ответ.

— Любовь — это лишь собирательное понятие, вы не находите? Чего мы ждём под словом «любовь»? Красивые обещания, колючие шипы роз, громкие клятвы, тёплую постель и отчуждение в конечном итоге?

Томас выпрямился, подбирая слова.

— Не думаешь, что на всё это стоит смотреть под нужным углом? Не думаешь ведь? Красивые обещания — на то они и обещания, что отдают часть души. Колючие шипы часть прекрасных роз, да и постель согрета двумя, без них она холодная. — мужчина посмотрел на Лили с лёгкой улыбкой, — Слишком много противоречий, мисс Янг.

Девушка ухмыльнулась — Для меня нет. Вы учитель литературы, и вам свойственно всё романтизировать.

Том подавил смех, желая остаться в её глазах романтиком, нежели главарем бандитской группировки, на чьих руках сотни загубленных жизней, сломанных судеб в разы больше.

— А что насчёт твоих пропусков? Вопрос решён?

Лили утвердительно кивнула, протягивая учителю ответы.

— Ну, посмотрим... — мужчина взял в руки тонкие очки, сквозь которые отражался бумажный текст.

За окном бушевала стихия. Дождь хлестал в немного потрескавшиеся старые окна, пропуская промозглый холод.

Спустя пару недель

Будни шли своим чередом, возвращая Томаса по вторникам в колледж, где он должен был четыре занятия подряд читать романы, слушать в большинстве своём бестолковые рассуждения, ставить отметки и шугать указкой девчонок, лишь бы постоянно иметь железное алиби. Какой из него преступник? Самый честный преподаватель литературы и только.

С тех пор, как он стал размахивать указкой, Лили начала исправно появляться на занятиях, успевая вовремя и полностью подготовленной. Том поражался её отличной эрудиции, памяти и способностям, пока она за его спиной в колледжных коридорах называла еврея оратором. Наверное, Шульману с ней было трудно поспорить. Ведь он вдалбливал в юные головы ежедневно одно и то же, начиная с правил ведения тетради, заканчивая философскими рассуждениями. Внушал в девичьи черепашки то, что было задумано и подготовлено программой для выпуска медсестёр и акушеров, только пропуская это через своеобразный фильтр под названием «литература».

Девчонка окончательно перестала выходить из его головы. Возможно, потому что она превращала Томаса в какой-то сраный кисель. Лили медленно, как термит, разрушала его серьёзный и суровый нрав, пробираясь и в холодный разум.

В жаркие дни она надевала юбку и тонкие гетры, обнажая колени и бедра, сидя за партой и позволяя еврею снова узнать что такое неожиданный стояк в самом неподходящем месте. А что она? Она лишь слегка качала ногой, что-то рисуя и задумчиво глядя в окно, перекладывая из щеки за щеку яблочный леденец.

— Мисс Янг!

Она вздрогнула, от неожиданности проглотив карамельку, поморщившись от неприятной боли в горле.

Девушка встала, смотря на Шульмана растерянными глазами.

— Ты постоянно витаешь в облаках или размышляешь над ядерной физикой?

Студентки дружно рассмеялись, но поймав серьёзную преподавателя гримасу тут же стихли.

— Мистер Харрис отмечает у тебя особые успехи. Скоро мир встретит ещё одну Марию Склодовскую-Кюри?

Лили пожала плечами:

— Это куда интереснее, чем читать страдания глупых девиц. А тем более, делать вид что всё это — правильно.

Шульман хотел улыбнуться, но сдержался, не желая обидеть девушку.

— Надеешься, что тебя это не коснётся? — Лили вопросительно изогнула брови.

— Любовь... — уточнил он, — Думаешь, она таки обойдет тебя стороной?

Девушка снова пожала плечами, выражая всё равнодушие к теме и литературе в целом. Несомненно, она любила читать, но никак не романы.

— Для чего мы изучаем литературу? Не только английскую, но и русскую классику? — спросил Том, жестом опустив Янг на место.

Тишина в классе стояла гробовая, лишь лёгкий шелест вскинутой руки Лили и был. Шульман знал, что она знает ответ, либо просто хочет съязвить и потешить группу, выставив

его идиотом, а себя нелепым шутком.

В последнее время Томас часто чувствовал себя простофилей и идиотом, который позволял ей слишком уж много на своих занятиях. Она вступала с ним в отчаянные споры о добре и зле, о сознательном и бессознательном, о существовании любви в целом. И каждый раз ему приходилось уступать, лишь бы она вышла победительницей. А Томас вновь чувствовал себя ослом, покоренным её обаянием.

— Чтобы во время работы с пациентами не оплошать, леди. Не важно, кто вы по специальности: акушеры или медсестры. В любом случае, вы столкнетесь с темой простого человеческого общения, и вам придется поддержать беседу с той же роженицей или раненым солдатом, который вопит с оторванной ногой так же, как и будущая мать.

Лили опустила руку.

— Это психология, дамы, — учитель надел очки, пытаясь уловить мимику Лили, — если вы никогда не думали об этом, значит, вы попусту протираете свои чудесные юбки все эти три года.

Мистер Шульман сел на место, проверяя карманные часы, понимая, насколько он разговорился, позабыв дать домашнее задание. Присутствие Лили привлекало слишком много его внимания, от чего он становился невнимательным ко всему остальному и периодически терял мысль, ощущая её ласковый взгляд.

— Не все женщины вопят как потерпевшие... — буркнула Янг с последней парты.

— Тебе видней, — закончил Том, отбрасывая ручку и откинувшись на стуле. Так и проходили уроки: колкие шутки, перепалки и бескрайняя наглость Янг.

Дальше всё пошло по отработанному сценарию. Девушка вновь перестала приходить на занятия, пропустив неделю, стоило только Томасу вытянуть её на отлично. В этот раз пропуски были не только у него, но и у остальных преподавателей, которые так же негодовали, не понимая, почему способная и одаренная девушка ломает себе жизнь.

В среду днём Шульман спешил по своим делам, но мысль об отсутствии студентки не давала ему покоя. Что, если её уже давно прикончили и выкинули в какую-нибудь канаву по пути домой? Добиралась она наверняка на попутках.

Беспокойство вкупе с любопытством проедало его и, взяв в приёмной директора её личное дело, Том с интересом изучал его, добираясь с водителем по нужному адресу. Никакой информации кроме того, что её отец — атташе, а мамаша — домохозяйка. Адрес и номер телефона — на этом всё.

«Не густо» — заметил Шульман, всматриваясь в таблицу с оценками. Исключительное «А» по точным наукам, за исключением латыни. Профильные предметы тоже были вытянуты. В чем же тогда подвох?

Через час Том добрался до убогой и забытой Богом деревушки, остановившись возле какого-то старого бревенчатого двухэтажного дома кирпичного цвета. Хлипкая дверь с потрескавшейся и кое-где осыпавшейся краской нагоняла на него жуткую тоску, а железная ручка и вовсе была сломана. Коричневые окна со сгнившими рамами и небольшое крылечко с гладкой крышей. Сейчас Шульману хотелось вернуться в свой особняк и вырезать из памяти этот жуткий дом, если его ещё можно называть домом.

Он вежливо постучал, слыша детский визг, а после бешеный топот. Дверь распахнулась и на мгновение ему показалось, что на него налетела стая чокнутых летучих мышей, но оказалось всё куда хуже — это были её младшие братья. Три одинаковых мальчика лет семи

кружили около Тома, ожидая чего-нибудь вкусного, которое он и принес, протягивая мальчикам конфеты с ликёром. Шульман не говорил, что не любит детей, но во время близости с женщинами он предпочитал спускаться в тряпку или на простынь. Лучше выслушать пять минут недовольства из-за испорченной постели, чем всю жизнь из-за того, какой неудачный вышел приплод.

Детвора разбирала конфеты, гаркнув тройное спасибо, угостив одной Томаса и его водителя, который смущённо вернулся к машине.

— Где сестра? — спросил Том, разжевывая приторную сладость, осматривая помещение.

— В ванной. А это что такое? — спросил один из парней, дотрагиваясь пальцами до его цепочки на руке, как остальные с любопытством подлетели, лапая широкое золотое плетение.

Том медленно осматривался: бордовые выцветшие обои, белёный потолок и прорезанный кое-где линолеум. Два дивана, кофейный столик и огромная библиотека. Короткая лестница на второй этаж, бежевая дверь и силуэт девушки, что вышла в одном белом полотенце, удерживая его рукой.

Лили опустила взгляд на детей, встав у перил, ахнув и раскрыв рот, заметив учителя внизу. — Вы?!

Том лишь кивнул, зазывая её жестом к себе, зная, что сейчас устроит ей хорошую трёпку, но девушка оказалась осторожной.

— Хотите надрать мне задницу? Валяйте!

«Надрать задницу? Лучше уж тогда отодрать тебя в задницу, сидеть на занятиях ты точно после не сможешь, но, может, хоть ума прибавится?» — подумал он про себя, ощущая приятные мурашки, спускающиеся по спине, стекающиеся к паху.

Долго расслабляться не пришлось, когда в гостиной воцарилась тишина, а перед ним предстала молодая девушка, мокрая после душа, со стекающими капельками воды с волос в светло-голубом, хлопковом домашнем платье. Карие глаза, обрамленные влажными и загнутыми пушистыми ресницами, очаровывали Томаса.

— Тебя не было неделю! — сказал он, всматриваясь в её усталое и бледное лицо, — Где ты, мать твою, была? Не мне нужен этот диплом!

Том отчитывал её как маленькую девочку, что виновато хлопала глазами, опустив голову.

— Почему бы вам просто не успокоиться и не позавтракать со мной? А я всё объясню.

«Чего? Позавтракать? Она смеется надо мной, издевается!»

Том проехал почти семьдесят километров чтобы позавтракать? Он приехал чтобы отвесить ей хороших звездюлей, а вместо этого сидит на маленькой кухне, как гребаный семьянин с тремя детьми и молодой женой, и ест блинчики с мёдом. И куда он скатился? Эта девка вертит им, как хочет, а вертеть её должен он на своём хозяйстве. Кто из них Томас Шульман, в конце концов?

— Вкусно... — заметил он, посмотрев в почти пустую тарелку, запивая всё это сладким чаем с молоком.

Разговаривать по делу уже не хотелось, поэтому они просто ели, изредка переглядываясь.

— Когда собираешься вернуться на учебу? Когда останешься необразованным недоделком из глухой деревни?

Лили скривилась от злости и плеснула в Томаса остывшим чаем, со звоном швыряя чашку на стол. В этот момент он понял, что перегнул палку и взял её за нечто живое.

— Тогда, когда вы перестанете лезть в мою жизнь!

Том чуть не упал со стула, с трудом удержав равновесие, удивляясь от происходящего, от дерзости девушки, зарекаясь больше никогда не помогать и не делать добро, что вечно выходит ему боком, стряхивая с бороды сладкие капли.

Лили уже сотню раз пожалела о сделанном, протягивая мужчине полотенце, чтобы он смог просушить недовольную рожу. Будь на её месте любая другая, Томас бы наверное не сдержал себя, но здесь была та, что занимала все его мысли последний месяц. Звон в ушах становился громче, а сохранять самообладание становилось сложнее.

— Если я не увижу тебя на занятии во вторник, то приложу все мои силы, чтобы ты вылетела из колледжа с пинками под зад! Момент понятен?

Шульман швырнул ей пропитанное чаем полотенце, накидывая пиджак и направляясь к коридору.

— Вы злой! Лили никогда нас не бросит! — один из мальчиков яростно вцепился в его бедро, нанося легкие удары кулачками, — Нас папа бросил! И вы тоже плохой!

Лили отвернулась к окну, утыкаясь в майскую зелень.

— Боец... — Том потрепал мальчика в светлую макушку, поражаясь маленьким защитником, понимая, что не прав. Но, дёргаться уже было поздно и он молча покинул дом, виновато закрыв за собой дверь.

Поздним вечером Томас впервые за месяц принял решение расслабиться, подъезжая к знакомому борделю. Пиджак нараспашку, ворот белой рубашки растянута, а крепкие руки вложены в глубокие брючные карманы. Единственным его желанием после плохого дня было посношаться с какой-нибудь чистенькой девкой.

Несмотря на разрушенный разум и даже сильное желание, Томас никогда не прыгал на первую попавшую под него женщину, считая, что свой член он не на помойке нашёл. Мужчина с самым настоящим фанатизмом запрашивал в борделе только нетронутых девок и если же таких не находилось, то он молча возвращался домой ни с чем. Никогда Томас Шульман не залезет на ту, что уже была в эксплуатации или, проще говоря, была в употреблении. И вот сейчас он стоял возле бара, докуривая редкую, но такую нужную сигарету, ожидая ответа владельца публичного дома.

Серый взгляд перемещался по полуголым девушкам в объятиях молодых, старых и самых разных мужчин. Кто-то зажимался за столиком в углу, кто-то целовался у стены, а кто-то просто выпивал в компании женщин.

— Есть одна девушка. Новенькая, ценный экспонат, но за неё я прошу триста фунтов.

— Хочешь пропихнуть мне защиту шалаву по цене этого бара? Я собаку съел на их трюках по возвращению мнимой девственности, когда за спиной уже побывала целая рота, — Томас недовольно поджал губы, — У меня член проваливался как в гребаное ведро с тёплой водой!

Мужчина хмыкнул, пытаясь заверить недоверчивого мужчину: — Эта точно новая, с биркой-этикеткой между ног. Берёшь?

Том немного поколебался, не зная, что лучше, воспользоваться рукой или всё-таки раскошелиться раз в месяц, все-таки, он ведь это заслужил. Слегка хлопнув по столу, Шульман намерился отдохнуть, вынув из кармана пачку свернутых купюр, недовольно

швыряя триста фунтов, зная, что эту девушку он будет иметь всю ночь, выжимая всего себя и её тем более.

Через пару минут мужчина поднялся на второй этаж, пройдя мимо пустых комнат, тихо постучав в нужную, приоткрывая скрипучую и широкую дверь, за которой ничего не было слышно. В углу постели сидело юное тело, чьё лицо Том никак не мог разглядеть из-за пьяного зрения, делая несколько шагов вперёд к кровати, на ходу снимая пиджак и рубашку.

Ещё два шага и Шульман взъерошил густые каштановые пряди ничком падая возле девичьих ног, что тут же поджалось от волнения и испуга. Серые глаза уставились в огромные и карие напротив.

— Ты чего здесь забыла?

Лили Янг обеспокоенно смотрела на заросшую мужскую физиономию, не желая отвечать, стеснительно прикрывая себя шелковым покрывалом.

— Решила, что сможешь заработать здесь «лёгких» денег?

Янг пожалала плечами, продолжая смотреть преподавателю в глаза.

— Что ж, я дам тебе возможность их отработать.

Томас полз к ней навстречу по мягкому и шелковому ложу, нащупывая кожаный ремень, пытаясь расстегнуть его и грубую брючную пуговицу. Всё, что он сейчас видел, это обнаженные девичьи ноги и покрывальце, которое здесь было лишним. Испуганное тельце сжалось, по инерции сдвигаясь назад.

— Что такое? Триста фунтов на дороге не валяются, Янг! Зачем работать головой, если можно час поработать отверстиями, да?

Шульман навалился на хрупкое тело, опустив голову на её плечо, утыкаясь густой бородой и пухлыми губами в нежную шею, ощущая зверское головокружение, как после морфина со времен войны. Сухие пальцы скользнули по правому бедру, которое дико задрожало. Сладкий запах духов пьянил его.

— Вы блефуете... — прошипела девушка, ощущая горячее дыхание в шею и больше ничего.

Том не двигался, замерев в одной позе.

— Либо ты смелая, либо глупая. И я не знаю, что из этого хуже, — пробормотал он, продолжая дышать ей в ухо, — Я чувствую, как ты дрожишь, как дрожит твой голос, — Шульман отпрянул, толкнув девушку в грудь, от чего та упала спиной на кровать, возмущенно осматриваясь.

«Дура!» — подумал он, надевая рубашку, пытаясь со злостью застегнуть манжеты рукавов.

— Пойми, лёгких денег не бывает, — Томас осознавал, что снова лезет в её жизнь, напрашиваясь быть вновь облитым чаем. Он не знал, зачем сейчас допытывался до неё, ведь проще было оставить девушку на растерзание кого-нибудь другого. Лишь бы его всё это не касалось, но какой-то отцовский инстинкт не позволял ему развернуться и уйти.

— Бросаться из крайности в крайность — не выход даже в самой сложной ситуации, — бормотал он, не поднимая взор на девушку, что продолжала сидеть в углу кровати, проливая солёные слёзы. Капли падали на серый шёлк, медленно впитывая воду, растекаясь по волокнам ткани.

— А что тогда выход, мистер Шульман? — Лили уткнулась в стену, роняя прозрачные капли с абсолютно безразличным лицом, на которое Томас внимательно посмотрел, услышав свое имя, — И есть ли вообще выход? Нас рожают на свет для вечного скитания по

несбывшимся надеждам, заставляя жить в собственном мире под названием «Разочарование».

Мужчина нервно почесал бороду, скривив нижнюю губу, а после повернулся к ней, осматривая осунувшееся лицо, длинную шею и бледные плечи. Левая рука лежала на груди, поверх ткани, скрывая её несовершенства.

Шульман вздохнул, делая ещё одно движение, чтобы приблизиться к студентке на расстояние вытянутой руки, убирая русые волосы с влажного лица за ухо.

— Послушай, ты очень запустила учёбу, — он смотрел в её карие глаза, читая безысходность в чёрных зрачках, — Я хочу, чтобы ты поборола свой юношеский максимализм и взялась за ум.

— Для чего? — спросила Лили, продолжая равнодушно по отношению к Томасу буровить стену, — Жизнь — метание, затяжной вздох от рождения и до смерти.

Мужчина ухмыльнулся, слушая её рассуждения.

— Я думаю, образование, диплом и хорошая работа позволили бы тебе метаться меньше. Вот увидишь, и вздох станет более облегченным.

Лили слабо улыбнулась, заражая этим и еврея.

— Одевайся, мой водитель отвезет тебя домой.

Том встал с постели, утыкаясь в собственные часы, с мнимым интересом рассматривая циферблат, пока за спиной юная девушка в спешке натягивала платье.

— Вот, — буркнула она, подходя к мужчине, протягивая три сотенных купюры, — Возьмите назад. Я не заработала.

Том вскинул брови: — И здорово! — ухмыльнулся он, обнажая кривые и белые зубы, но заметив всю серьёзность девушки тут же добавил, — Оставь себе и приходи уже в колледж!

Томас Шульман привычно стоял у доски, проклиная ноющую боль в ноге, что-то расписывая на доске и нервно поглядывая сначала на часы, а затем на пустое место, которое обычно занимала Лили.

С момента их разговора они не виделись неделю, ведь Шульман был в колледже лишь по вторникам, а всё остальные дни он трудился в своём баре и читал Тору. Именно эта священная книга одарила его терпением и сдержанностью к девушке в тот момент, когда она была перед ним как на ладони в чём мать родила. Лили как будто без слов требовала от Тома соблюдения всех заповедей, запрещающих исполнение определенных действий, или же предписывающих исполнение этих самых действий. Девушка не меняла его в лучшую сторону, а лишь открывала новые черты, расширяла его границы. Но устройство Томаса оставалось прежним, потому что он был и оставался — частью лондонской банды евреев, которую крыл самым отборным матом, и это никуда не могло деться.

Том стал ещё больше о ней думать, вчитываясь в Тору, бегая глазами по ивриту, словно искал в этой книге ответы на свои вопросы. В его голове сталкивались противоречия, ведь она была христианкой, а он — иудей; она — студентка, он — преподаватель; она — совсем юная, а он уже зрелый и повидавший жизнь. Разные веры, разные взгляды, разные ценности и ничего общего. Том — спокойный и рассудительный, а Лили — буйная и импульсивная, живущая чувствами и эмоциями.

Переступив порог её дома, он не мог не заметить чистоты, уюта и комфорта. Вкусная еда, благоприятная обстановка и наличие воспитания у неё и младших детей подбрасывали новую почву для размышлений. Но... всё время появлялось какое-то «но».

Мужчина сел на место, поглядывая на часы, что болтались на тонкой золотой цепочке. Задумчивое и хмурое лицо пробежалось по классу, который казался пустым без одной, такой нужной ему студентки. Внезапно старая и скрипучая дверь распахнулась, а в кабинет параллельно со звонком влетела Янг, виновато и разочарованно встав у входа.

«Блин, какая-то минута!» — пронеслось в её голове, пока она искала оправдание своему опозданию. Мисс Янг открыла было рот, но мистер Шульман довольно махнул рукой, чтобы та поскорее заняла своё место.

— Указкой бить не буду, мисс Янг, — Лили смущенно улыбнулась, вытаскивая из сумки нужные книги, тетрадь и карандаш.

Томас встал с места, начиная занятие с приветствия и привычного списка отсутствующих, которых сегодня не оказалось.

Дальше всё снова по отработанному сценарию: чтение произведения, обсуждение и написание короткого сочинения-рассуждения. Только вот снова произошла несостыковка между мнениями учителя и ученицы.

— Большое значение в литературе всегда отдавалось жертвенности любви, дамы. Ни одно произведение не упускает эту сюжетную линию, — на последний парте кто-то зевнул и хмыкнул, — Янг? — вопросительно буркнул мужчина, заметив вскинутую руку.

— Мне кажется, всё это гораздо проще, чем мы думаем.

— То есть? — обернулся Том, поправив набок волосы.

— Это лишь красивые сказки, которые противостоят реальности. Он втирает ей о

вечной любви, но после получения желаемого, что происходит? — спросила саму себя девушка, что-то рисуя карандашом на столе, изредка посматривая на заинтересованного и готового слушать Томаса.

— Хватит ходить вокруг да около, Янг. Может тебе встать на моё место?

— Вы меня приглашаете?

— Я настаиваю, — учитель сел на место, наблюдая за тем как девушка быстро подошла к доске, сверкнув бордовым и потрепанным сарафаном, под которым была белая блузка, и, обернувшись, взволнованно прочистила горло.

— Как можно вообще относиться с состраданием к этой девушке? Что направляло её разум? Чувства и вера в то, чего нет?

Том хмыкнул, сложив на столе руки: — Нет? Ты не можешь знать наверняка!

— Послушайте, никто не хочет видеть в нас душевную красоту, и всё стекается к телу, разве не так? — Лили развела руками, — Ведь героиня перестала быть интересна мужчине после сближения, не так ли, мистер Шульман?

«Если бы всё стекалось к телу, то ты бы здесь уже не стояла» — учитель устало поджал губы, вспоминая их короткую, но эпичную встречу в борделе. Не будь у него желание рассмотреть её внутренний мир, то он бы поддался похоти и разврату, и, возможно, Лили рассуждала бы иначе?

— У героини было желание отдавать, а отдавать — это и есть смысл любви, — заверил Томас, недовольно выдохнув через нос.

— Вывод: миром правит животный инстинкт! Поправка, мужчинами правит животный инстинкт.

Том был разочарован её ответом и рассуждением на прочитанную повесть, а Лили же растерялась, поникнув до конца занятия, словно хотела услышать от него что-то другое. Она снова выступила в роли шута, а он — в роли законченного идиота. Тому стало казаться, что девушка насмотрелась на мужской пол и определенно его ненавидит.

После занятий мисс Янг ждала учителя в кабинете ещё более понурой и расстроенной.

— Ты пишешь сочинение, я — проверяю, а после дружно расходимся, — раздраженно буркнул он, войдя в класс, швырнув ей тетрадку.

Лили покорно кивнула:

— Я вас чем-то расстроила?

Мистер Шульман клацнул зубами, а после с тяжёлым вздохом кивнул: — Меня откровенно бесят твои рассуждения. Они меня разочаровывают.

Лили поспешила извиниться.

— Не в этом дело, — унял её учитель, — Ты можешь думать как хочешь, как тебе нравится, и как ты считаешь правильным. Но, неужели твой жизненный опыт богаче моего? Или ты действительно решила, что знаешь и понимаешь больше остальных, м? Любая теория нуждается в практике, Янг. Ага?

Лили быстро кивнула.

— Но, сэр... Наблюдая иллюзии других, я всего-навсего утратила свои.

— Это твоя проблема, — заверил Том, заведенный не на шутку, злобно стуча тяжелой ручкой по учебнику, — Живи своими мечтами и надеждами, своей верой в любовь.

— Зачем? Чтобы в конечном итоге остаться раздавленной по собственной воле, как и

все?

Том глубоко вздохнул, набираясь терпения:

— Что значит, как все? Ты не они, а они не ты! У всех правил есть исключения. Я бы тебе это быстро доказал!

Лили вскинула голову, а Томас уставился ей в глаза, отчётливо понимая, что только что ляпнул. Его лицо расправилось от напряжения, становясь мягким и даже немного умиротворенным.

— Докажите... — протянула Лили, продолжая буравить серые глаза.

— Ты решила со мной поиграть? Если я возьмусь, то не отступлю, пока не доведу дело до конца. Хорошо подумай, оно тебе надо, а? Надо?

— Зависит от того, что ждёт меня в конце...

Том потёр руки, намереваясь заключить выгодную сделку, наблюдая её мнимое спокойствие.

— Радость и покой, но это при твоей полной отдаче мне.

— Это условие?

— Нет, это обычная сделка.

Лили насупила нос, бегая глазами по классу, обводя бежевые стены, шторы, стенды и плакаты, огромные окна и наконец останавливаясь на Томасе, что терпеливо ждал, теребя ручку.

Девушка понимала, что, с одной стороны — это выгодно, ведь шашни с учителем при любом исходе ведут к тому, что её долги моментально исчезнут, на пропуски будут закрывать глаза, и она сможет полноценно заниматься образованием дома, а также присматривать за братьями и больной матерью. «А может, на мистере Шульмане можно вспахать целый огород, если братья не успеют к посеву?»

Она молча оценивала его физическое развитие, обводя глазами широкие плечи, грудь и массивные руки. Поиграть в любовь — задача сложнее некуда, но Лили твёрдо решила попробовать, рискнуть и попытать удачу. Если правильно расставить приоритеты и обозначить приемлемые рамки, она абсолютно ничего не потеряет. Но всё это было не так выгодно, как для самого Шульмана. И эта мысль мелькнула где-то в уголках карих глаз. Что он получит взамен? Ведь Том, как истинный еврей, никогда и ничего не делал просто так. Статус? Или просто докажет правоту и превосходство?

Лили облизнула губы.

— Нервничаешь? — спросил её мистер Шульман надменным и охрипшим голосом.

— Думаю, — отозвалась она.

— Нервничаешь, — протягивая гласные, констатировал Том.

Мужчина хмыкнул и учтиво кивнул, вновь складывая сухие руки вместе, прожигая её глазами.

— И всё-таки, в чём подвох? — спросила Лили, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, которая стала её душить.

Том вопросительно вскинул брови: — Какой подвох ты ищешь? Я перед тобой честен. Принимай уже решение, у меня ещё дела помимо тебя.

Томас подумал о баре и своих проблемах с нелегальным бизнесом, которые топили его с головой в дерьме. А он его потихоньку расхлебывал, по-человечески устав от всего. Возможно, эта «сделка» была больше нужна ему, потому что он желал непринужденного общения и тепла. Чтобы кто-то его ждал и слушал, необязательно любил. Лишь бы просто

кто-то был.

— Вы мне нравитесь, потому что вы — одиночка. — нарушила тишину девушка, сбрасывая Тома словно с вороного коня, начиная играть сразу же не по правилам, — Такой же, как я.

— Я? Одиночка? — Томас хмыкнул, прищурившись, — друзья, коллеги, студентки. Я не одиночка, Янг.

Да никого у Тома не было: ни друзей, ни коллег, которые были бы для него чем-то большим, нежели галочкой в списке источников выгоды. Да и студентки его скорее шарахались, чем обожали.

— Ну так что? — его терпение медленно испарялось и Томас осторожно давил.

— Я согласна, но, с течением времени, я хотела бы внести некоторые правила, — заверила Лили.

Тому это не понравилось, но вида он не подал, слегка плюнув на ладонь.

— Сделай также.

Лили посмотрела на мужчину как на глупца, но просьбу выполнила, протягивая в ответ раскрытую руку.

Томас не стал гонять девушку сочинением после напряженного момента, решая запросить должок за эту поблажку в будущем. Он был удивлён её согласию. То ли она просто дурочка, то ли хитрая дурочка, которая хочет его надуть.

«Обмануть еврея — остаться обманутым самому» — думал он, закидывая на плечо её сумку, пока та сверкала от счастья, получив оценку просто так, на деле — авансом.

— В следующую пятницу комиссия, и если ты не успеешь закрыть долги, тебя отчислят за пять минут до выпуска. Понимаешь же?

Девушка устало угукнула: — Всё бы ничего, но математика и латынь... Мисс Эванс такая... вредина, она меня просто ненавидит.

Том улыбнулся, понимая тонкий намек.

— С латынью могу помочь, а вот математику тебе придётся навестать.

Лили ехидно ухмыльнулась.

На таких хитро сделанных как она, Томас Шульман некогда съел собаку, а закусил сучкой, в роли которой сейчас она и выступает в этом идиотском цирке.

«Ну и на кого я похож, мать вашу? Ташу её сумку на плече, как мальчишка, пока та идёт впереди, виляя бёдрами, которые были у неё что надо: широкие и красивые. Ей только плодить детей, да пополнять доблестный и великий еврейский род»

— Твой автобус? — указал Том в сторону остановки.

— Ага! Мне пора! — Лили оживилась принимая из рук его сумку, что Томас нес три квартала, как ездовой верблюд, — До свидания.

Карие глаза напротив смотрели точно в его, ища какие-то ответы или вопросы. В следующее мгновение Лили дёрнулась к транспорту, но Том схватил её за талию, прикасаясь пальцами к мягкой ткани сарафана, поднимаясь вверх.

— А поцеловать? — её глаза округлились и чуть ли не вылезли из орбит. Кажется он обошёл её наглость своей.

Вопросительно-растерянная мордашка подрумянилась на майском солнышке, а податливое тельце легонько отстранилось.

— Нам теперь положено.

Лили возмущенно вздохнула, посмотрев на автобус, а тот словно никуда не спешил и

ждал прощального поцелуя не меньше, чем Том.

— Давай же, — его голос совсем охрип от предстоящих приятных ощущений, — Ты скрепила рукопожатием наш договор.

Лили нервно сглотнула, делая шаг к заросшему лицу, положив правую руку на плечо Томаса, будто это ей чем-то поможет. А он никогда не был терпелив и ужасно не любил ждать, поддаваясь вперёд, осторожно запечатывая их «делку» пухлыми губами на таких же, только очень нежных и розовых, ощущая сладкий привкус и жгучее тепло, бегущее по всему телу. Она в этот миг лишь зажмурилась, словно у виска её был пистолет.

— А теперь, пока, — сказал Том, отпрянув от полюбившихся губ, продолжая держать её чуть выше талии, — Когда ты будешь дома?

Лили растерялась окончательно, с трудом подбирая слова, путаясь и ещё больше краснея: — Ну... эм... через два часа, не раньше.

Том принял к сведению.

— Значит, ровно в шесть я тебе позвоню, добро?

Конец мая

Томас и не думал, что ухлестывать за молодой девушкой будет так интересно и весело! Ох уж это постоянное и детское желание увидеться, поговорить и побыть рядом! Оно забавляло его.

У Томаса Шульмана и Лили Янг были какие-то подростковые отношения. Походы в театр и просмотр кино позволяли ему почувствовать себя молодым и необузданным. Такой ерундой он страдал только до войны совсем молодым и отбитым.

Все эта околесица позволяла ему не думать о работе двадцать четыре на семь, пока Лили мало-помалу вила из него верёвки, получая зачёты и допуски к экзаменам, пропадая целыми днями на практике в местной больнице, пока Том улаживал её делишки. Тут и там он ставил ей оценки, где-то не заслуженные, но оправданные. После Шульман встречал её под вечер, подавая руку и ведя к машине, как пай-мальчик, целуя её только в щёчку.

— Как у акушерки-таки не могу не спросить, ты руки мыла?

Дальше они вместе ужинали, и Томас слушал жуткие рассказы о родах, крови и прочих гадостях, теряя аппетит. Лили радостно смеялась, наблюдая за его лицом, скривившимся от отвращения, притягивая к себе десерт.

— Ты похож на чудика! — хохотала она, указывая на его взъерошенные от её жутких рассказов волосы, что вставали дыбом.

«Кто такой чудик?» — спрашивал Том себя, рабочих и знакомых, которые наверняка думали, что он просто окончательно и бесповоротно свихнулся.

«У сидящего перед тобой чудика еврейская половина Лондона спрашивает можно ли им сходить помочиться или отодрать жену раком, как у самого настоящего раввина.» — крутилось на у него на языке, пока Том наблюдал её веселую и немного смущенную улыбку, — «Благо, позволить себе сходить по помочиться я могу позволить в любое время. И если же соберусь подобраться к тебе, то получу на это настоящее разрешение у настоящего раввина, сладкая».

Вообще, Томас относился к тому народу, который боялся крови и старался избегать её напрасного пролития. Кровь — это грязь, а всё вокруг еврея должно быть чистым. Поэтому от её рассказов волосы вставали не только на голове, но и на всём теле.

В бизнесе его всё тоже кое-как устаканилось, поэтому Том смог вздохнуть и, наконец, позволить себе думать о чем-то большем, чем споры и деньги.

— Не хочешь завтра прокатиться загород? — спросил Томас, делая глоток воды, желая наконец-то поесть, притягивая к себе блюдо с горячим куриным супом, — Природа, воздух.

Лили пожалала плечами, пока он с огорчением вылавливал из своей тарелки кусок медленно плавящегося сливочного масла.

— Мм... Ну что за дела, а? — он отодвинул суп, огорченно бегая по столу глазами, понимая, что съесть ему больше нечего.

— Чем вам масло помешало? С ним вкуснее... — заверила его Лили.

— Никогда, никогда порядочный и уважающий свои традиции иудей не будет смешивать молочное и мясное! Трефная пища, так сказать.

Лили посмотрела на Томаса с непонимающим лицом, требуя объяснений.

— Погоди...

Мужчина подозвал официанта, требуя заменить ему суп, возвращая внимание и взгляд к девушке, которая заметно напряглась и приготовилась слушать.

— Я живу по заповедям и законам, что прописаны в Торе, да? Для меня делать что-либо без молитвы или неправильно — грех. Так же, как и есть что-то не кошерное — грех.

Лили на это лишь деликатно улыбнулась, считая Томаса чуть ли не фанатиком, возвращаясь к еде.

Всё это время он потихоньку приучал её к еврейской кухне, заменяя привычные ей блюда только национальными. Сначала она яро сопротивлялась, но после вошла во вкус, найдя для себя даже любимое — цимес. Попробовав впервые, она выплюнула ложку в салфетку, сморщившись до неузнаваемости, несколько раз передернувшись со словами: «Это что за падаль?»

Томас бы рассмеялся, не будь это его любимой сладостью из самого детства, состоящее из моркови и других овощей. Мать Тома часто готовила цимес, оставив в душе мужчины только добрые воспоминания.

— Там плавают жир?! — вопила девушка, рассматривая желтую жижу в своей тарелке, пугая остальных еврейский гостей, что с недовольством наблюдали за гоем.

— Так что насчёт природы?

Лили потёрла висок: — Хотите природы, приезжайте к нам? Потому что в моем распоряжении тринадцать соток земли и три младших брата.

Не так себе Том представлял их первое уединение.

— Хочешь сказать, тебе дали задание перелопатить и засадить огород, да?

Лили кивнула, пачкая губы карамелью.

— По-моему, твои старшие братья тебя эксплуатируют.

Лили сжала вилку: — Братъёв, прошу вас, не трогать! — она швырнула прибор об стол, накрывая его ладонью.

Том снова задел её за что-то живое, но за что именно, пока непонятно.

— Что я не так сказал?

Лили попыталась успокоиться, запивая злость теплым чаем, удерживая чашку пальцами.

— Ты ничего мне не рассказываешь о своей семье. Из тебя всё приходится вытягивать клешнями, — изобразил он последнее пальцами, — А если я что-то говорю не так, то ты бурно реагируешь, предварительно не обозначив приемлемых границ!

Лили потупилась, обводя ободок чашки ногтями.

— Может, начнём с вас? Расскажите мне о себе и своей семье? Я также ничего не знаю! — просьба звучала скорее как вызов.

Томас покопался в памяти, растеряв весь аппетит, и плюхнул ложку в суп.

— Тебе что, автобиографию выложить?

Лили ожидающе вскинула руки.

— Ладно, настырная. Привет, Меня зовут Томас Шулман. Мне тридцать шесть лет, и я еврей, верно? Моя мать была польской еврейкой, а мой отец был лондонским евреем. Он бывший член Палаты лордов.

— Значит, у вас английские корни?

Том устало вздохнул. Он думал, что разговаривает с гребаным ребенком.

— Ты вообще меня слушаешь? Я тебе только что сказал, что я еврей. Моя мать-

чистокровная еврейка, мой отец-чистокровный еврей. Моя мать приехала в Англию вместе с семьей. Она была из благородной семьи, понимаешь? Здесь она познакомилась с моим отцом.

Лили виновато причмокнула губами, пытаясь найти нужные ключи от сердца Томаса. На самом деле он давно выбросил эту связку, потому что просто ненавидел говорить о своем прошлом, детстве и семье.

— А как же твой отец? Как он оказался в Палате?

Томас раздраженно вздохнул.

Воспоминание

Более десяти лет назад

Молодой и неистовый Томас, в расцвете сил, жаждал найти своего отца и показать, чего достиг его сын. Мужчина долго искал его отца всей Англии и в конце концов наткнулся на него во время деловой поездки в Соединенные Штаты, куда он эмигрировал ещё до войны из-за обвинений в мошенничестве в Палате.

— Здравствуй, пап, — пробормотал Томас, протягивая руку старику в кожаном кресле.

— Это ещё что за хрен? — грубо спросил Шульман-старший, глядя на высокого темноволосого мужчину с гладким лицом, серо-зелеными глазами и коротко остриженными волосами. Черный костюм, шляпа и пистолет в руке.

— Этот хрен произошел от твоего уже обвисшего и дряблого хрена, который кто-то должен был отрезать его тебе сразу после рождения, — старик заерзал на кресле, — Меня зовут Томас. Томас Шульман.

— Ублюдок, неужели ты думаешь, что можешь прийти сюда и называть себя моим сыном? — прохрипел он в ответ, замахиваясь тростью на Тома. Старик явно был не в себе от старости, но продолжал грубить и поливать грязью, — Чего ты хочешь от меня? Деньги, наследство? Почему ты стоишь здесь, как парижская девственница?

Том нервно облизнул нижнюю губу.

— Ты хочешь, чтобы я передал привет твоей мамашей? Если бы ты только знал, как она выводила меня в браке, заставляя слушать дурацкие пластинки и есть тошнотворную стряпню. Если бы ты только знал, как она мне не нравилась! И как я не любил детей, которых она мне родила! Включая тебя, маленький засранец! — указал старик на Томаса, — Слабак, за которым гонялась вся улица.

Эти слова лишили Тома рассудка и три точных выстрела в сердце поразили немощного старика, который едва вздрогнул от пуль, вошедших ему в грудь.

Лили легким прикосновением руки оторвала Томаса от воспоминаний, вызвав новую волну мурашек по его коже.

— Мой отец... — вышел он из закоулков памяти, — Мой отец ушел из семьи, когда мне было двенадцать лет. У него была молодая жена и другие дети, которых он любил больше, чем меня.

— Почему?

— Потому что он не любил мою мать, а дети этой женщины всегда будут нелюбимы.

Томас слегка покраснел и потер бороду.

— Он был беспринципным Лордом, лжецом и вором до мозга костей, ясно? — продолжал злиться Том.

Лили поджала губы и кивнула.

— Правда ли, что сыновья часто идут по стопам отца? — Девушка прервала его размышления, задав свой вопрос, не отрывая глаз от стола.

Было ли это очередным испытанием или попыткой проверить уровень терпения Томаса? Голова у него закипела, в ушах зазвенело, лицо заметно покраснелось, а правая рука машинально схватила девушку за руку, слегка сжав ее хрустальное запястье.

— Не смей! Не говори так больше! Ты меня поняла? — Его пальцы побелели, когда он почувствовал сквозь тонкую кожу ее кости, — Ты не знаешь меня! Ты не знаешь моего отца! Я не такой как он, понимаешь? Я никогда не оставлю своих детей, ясно тебе?

Она отшатнулась, легким и нежным прикосновением отняла руку, обиженно и испуганно взяла с колен салфетку, скомкала ее и бросила в суп, который расплескался по столу.

— Эй, юная леди! Я собирался его съесть! Он стоит целый фунт!

Лили встала из-за стола, натянула тонкий кардиган и уставилась в пустоту со слезами на глазах.

— Куда это ты собралась? Мы еще не закончили!

Она с трудом сглотнула и сказала дрожащим голосом:

— Я хочу домой!

Лили вынула из кармана несколько мелких купюр и положила их на стол, направляясь к двери.

— Лили, куда ты, черт возьми, собралась?

Том встал между соседним столиком и их столиком, преграждая ей путь, держа ее сумку на плече. Его пальцы скользнули внутрь, нащупывая маленький кармашек, куда он положил ее чертовы деньги.

— Дай мне пройти! — Прошипела она.

— Ух, я таки весь завожусь, когда ты так рычишь, серьёзно! Тем более, что мы наконец-то на ты? — Попытка пошутить не увенчалась успехом, а только больше обидела и без того ранимое создание.

Щелкнула звонкая пощечина, задев ухо. Томас тут же отступил, потирая лицо, позволив ей уйти.

Телефон Лили ни через два часа, ни через три, не взяла. Том беспокоился и не находил себе место, набирая знакомый номер. Только гудки и тишина. В конце концов она сняла трубку, таким образом дав понять что дома и разговаривать с ним она не будет.

«На что она обиделась?» — размышлял Том.

Очередная веселая ночь шла полным ходом в баре, раздаваясь грохотом музыки, пока Томас сидел в кабинете, прикидывая варианты, размышляя, действительно ли оно ему надо.

— Эй, Исаак! На завтра... — он задумчиво почесал висок, — На завтра к шести утра собери восемь крепких ребят.

Парнишка кивнул, исчезая за дверью кабинета.

Утром следующего дня Томас чувствовал себя ещё более разбито, чем вчера, усаживаясь в машину, надеясь доспать пару часов в пути. Кортёж двинулся в нужную деревню, чтобы он смог выкрасть девушку хоть на пару часов и расставить все точки.

Привычный старенький дом, небольшой на первый взгляд участок и трое детей, что бегали по двору, сражаясь друг с другом на деревянных мечях. Это был подарок Томаса за

нужную ему информацию, которую малышня слила и подала на блюдечке с золотой каемочкой о своей любимой сестре. Дети — эгоисты, и им простительно.

— Шалом пацанье, — Том пожал руку каждому засранцу, замечая их сходство с сестрой, возвращая в карман брюк уже черную от грязи руку, — Сестра спит?

Дети закивали, выжидающе уставившись на щедрого еврея. Том вынул из кармана немного растаявших конфет, отдавая детям, которые, видимо пробовали их только благодаря его доброте. Голодные глаза и чумазые лица. Мурашки по спине. Том никогда не понимал, зачем делать выводок детей, если не в силах их достойно поднять и воспитать?

Он прошёл дальше, пару раз гулко ударив в гнилую дверь. Лили открыла её только через пять минут, сонная и такая милая, потирая глаза. Короткая ночная рубашка белого цвета, растрепанные и спутанные волосы, полуголые бёдра.

— Доброе утро, солнце.

Она тут же надула губки, сверкнув маленьким жёлтым синяком от его большого пальца на запястье, намереваясь закрыть перед носом дверь.

— Я прошу прощения, да? Такое больше не повторится, если ты не будешь меня злить, ага?

Том стоял и распинался как мальчик.

— Покажи рабочим, что нужно делать, а потом собирайся, я хочу ещё успеть позавтракать.

— Как у тебя всё просто? А братьев мне куда засунуть?

«Вот опять началось хамство. Туда, откуда они вышли» — подумал Томас.

— В мою машину. Только, ради всего святого, умой их и переодень, а то мои ребята думают, что это какие-то черти без хвостов по огороду бегают.

День они провели за городом, в небольшом и уютном бревенчатом домике возле озера.

Братья Лили купались в прохладной воде до посинения губ, пока Том ловко подкидывал их через себя, а те с визгом плюхались в воду, то и дело теряя растянутые шорты.

Лили стояла на берегу, наблюдая за нами с улыбкой и беспокойством.

— Иди к нам, Лили! Том и тебя подбросит!

«Том?! Такими темпами я стану им папочкой!» — усмехнулся он про себя.

— Иди сюда... — поманил он её рукой, но получил отрицательный ответ, — Боишься?

Томас взял её на слабо, и девушка, немного поколебавшись, сбросила лёгкое платье, переступив через него, оставаясь в короткой ночной рубашке. Длинные ноги и светлые бедра. У неё не было пляжного наряда, и всё это время она просто стеснялась заходить в таком виде в воду.

— Ну же... — Том протянул ей руку. Она нехотя вошла в озеро сначала по колени, а после по бедра, которые тут же покрылись крупными мурашками.

Он встретил её чуть глубже.

— Тут уже достаточно глубоко?! — запищала Лили, теряя под собой дно. Она взволнованно вцепилась в Томаса, обвив его шею руками и обхватив поясицу ногами, зажимая в замок.

Том наконец-то почувствовал её женское тепло на своём теле, обнимая её за поясицу и притягивая ещё сильнее к себе. Ее зубы стучали, взволнованные глаза бегали по водной глади, которая игралась с ней яркими лучиками, что ослепляли, отражаясь от кристально-чистой воды. Её касания медленно обжигали мужскую голую спину и грудь, оставляя на

коже влажные следы.

— Трусишка! — ласково прошептал Томас, приближаясь к её лицу, чувствуя горячее дыхание и тело сквозь мокрую ткань рубашки, что из мешковатой тут же стала приталенной.

Лили проглотила дрожь, но её зубы по-прежнему стучали, пока Том рассматривал в упор карие глаза с длинными и влажными ресницами, тонкий и курносый нос с мелкими веснушками, розовые и искусанные губы. Никаких морщин и прочих несовершенств, только светлая кожа и едва подрумяненные щеки. В отличии от его далеко не юного и даже не молодого лица, которое Лили с интересом рассматривала. Ее взгляд то задерживался на глазах, то на губах — и на последних гораздо чаще и дольше. Вот он, тот самый момент.

«Давай, Том! Не тормози! Сейчас или никогда!»

Мужчина дотронулся до её носика своим, несколько раз ласково и медленно проведя линии, вдыхая её воздух, собирая прохладные капельки, смотря в тёмные глаза, которые плавно прикрылись. Лили не отстранилась, а значит — дала Томасу добро пустить в ход губы, которые осторожно примкнули к её, заглушая на заднем фоне визги и крики детей, плескание воды и пение птиц. Податливые и мягкие, ее губы встретили его как родного, позволяя ему оставить более чувственный поцелуй, захватывая её нижнюю губу. Он ощутил сладко — солёный вкус от брызнувшей из маленькой трещинки крови.

Идиллию нарушил вопль одного из мальчиков, который отчаянно пытался доплыть до другого.

«Ну, черт!» — выругался Том мысленно, делая рывок и возвращая того мальчишку, что рванул на помощь, а уже после ныряя за вторым, который из-за собственного непослушания чуть не угодил в могилу.

Опустившись в прозрачную воду, Том напрягал зрение, пытаясь рассмотреть силуэт ребёнка. Нигде нет. Мужчина вынырнул, набираясь воздуха, заметив ревущую Лили, что судорожно ждала на берегу. Ещё одна попытка опуститься глубже, так, что его уши заболели от высокого давления. Наконец, он заметил ребёнка и схватил его за отросшие волосы, толкая вверх.

Мальчик громко вздохнул с отрывистым всхлипом, откашлявая большое количество воды, песка и ила.

«Гребаные дети! Я чуть от инфаркта не умер!»

Лили стоя на коленях крутилась возле брата, пока Томас в кустах выжимал свои трусы, наблюдая её округлую задницу, опуская взгляд ниже.

«Хоть что-то, мать твою, хорошее!» — выругался он, натягивая брюки, продолжая смотреть, «Не зря я не люблю детей. Ходишь за этими червяками, кормишь, поишь, одеваешь, обучаешь, а он пошёл, да в озере утонул! Ну что за чертовщина? Для чего столько денег и времени тратить?»

Ближе к вечеру они подъехали к дому, не нарушая молчания. Участок был вспахан и засеян, а Лили приехала расстроенной, но, все же, отдохнувшей и хоть немного отвлекшейся от своей рутины.

— Хочешь зайти на чай? — спросила она Тома.

Он отрицательно помотал головой, ссылаясь на занятость, на что Лили с успокоением выдохнула, чмокнув его в щёку, и шёпотом поблагодарила.

Спустя ещё несколько недель

Томас шёл к своему кабинету, поправляя черную рубашку, развязывая передник.

— Эй, ты! Криворукий носорог, смотри за тем, что ты мать твою, делаешь! — прикрикнул Том на одного из работников, подходя ближе, — Ты знаешь, что алкоголь — легковоспламеняющееся вещество, обсосок?! Читай регламент и инструкцию, прежде чем работать!

Он пошёл дальше, минуя бар и столики, но был остановлен своим племянником, несшим небольшую коричневую кожаную сумку с вещами.

— Том! Том! — Он обернулся, — Твои вещи!

— Хмм... Всё, что я велел, принёс? — спросил Томас, забирая багаж, — Если ты что-то забыл, я погоню тебя ко мне домой пинками!

Том вошёл в свой кабинет, посмотрев на часы и скидывая пропахшую телом рубашку, тут же надевая чистую на крепкое, мощное, полное жизни тело с широкой спиной, длинными и едва заметными в покое мышцами. Жёсткие и плотные руки накидывали на массивные плечи рубашку. Короткие кудрявые волосы тянулись от густо заросшей бороды к шее, становясь шире на груди, сужаясь на поджаром животе и снова растекаясь уже в области паха. Пальцы стали быстро застегивать пуговицы снизу вверх, прикалывая цепь для часов. Том никогда не был особо хилым и слабым, скорее худощавым и жилистым, но война быстро его исправила, добавив веса, позволяя телу подналиться мужскими соками. Дальше привычный любимый одеколон, пиджак и шляпа.

Оставшиеся вещи он взял с собой, швырнув пропахшие в сторону, пересекая холл заведения.

Лили сидела перед зеркалом в своей комнате, подкрашивая густые ресницы. Идея Томаса знакомства с её родителями девушку особо не прельщала.

Во-первых, через неделю у неё сдача последнего экзамена, через две — защита диплома и долгожданный выпуск, а значит, помощь Тома ей будет не нужна. Во-вторых, сам Томас не привлекал её как предстоящая перспектива. Да, он серьёзный, умный, галантный и определенно производил хорошее впечатление. Но куда деть его хамскую и грубую природу, что была передана ему с молоком? В-третьих, он был самым настоящим фанатиком, хоть и отрицал это. Он постоянно навязывал ей свою веру. Том для неё был деспотом, пусть даже очень милым и обходительным. Делай так, не делай это! Он жил по своим законам и правилам, которым пытался подчинить и её. В-четвертых, Том был ей как отец, ведь разницу в возрасте никто не отменял, тем более, если она составляет восемнадцать долгих лет.

Она могла перечислять сколько угодно, лёжа в постели, утыкая взгляд в потолок. Но стоило раздаться телефонному звонку, как она тут же хватала трубку, забывая обо всём. Ставший привычным за три месяца голос на проводе, такой хрипловатый и медленный, с лёгким акцентом и особым растянутым слогом пускал приятные мурашки по её бледной коже. Они могли беседовать часами, пока девушка не засыпала с трубкой в руках, посреди разговора обо всём. Иногда Томас позволял себе более развязные темы, и Лили тактично уходила от них, зная к чему это может привести. А давать пустые надежды ей не хотелось.

Что не говори, но девушка привыкла к нему, к его присутствию в её жизни. Ведь под покровом Тома она наконец-то смогла почувствовать себя слабой, даже немного ребёнком.

Лили вернулась в спальню из размышлений, и ей показалось, что внизу стало слишком шумно. Поправив платье и проглотив любопытство, она скользнула вниз.

В гостиной в кресле широко расставив ноги сидел Том, одетый, как самый настоящий джентльмен: белоснежная выглаженная рубашка, чёрные брюки и до блеска надраенные ботинки. Чем-чем, а вот чистоплотностью и опрятностью Том мог похвастаться, и этим очень даже подходил аккуратной Лили. Серые глаза, напряжённые брови и лоб, короткая и ухоженная борода. Вряд ли он походил на учителя.

Девушка скользнула внутрь, наблюдая за тем, как папа разливает мужчине и себе алкоголь. Томас явно не влился в коллектив, не вызвал у её родителей восторг или хотя бы симпатию. Старшие братья тоже смотрели на него косо. Обстановка царилла напряженная.

— Томас, ты что пришёл в гости к моим родителям? — немного обиженно поинтересовалась Лили, присаживаясь на боковину кресла, в котором сидел еврей.

— Вроде того, — сказал мужчина, обхватывая осиную талию девушки, несколько раз проводя по ней рукой.

Мистер Янг недовольно хмыкнул, но мужчина не убрал с её поясицы руку.

— Лили, ты не сказала, что у мистера Шульмана есть свой бар...

Девушка удивлённо посмотрела на Томаса, тот утвердительно кивнул.

— Да?

Лили впервые слышала об этом, подумав что Томас просто из собственной хитрости пытается произвести впечатление. Отец девушки от этой новости явно оживился и менее строго рассматривал кандидата, прибавив тому баллов за отличный скотч и хорошее чувство юмора, а также за то, что он уже твёрдо стоял на ногах. Для Лили же это значило лишь одно — теперь ей от Тома не отвертеться.

Через час с небольшим Томас сидел за большим столом, переглядываясь с Лили. Та показалась ему немного задумчивой и отстраненной.

Том водил глазами по её братьям. Два рослых и крепких парня с разницей в возрасте пару лет сверлили его в ответ.

«Щенки» — подумал он, переключая внимание на её отца. Высокий, почти облысевший и черноглазый мужчина с язвами и нарывами на руках. Для своих лет ещё достаточно крепкий. Томас посмотрел в его лицо и не мог не вспомнить, что служил с ним в одном полку два года. Кто же мог подумать, что он будет сидеть здесь через много лет и выбивать у него единственную дочь.

Сам мистер Янг тоже узнал Томаса. Встретить живого сослуживца, который не спился и не стал конченным после войны, где их учили только бить и убивать — редкость. Лишь четверть смогла приспособиться к мирной жизни.

Джонатан Янг всегда отличался особой жестокостью. Томаса пугали его безумные идеи в качестве трофея брать себе золотые зубы, уши и другие части тела умершего противника. Но особой его страстью всегда было душить. Цепкая хватка, пара минут, и человек умирал без синяков или кровоподтеков на коже.

«И этот человек вывел целый генофонд! Безумие, да и только.» — взмолился еврей, попивая чай.

— Лили, мы с Томасом прошли плечом к плечу войну! — заверил мужчину, достав из

шкафа бутылку спиртного, потяжелев от принесенного гостем скотча.

— Серьёзно? — воскликнула Лили, смотря на Томаса, — Мир тесен.

Мужчина кивнул, наблюдая за тем, как мистер Янг наливает ему целый стакан алкоголя.

— Давай, пей!

Том отрицательно помотал головой.

— Ты мужчина или нет?

Янг же сам знал что Томас поистине мужчина, знал, как они пили по таким стаканам после боя, иногда даже перед. Всё это походило на дешёвую показуху перед сыновьями, от которой Тома тошнило.

— Я не пью, потому что иудей.

Старик скривился в вопросительной позе.

— Папа, Томас хочет сказать что он еврей, — уточнила Лили.

— Какая мне разница, да хоть протестант! Выпей!

А вот это Тому понравилось, поэтому он выполнил просьбу не сморщившись, швыряя отцу Лили пустой стакан.

В пищеводе жгло от дешёвого спирта точь в точь, как на войне.

— Вот это я понимаю, настоящий мужик! Дай вон молодёжи, их через пять минут под столом не найдёшь.

Тому действительно было хоть бы хны, и он с тем же невозмутимым лицом стал наблюдать за Лили, которая терпела фиаско одно за другим.

— Лили, можно тебя ровно на одну минуту?

Девушка кивнула, вставая из-за стола.

— Простите... — буркнул Томас, исчезая в коридоре, следуя за ней.

Они прошли к двери и вышли на улицу, встав под старое крылечко. Шульман вынул из кармана два билета до Иерусалима.

— Томми! Ты что? Мой папа тебе голову снесёт! Он никуда меня не отпустит! — засмуцалась девушка, нервно вжимаясь в порог.

— Там посмотрим... — закончил он, возвращаясь на место.

Через пару часов в гостиной сидели только мистер Шульман и мистер Янг, готовясь к разговору.

— Ты знаешь, она у меня единственная дочь. — пробормотал Янг, крутя в руке алюминиевую зажигалку, а в зубах вертя сигарету.

— Я заметил.

— Тогда слушай! — перешёл он в наступление, — Если ты её тронешь до свадьбы, обрюхатишь, а потом сбежишь, даю слово, я тебя найду, слышишь? — процедил отец Лили сквозь зубы так, чтобы никто больше в доме не слышал.

Том совершенно невозмутимо угукнул, вспоминая как отсыпал триста фунтов за неё в борделе.

«Да, не дёшево она себя продавала. Может рассказать строгом отцу?» — глумился он про себя.

— Такого не будет, — твердо сказал Том, посмотрев на Лили, что сидела на кухне с матерью, играясь с салфеткой, помогая ей сушить чистую посуду.

Эти пустые угрозы были для Томаса как ветер. Даже если так, старик бы ровным счётом

ничего ему не сделал. Да, нашёл бы, да, вцепился бы. Ну, набил морду, а дальше что? Всё это пустые угрозы типичных пустословов.

Янг распахнул серую рубашку, словно прочитав его смелые мысли, оголяя грудь с небольшой татуировкой, которая говорила лишь об одном — авторитет, причем авторитет — убийца.

На воле и в мирной жизни он — атташе, так вот пусть и сидит на своей канцелярской заднице ровно. Потому что тюрьма — есть тюрьма, а здесь уже другие законы, которые не мешают Томасу всадить ему между рёбер. Плевать, что он отец Лили. Янг раскусил Шульмана почти сразу, как он вошёл, расставив свои приоритеты. Мол, все мы из криминального теста слеплены.

— Отпусти её со мной в поездку за границу, — Том пошёл на пролом, — Увезу сегодня, привезу в понедельник утром, целой и невредимой.

— Куда это? — мужчина насторожился.

— В паломническую поездку в Иерусалим.

Янг покачнулся в кресле: — Да ты что, совсем? Нет! — гаркнул последнее слово старик с недовольной ухмылкой.

— Папа! — воскликнула девушка, входя в гостиную. Воцарилась тишина. — Мне почти двадцать лет, но всё, что я видела в своей жизни — это грязный Лондон и свою деревню!

По его взгляду было видно, что девчонка — любимый ребёнок Джонатана, который тут же поутих, сменив гнев на милость. Его глаза забегали по телу и лицу дочери, что стояла перед ним как наивный ягнёнок.

— Так... Ладно, — Лили взвизгнула, чмокнув отца в седой висок, убегая к себе, чтобы собраться.

«А где мне поцелуй?» — спросил себя Томас.

Отец девушки вернулся к Тому, указав на него пальцем: — Ты мне должен!

Больше всего Том ненавидел быть кому-то чем-то обязанным.

С грехом пополам её всё-таки отпустили, убедившись в том, что Томас всё оплатит. Всё нужно делать с умом, так же, как и обманывать. Всё с умом.

Через два часа они приехали в Ист-Энда и Лили впервые увидела бар, во всей красе холл с отливающими лампами и кабинет Тома.

— Я думала, ты соврал! — проговорила Лили, улыбнувшись, входя вместе с ним в кабинет.

Вообще-то, Том не хотел её брать с собой, но та наотрез отказалась сидеть и ждать в машине под высоким градусом сухого вина.

— Не сегодня... — заверил он девушку, усаживая на диван. — Сейчас я улажу кое-какие дела, и мы поедem, да?

Лили игриво закинула ногу на ногу, обнажая из-под платья бёдра.

Том сел на место, копаясь в бумагах, ища нужные, а заодно и паспорт, не обращая внимания на её пьяные выпады. Чуть позже он обязательно возьмет своё, но не сейчас. Его голова была занята работой, и даже женщина не сможет отвлечь своей чепухой. Дверь кабинета распахнулась, и вошёл Адам.

«Тебя тут не хватало!» — подумал хозяин заведения.

— Томас! — мужчина кивнул, осматривая кабинет, собираясь сесть в кресло напротив, но заметив в углу Лили, что сидела в свете тусклой лампы вальяжно направился к ней, —

Это что ещё за чудо глазастое?

Девушка улыбнулась, принимая мужскую светлую руку.

Томас вскочил с места, чтобы убрать этого голубоглазого и смазливового ублюдка подальше от Лили.

— Я — Адам Рахим.

Девушка не знала ни Адама, ни всего криминального мира, всё ещё пребывая в беззаботности и детстве, абсолютно не реагируя на его имечко-бренд.

— Легче... — заметил Томас, перенимая у него женскую руку и нежно целуя, — А то у нас тоже такими темпами полукровка родится!

Адам лишь ухмыльнулся, опускаясь на место.

— Лили Я... — Том прикрыл её пухлые губки рукой. Ей незачем было раскрывать все свои карты. Томас знал, выйдет боком.

Адам мотнул головой: — Ладно, есть дело, Томас.

Мужчина сел за стол нехотя отрываясь от девушки: — Так, ты... — он указал пальцем на Исаака, — Отведи моё глазастое чудо в машину, — его взгляд устремился к ней, — Лили, пойд и подожди меня там. Я сейчас приду. — тон был приказывающим.

Том же не хотел показаться каблуком перед Рахимом.

Девушка заупрямилась как на зло, устраивая потеху.

— Вообще-то, я хочу посидеть здесь! — отчеканила она, скрестив руки на груди и надув губы как маленькая, но очень милая девочка.

Том разрешительно развёл руками, выдавливая подобие улыбки, зная, что за это она ему ой как ответит: — Как скажешь, солнце, — возвращаясь к Адаму, — Что у тебя за вопрос?

Через пару секунд Лили оборвала еврея, привлекая внимание присутствующих: — А теперь я хотела бы пойти в машину и подождать тебя там! — Сказала девушка, на что Том вновь лишь развёл руками, молча кивнув. А что ему оставалось делать?

— Исаак, проводи! — если уж падать, так падать красиво, — Лили, накинь мой пиджак, уже прохладно, и ты застудишься! — Том швырнул помощнику пиджак, который он тут же передал девушке, что исчезла в дверном проеме, на ходу надевая плотную ткань.

Адам рассмеялся, достав из кармана пачку сигарет.

— Хватит давить лыбу, засранец! — раздраженно проговорил Том, следя за дымом, бегущим из его ноздрей, — Давай сделаем наши дерьмовые делишки, и я вернусь к своей девочке, да? Мы поедem в одно место и займёмся кое-чем кошерным, так что давай в темпе!

Тот кивнул — Ты какой-то нервный... — заметил Адам. — Сегодня ты впервые узнал, что такое стояк?

Томас бы вышиб ему мозги, но пока ему это было не выгодно.

— Мать твою, Адам, давай уже по делу, а?

Тот был не намерен разговаривать, скорее всего, он приехал только проведать своих танцовщиц, а забрёл к Томасу из любопытства, потому что он был уверен, что весь бар уже гудел о пришедшей с ним женщине.

Том махнул рукой на этого идиота, собирая со стола нужные вещи.

— Ей уже есть восемнадцать?

Томас раздраженно кивнул, ища свой паспорт который и забыл.

— А её родители знают, что ты еврей?

Мужчина выпрямился:

— Слушай, Адам, ты меня откровенно задрал. Я пошёл, ага? Только попробуй что-то

здесь испортить, пока меня не будет!

Адам потушил окурок, протягивая Томасу его паспорт, что лежал на другом краю.

— Девица не промах! Крутит тобой как хочет, — буркнул он, приподнимаясь с места.

— Ай, это лишь отвлекающий маневр, да? Как только рыбка насадится на крючок, то сама прикурит от того, как всё вокруг неё изменится, а самое главное — я. — заверил он любопытного Рахима, — Поменяемся местами, так сказать.

— Как-то это жестоко, цинично даже... — усмехнулся Адам, поправляя свой ворот. — Маленькая девочка и взрослый, хитрый еврейский дядя.

— Жестоко? Цинично? И мне это говорит человек, который переступает по головам и купается в человеческой крови. А говорят, ещё я конченный!

Почти к полуночи они приехали в гостиницу, заселились в люкс, усталым взглядом осматривая номер с множеством мебели в гостиной, большой кроватью в спальне, кухней с набитым холодильником и просторной душевой.

Лили с восторгом осматривалась — Всё наше? — воскликнула она.

— Всё твоё, — заверил её Томас, бросая чемоданы возле входа.

Она крепко обняла его со спины, прижавшись телом и головой, целуя его в затылок. То ли она была очень рада, то ли ещё не протрезвела от вина.

Том не знал, что думать, медленно оборачиваясь к ней, пытаясь не спугнуть. Его лицо поравнялось с её, а губы слились в одно.

— Нравится? — шёпотом спросил он, удерживая нежное личико правой рукой.

— Номер или поцелуй?

Томас немного посмеялся, отпуская её изучать остальное, направляясь в душ.

Через полчаса после ванны она сидела на спинке дивана, продолжая наслаждаться обстановкой, не желая тратить отведенное до утра время на сон. Том протянул ей нарезанное зелёное яблоко, и девушка с хрустом стала есть его. Она довольно постукивала тонкими ногами по его груди, завернутая в большой махровый халат. Нежные руки зарылись в его каштановые волосы и чувственно массировали усталую голову.

Том откинул затылок на обивку, заглядывая под ткань её халатика.

— Томми! — завопила она, ущипнув его за кончик носа.

В ответ он укусил её за внутреннюю часть бедра и получил легкий удар по макушке.

— Больно же! Зубы и ногти самое грязное место, мистер Шульман!

Он не слушал её ворчание, прикасаясь губами к коленям и бёдрам, нежно поглаживая их снаружи, поднимая ладони к ягодицам. Тонкая кожа, мягкая и прохладная с множеством мурашек, но такая гладкая.

Лили заерзала, перестав жевать яблоко, когда его поцелуи участились по внутренней стороне бёдер, спускаясь к икрам и возвращаясь обратно. Он делал это поочередно, слыша лишь всхлипывающее и волнительное дыхание.

— От тебя так сладко пахнет.

Лили пожала плечами: — Мылом...?

— Н-е-е-т... — протянул Том, — Детством.

Его голос стал ещё более хриплым и низким, немного расслабленным. Томас обернулся к ней, встав на колени, вернув пальцы на её ножки, поднимаясь по халатику вверх, развязывая затянутый пояс.

Глаза её были похожи на огромные блюдца с тёмной каймой, такие взволнованные и

напуганные. А тело по инерции вжалось в стену, отодвигаясь от него по спинке дивана.

Мужские руки снова опустились к бёдрам, обводя их и рисуя невидимые узоры. Ещё движение, и они оказались выше, под махровой тканью, пробираясь к ягодицам. Края халата стали медленно расходиться, раскрывая ложбинку между грудей, плоский животик и... Пока его взгляд скользил ниже, Лили уже успела прикрыть маленькую прелесть завязав узлом лямки.

— Томми, не надо! — она схватила его пальцы на своих ягодицах, сжав чуть ли не до посинения.

Он отозвал непослушные руки, держа ладони раскрытыми перед собой, словно она была какой-то экспонат в музее, трогать который нельзя, даже если очень хочется.

— Почему? — от напряженной обстановки в штанах засвербило, а Том опустился к её бедрам, вновь покрывая поцелуями, которые определённо ей нравились, касаясь пальцами лодыжек.

— Ты же знаешь, что со мной сделает отец?! — спросила она дрожащим голосом, смотря на него сверху вниз.

Он знал, что с ним сделает её отец, но почему-то тянулся к ней от этого ещё больше. Запретный плод сладок.

— Он же не узнает, да? Если ты не скажешь, он не узнает, правильно?

Лили неуверенно кивнула, встретившись со евреем глазами, в которых читался стыд и, одновременно, интерес. Скажем так, это была обычная проверка на вшивость. И проверялся не только Томас, но и Лилиан. Крепкий орешек, так сказать, который знает себе цену и боится папашу.

Том и не собирался её брать вот так просто, в какой-то гостинице, в каком-то номере, на каком-то диване. Сначала она должна стать иудейкой, собственно, зачем они и едут в Иерусалим. «А дальше — посмотрим.»

— Не обижайся, но я не могу. — её голос волнительно дрогнул и Лили проглотила несколько букв, вставая на ноги, намереваясь уйти.

— Я не обижусь.

Его руки разомкнулись, и Том отпустил её, отчего Лили перемахнула через боковину, направляясь в спальню и с облегченной улыбкой ныряя в постель.

Иерусалим

Том и Лили прибыли в гостиницу почти под вечер.

Томас умылся и, поправив волосы, вошёл в большую и просторную спальню, заметив лежащую на животе девушку, листающую какой-то журнал на иврите. Ровная спинка и естественные изгибы манили его. Он навис над ней, расцеловывая липкую и соленую кожу плеч, вжав её в постель.

— Что здесь написано?

Ох уж эти девичьи штучки, чтобы отвлечь мужчину. Том нехотя оторвался от нежной кожи, пытаясь рассмотреть текст, а глаза-то плохо не видят.

— Так... Здесь сказано, что каждая девушка, пусть даже не еврейка, прибывшая в священный город обязана войти в воды *Миквы*¹, чтобы очиститься духовно и набраться сил, — соврал он на ходу, подготавливая Лили к завтрашнему мероприятию, продолжая стоять в полу локтевой, возвращая губы к её телу.

— А зачем? — прерывисто воскликнула Лили, сжимаясь от ласк, едва заметно улыбаясь

от стеснения.

«Что за дурацкая привычка спрашивать меня десять раз?»

— Я же только что тебе сказал, сладкая, чтобы очиститься и набраться сил. Я тоже завтра буду окунаться, затем и приехал, — заверил он девушку, спускаясь поцелуями по спинке.

Его губы изучали каждый необузданный сантиметр её ровной кожи, пока слух ласкали вздохи.

— Ты тяжелый, как слон! — прошипела она, пытаясь скинуть Томаса, но всё тщетно.

«Отличная поза, если надумаю брать силой — не отвертится!»

— Зато не убежишь... — сказал он, поднимаясь на ноги и подавая руку Лили. Та, глянув на него, нежно улыбнулась, — Ты не проголодалась?

Они ужинали в ресторанчике, где Томас наконец-то вновь смог насладиться традиционной еврейской кухней. Маленькие и уютные столики возле окна, пастельные тона, тихая музыка и никакого звяканья гребанных вилок, как в дешёвой забегаловке Лондона.

Пища приготовленная строго по кашруту. Никакой вонищей крови в мясе, никаких собак, кошек, свиней и кроликов. Никаких гребанных раков. Только кошерная еда, которая наполняет душу.

«Не вари козленка в молоке матери его» — никаких смешиваний одного с другим. Всё идеально, и всё, как любил Том.

Лили в свою очередь без особого аппетита ковырялась в рыбе, изредка поглядывая на Тома, подперев лицо кулаком. Ему было интересно наблюдать за тем, как она поправляет короткую прядь волос, задумчиво смотря в окно. Сложно не залюбоваться её простой красотой. Но по милой ему мордашке было видно, что её что-то тревожит.

Том отодвинул своё блюдо.

— Тебе плохо после дальней дороги?

Она яростно помотала головой, крутя в руке вилку, подбирая слова.

Томас уже примерно представлял тему разговора. Наверняка, она касалась её сладкого места над которым Лили и дрожит, беспокоясь что он сорвется и наделает глупостей.

— Томми, я понимаю, что эта поездка выйдет мне не за «спасибо».

«Правильно понимаешь...» Он нахмурил брови, ожидая продолжения.

— И я не хотела бы платить тебе телом.

«Ха, забавно!» — Разве я тебя об этом просил, м?

Она потерялась, уронив вилку, и нагнувшись за ней, опрокинула стакан с соком, который побежал по столу, стекая ей на колени. Присутствующие обернулись на звон посуды.

— Успокойся... — Томас встал с места, подавляя улыбку, протягивая свою салфетку, чтобы помочь просушить платье.

Лицо Лили горело ярким пламенем, а глаза нервно бегали, как у игрушечных часиков. На этом она и попала в еврейские нескромные сети.

— Нафталиновый стереотип беречь себя для одного единственного, но я его поддерживаю и более того, уважаю. — убедил Том девушку, возвращаясь к еде. Больше эту тему они не затрагивали, оставив также как и пятно на её платье.

Утром Том разбудил её пораньше, поцеловав в щёчку, такую тёплую и мягкую ото сна с

мелкими полосами от смятой простыни.

— Почему так рано? — спросила она, глянув сначала на него, а потом на часы полуприкрытыми глазами.

— Потому что времени мало, а мест посетить надо много. Спать будем в Лондоне, солнце.

Девушка пробурчала недовольно что-то невнятное, поднимаясь в постели и поправляя короткое ночное платье.

— Сходи в душ и надень какое-нибудь лёгкое платьишко. А сухое возьми с собой.

— Опять в душ? Я мылась всего шесть часов назад. Я ещё не успела испачкаться!

Том ухмыльнулся.

— Просто делай, что я говорю, хорошо?

Лили показала ему язык, пока Том отвернулся, заметив скривившуюся гримасу в зеркале.

Он встал с постели ещё два часа назад, помылся, причесался, выпил кофе и позвонил в бар, раздав всем хороших звездюлей.

Через час они прибыли к *Микве*, где Том заранее встретился со знакомыми раввинами, один из которых был его двоюродным дядей — Дэвид Хаггит, и когда-то обрезал его, ещё ребёнка, до переезда в Иерусалим. У них были отличные родственные отношения. Дядя постоянно помогал его матери, посылая деньги и продукты, которых так не хватало.

Том описал ему ситуацию с Лили, заверив главного раввина в том, что она искренне готова принять его веру ради благих дел.

— Томас, сын мой, ты уверен, что эта девушка действительно готова пройти *Гиюр*²? Если это не от сердца, то её, да и тебя, могут ждать беды.

— Я уверен. Она готова.

Том снова соврал, и глазом не моргнул. Конечно, она была не готова, и, более того, она даже не знала, что с ней будет, когда она опустится в священные воды.

Меньше знает, крепче спит. От всего сердца этого хотел Том. После прохождения *Гиора* нееврейка в один момент станет полноценным членом еврейского народа. Её переход в еврейство будет означает слияние с евреями, а самое главное — с Томасом, а также принятие на себя заповедей, которые он научит её исполнять. Да, безусловно, для Лили это должен быть самостоятельный процесс и самостоятельно принятое решение, которое пришлось бы ждать годами. А ждать Томас, как известно, очень не любил, да и не хотел. К тому же, он надеялся на то, что после этой процедуры они с Лили станут как одно целое, или «как один человек с единым сердцем».

Том взял девушку за руку, подводя к дяде и остальным раввинам, показывая свою прелесть. Они определённо разглядели в ней чистоту, непорочность и самый настоящий потенциал. Они все вошли в небольшое кирпичное здание, достаточно светлое и теплое. За стеной находился резервуар с природной, чистой водой, которая набралась после дождя благодаря лишь силе гравитации, без каких либо насосов и прочих мирских систем.

Том положил полотенце и сухое платье на небольшую скамью из резного дерева, помогая Лили снять цепь и крест.

— Послушай, что я скажу, — он приблизился к её лицу, — Сейчас ты войдешь в ту комнату, снимешь с себя одежду и три раза опустишься в воду с головой, да? А после, оденешься и выйдешь сюда.

Лили кивнула, выполнив его просьбу, и посмотрела на Тома так, словно он был

дураком, что смеялся над ней. Лили стояла с мокрыми волосами, вытирая лицо, с которого капали прохладные капли, дрожа от холода.

— А теперь повтори, только не снимай платье и слушай, что тебе говорят.

Они пошли по разным коридорам. Том поднялся на небольшой лестничный пролет, встал рядом с дядей, который готовил Тору, молитвы и все необходимое для воплощения *Гиюра*, натягивая очки.

Лили вошла в комнату и с удивлением увидела, что все четверо стоят на небольшом возвышении и смотрят на нее.

— Она не беременна? — Шепотом спросил один из раввинов, на что Томас покачал головой, нисколько не обиженный вопросом.

Ведь если беременность наступила до принятия веры, значит, плод был зачат в нечистоте, отсюда вывод, что родится *Гой*³. Если женщина забеременеет после погружения в *Микву*, то ее ребенок будет полноценным евреем.

— Войди в воду, дитя.

Девушка вошла в воду, дергаясь от прохлады. Просторная ткань платья впустила в себя священные воды, забирая с собой её грехи и прошлую жизнь. Во время процедуры погружения дядя Томаса объяснил ей основы веры, смысл субботы и некоторых других заповедей.

— Ты должна беспрекословно и добросовестно соблюдать законы семейной чистоты, зажигать субботние и праздничные свечи... — проговорил он, смотря на девушку, которая просто напугано пялилась на меня, не понимая, что происходит.

Дядя стал читать молитвы, одну за другой, и я присоединился, изредка поглядывая на Лили.

«Наверное, девчонка стала истинной еврейкой лишь благодаря тому, что я беспрекословно соблюдаю *мицвот*⁴, а значит, и Лили будет соблюдать предписания еврейских традиций. Я прикрыл это всё под неискренностью умолчания и ладно, хотя здесь крылась самая настоящая неискренность и даже отрицание.» — размышлял он.

Она стала еврейкой, несмотря на то, что вероятность, что она будет соблюдать заповеди, очень мала. Благо, дядя Томаса принимает принцип: «Тот, кто принял еврейство среди не евреев, — уже гер». Этот принцип относится к тем, кто принял еврейство, очень мало зная о его законах, в частности, о законах субботы. Лили попадает под эту категорию, поэтому совесть Тома как и всегда чиста, ну или почти чиста.

Да, Лили уверена что еврейские законы, которые он соблюдает носят чисто церемониальный характер и исполнять их необязательно. Исходя из этого её можно отнести к категории людей, которые принимают еврейство на основе очень малых знаний. Так что опять-таки всё, что Томас делал, в принципе, правильно и не противоречит ему самому.

В общем и целом, Том подготовил её к иудаизму, познакомил с традициями, пищей и законами, которые он исполняю, а она всё это время их наблюдала.

Лили опустилась в воду, как положено, три раза, пока Том следил за правильностью погружения. Яркое солнце, что освещало бассейн покрылось мраком и он вскинул голову, увязнув в темноте, слыша только её громкий вздох со всхлипом и плескание воды.

Стало слишком тихо, ни пения птиц, ни гула людей за стенами, ни шелеста листвы, ровным счётом ничего. Лишь мрак и бьющая по ушам тишина.

— Благословенна Ты, Мирьям, Заповедавшая нам погружение. — закончил раввин тихим и грубым голосом.

Среда — сам по себе убогий день, который стал ещё более убогим, когда Томас не увидел своей фамилии в списке экзаменаторов. Не учись Лили на последнем курсе, он бы сейчас занимался своими делами в баре и плевал бы он на всю эту ерунду. А пока он поднимался по пустому коридору к директору, которая порой ему казалась совсем отбитой. Один её розовый стиль говорил о неправильной работе головного мозга. Женщина вылетела из кабинета, чуть не сбив еврея с ног.

— Ох! — вскрикнула она, скрипучим и противным голосом, словно ей дали работу в оперетте, посмотрев на Томаса снизу вверх, — Мистер Шульман, вы так кстати!

Она как припадочная затараторила о том, что в четвёртой выпускной не хватает «преподавателя-надзирателя», который проследит за добросовестной сдачей экзамена очень хитрыми и изворотливыми девицами, среди которых была и Лили.

Том довольно улыбнулся, радуясь тому, как день прогнулся под него.

Через десять минут он попал на нужный этаж, заметив сидящую на своей сумке Лили, которая нервно бегала глазами по тетради, повторяя материал. Тонкие ножки, высокие белые носки и чёрные туфли. Тому не понравилось, как она расселась, сверкая своими прелестями. Так не подобает вести себя достойной, пусть и новоиспеченной еврейке.

Ещё четырнадцать таких же недотеп галдели и шелестели тетрадками. Недотёпа с фамилией Янг даже не подняла глаз, усиленно запоминая информацию, но ведь перед смертью не надышишься. Она не успела подготовиться лишь по его вине, ведь это Томас увёз её в Иерусалим и устроил мини-каникулы. Они вернулись только в понедельник вечером, уставшие, но Тому показалось, что довольные.

Всё было бы идеально, если бы не маленькое «но».

— Томми, можешь отдать мне назад крест и цепочку?

Томас был не намерен ей отдавать добро, поэтому показушно пошарив в карманах, развёл руками, виновато опустив голову, выражая максимум сожаления.

— Прости, я, кажется, её потерял... Мне очень жаль. Сколько она стоила?

Лили огорченно вздохнула: — Не надо денег.

Томас сунул ей пять фунтов. Дороговато для такого тонкого и хрупкого плетения, потемневшего от соли и пота креста, немного согнутого и поцарапанного. Ну и ладно.

Вскоре дамы ввалились в кабинет, встав у входа, который встречал их светло-бирюзовыми стенами, блестящей доской, открытыми нараспашку окнами и теплым летним ветром, что колыхал белоснежные шторы.

Лили прошла к преподавательскому столу, и, заметив Томаса, весело улыбнулась, на что он ей подмигнул, шуточно пригрозив металлической линейкой.

Том сделал два шага, притянул к себе за кардиган девушку, приближаясь к уху: — Этой линейкой, да тебе по попе, если завалишь экзамен, усекла?

Лили покраснела, побелела и нервно хихикнула, вытягивая билет и занимая своё место.

Пять преподавателей, три профильных и два общих — списать просто невозможно. К тому же, получить металлической линейкой по пальцам — удовольствия мало.

Том ходил по кабинету, изредка опуская взгляд на Лили, которая без особых трудностей царапала что-то на большом листе бумаге. Акушерское дело — действительно её призвание, а вот на химии она застряла, нервно поглядывая на часы.

Том встал над ней, опустив взгляд. Тонкий пальчик указал на уравнение, которое решить она была не в силах. Мужчина запомнил вещества и, сев на место, порылся в карманах, найдя кусок бумаги с какими-то номером. Перевернув и расправив обрывок, Том стал расписывать ответ, сдув его с учебника. Лили нервно стучала пальцами по столу.

Он подошёл к ней и просунул под локоть ответы, слегка ударив по голому бедру линейкой. Девушка едва подавила смех, завершая задание.

Вскоре она защищала свои ответы, обосновывала и доказывала, получив заслуженную отметку.

— Как всегда отлично, Лили! — заметила преподаватель акушерского цикла, улыбнувшись девушке.

Томас вышел в коридор вместе с девушкой, ощущая её горячие и счастливые объятия на своей шее.

— Без тебя я бы не сдала на пять, — прошептала она, нежно дотрагиваясь до его пухлых губ своими, оставляя трепетный и неуверенный поцелуй, покалываемый подстриженной бородой.

— Хочешь меня поблагодарить? — сверкнул осоловелыми глазами Том, озаряя девушку плутоватой и немного кривляющейся улыбкой.

Лили облизнула и следом прикусила нижнюю губу, игриво, заменив этим положительный ответ.

— Ладно... идём... — Он торопливо схватил её за руку, быстрыми шагами направляясь на второй этаж, проскакивая узкий коридор, наконец, открыв ключом дверь своего кабинета.

Том изредка поглядывал на лицо девушки, что по-прежнему было решительным и самодовольным. Они вошли в класс за руки, протискиваясь сквозь парты, приближаясь к преподавательскому столу. Мужчина сел на стул, расставив ноги, несколько раз хлопнув по ним, зазывая Лили.

— Сядь на меня...

Девушка поняв всё абсолютно буквально, села на край его колена, поправив под задницей юбку, вопросительно глянув в чистые серо-зелёные глаза, на его изнуренном и утомленном лице.

— Не так, сладкая... — Томас был нетерпелив, приподнимая её за предплечье, поворачивая к себе так, что её ноги сами стали расходиться в стороны. — Да, вот так, разведи свои ножки и сядь, ага?

Лили присела на сильные и твердые бедра, поправив края юбочки, бережно и медленно расправила смятую ткань, робко вскидывая глаза. Том опустил умелые руки на её ноги, быстро ведя к ягодицам, за которые притянул её ближе к себе, опустив ножны на свой пах. Она вздрогнула, ощутив устойчивый мужской порыв, сделала резкую попытку отстраниться, но Том ей не позволил, сильнее усаживая на себя.

— Не бойся меня, солнце. Я всё контролирую, поняла?

И вот её тело, горячее. даже через ткань белья обжигало его, заводило и сводило с ума одновременно. Том, не отрываясь, блуждающе смотрел в карие глаза, полуприкрытые и расслабленные, читая похоть, видя в отражении свою. Он знал, что она хотела этого, не будь на нём брюк, она бы довела его до греха. Но, увы, пока они только «играют». Сколько протянутся эти игры, и что будет, когда он устанет ждать?

Его руки всё ещё лежали на её ягодицах, которые он плавно, но ритмично и чувственно двигал. Наконец, её мнимое безразличие выдал стон, который Том накрыл губами,

растягивая удовольствие и поцелуй.

Он наблюдал за её пересохшими губами, с мелкими трещинками и ложбинками, притягивая ловкие пальцы к горловине светлой рубашки, расстегивая пуговицы одну за другой, как бы невзначай задевая мягкую кожу. Эти мгновения казались бесконечными из-за трепета и волнения. После четвертой пуговицы его пальцы были остановлены женскими.

— Дай мне взглянуть. — голос Томаса стал совсем низким и хриплым, ещё более растянутым, — Взглядом я тебя не съем, правда?

Здесь Лили было сложно не поспорить с ним, ведь его взгляд проедал её душу насквозь с того самого момента, когда она впервые предстала перед ним в классе.

Девушка немного поколебалась, взвешивая все за и против, лицезря полное спокойствие раскинувшегося на стуле еврея. Его ровное и размеренное дыхание расслабляло и её, отчего она приоткрыла края рубашки, поднимая глаза.

Том молча смотрел, не сводя взор, чувствуя очередной прилив возбуждения, который подталкивал его руки, но он старался держать их, ровно как и член, в узде, выжидаяще испепеляя молодую и нежную округлость её груди.

Лили хотела большего, сглатывая сладковато-горький привкус первого осознанного, а может и нет, желания, которое растекалось по телу, собиралось в устье в самом низу живота.

— Хочешь, я тебе что-то покажу? — спросила она тихим, почти беззвучным шепотом, на который Том одобрительно кивнул, следя за тем, как Лили сдвигает рубашечную ткань в бок, оголяя левую грудь до половины, оставив ему возможность посмотреть на шрам. Маленький, но глубокий, больше похожий на оставшийся после тушения о кожу окурка сигареты.

— Кроме тебя никто не видел.

У Томаса возник вопрос о том, как он там появился, и кто осмелился его оставить, но вместо этого мужчина провёл подушечками пальцев, ощущая бугристость и шершавость маленькой выемки.

Лили вернула края одежды на место, а Том задумчиво нахмурил брови, немного скривив лицо.

— Покажи ещё! — Потребовал он, на что Лили, не думая, сдвинула ткань, обнажая всю ту же грудь с тем же шрамом. Том рывком опустил голову, касаясь влажными и упругими губами, быстро зацеловывая старую рану.

Лили задышала чаще, интенсивнее набирая воздух, которого стало так резко не хватать в захлестываемые адреналином лёгкие. Она зарыла пальчики во вздыбленные и непослушные каштановые волосы, минуту назад бережно уложенные на бок, пахнущие дегтярным мылом.

Том поднял голову, возвращаясь к девичьим ненасытным губам, отдаваясь в пустом кабинете звонким чмоканьем, схожим с щелчками сухих пальцев друг об друга. Лили прикоснулась к его шелковистой и роскошной бороде, изучая её цвет, что отличался от волос на несколько тонов. Он бережно застегнул её рубашку, возвращая руки на стройную талию, желая охладить свой пыл, который ещё немного и точно не довёл бы до добра.

Они спустились к машине, держась теперь только за руки и плевать, что в колледже их могли увидеть. Тому было не важно, ведь он шёл за руку с красивой студенткой, провожая её к своей машине.

— Томми, можно не домой, пожалуйста! — взмолилась она, не желая скучать в своей комнате. Учиться и корпеть над латынью было больше не надо, поэтому Том поцеловал её в

макушку и одобрительно промычал.

Том и Лили подъехали к бару, где он хотел было вернуться к своим мужским делам. Девочка вылезла из машины, прячась за его широкой спиной.

— Так, мне надо немножко поработать. А ты пока погуляй по заведению, послушай хорошую музыку. Ничего не трогай! — предупредил еврей девушку, поправляя её кардиган, сплавляя любознательную почемучку под ответственность Исаака.

Полчаса тишины и покоя, пока Томас разбирал свои документы, проверяя и перепроверяя каждый договор о поставке. Ахмет Озан — его бывший друг и просто вычурный урод, нарисовался очень кстати.

Том встал с места, направляясь к нему навстречу, ведь ублюдка надо сопроводить. Томас знал, что он настырно закрывает магазины и заведения, где он продаёт свои наркотики. Ахмет делал свое дело тихо, молча и исподтишка.

От недостатка гормона радости Томас был буквально на взводе, так же как и пистолет, что мирно торчал за пазухой его рубашки.

Ахмет уже ждал Томаса в своей светлой шляпе и таком же костюме-тройке, с короткой бородкой козленка. Вся его турецкая сущность и натура напоминала Томми педика эпохи возрождения, мать его! Даже Лили, даже она не залезла бы на этого женоподобного прохиндея, в котором ну априори не может быть мужика, как и яиц.

Мистер Шульман приблизился к нему, надменно и вопросительно глянув в бледную рожу, собираясь сказать пару ласковых, но всех оглушил девичий визг.

— Стоять всем здесь! — буркнул Том, узнав голос и бросившись в его сторону.

Лили стояла с обожженными руками, изнывая от жгучей боли. Мужчина подлетел к ней, опуская руки под ледяной кран, умывая, к счастью, целое девичье лицо.

— Что я тебе сказал, а? О чем я тебя просил? — проорал Том так, что вздрогнул весь персонал и моментально затих, силой удерживая красные руки под водой.

— А ты чего делал? — обратился Томас к Исааку, который испугался больше Лили, зная что он оторвет ему голову первому, — Ты чем занят был? Кто её вообще к оборудованию подпустил?! — Томас обратился ко всем, заметив молча стоящего за спиной Ахмета Озана.

— Я ходил отлить.

— Отлить? — спросил Том, — Отлить? А, ну тогда извини, дружок! Это охренительная причина!

Лили молча плакала, покраснев и опухнув, вытаскивая руки из ведра с ледяной водой.

— Прости меня, инвалид ты наш! — Лили высунула руку со словами больно, на которой тут же появился мелкий пузырёк, — Терпи, детка! — попросил Том, возвращая внимание к Исааку, окончательно забив на Ахмета, — Такая ялда действительно порок и веская причина, а?

— Долго мне тут смотреть на ваши семейные разборки? — вмешался Озан, раскрыв свой хлебальник.

— Ты что, в глаза долбишься, урод? Не видишь, моя девушка руки обожгла! Если ей не помочь, она будет открытыми ранами зиять через час!

Ахмет нервно цокнул, набираясь терпения, закатив глаза: — Найдешь себе новую раб-силу, — проговорил он, стараясь не лезть на рожон.

— Я себе и нового недоделка, что перекрывает мне воздух, найду!

Мужчины сцепились, но бить друг друга никто не хотел, ведь ещё месяц назад они

сотрудничали, что называется, не разлей вода. После его выходки с подставой, где погибли шестнадцать парней Томаса, половина из которых даже не успела жениться, а тем более завести детей. На этом их дружба резко прекратилась. Еврейский народ и так поголовно истребляли, а тут погибли совсем молодые. Скрепя сердце, Том усмирил гнев, подняв под руки девочку, провожая её и гостя в свой кабинет.

Они вошли, и Томас Шульман вынул из шкафа аптечку с бинтами и мазями.

Ахмет по-хозяйски расселся напротив стола, пока его конвоиры сидели на кожаном бордовом диванчике. Том забинтовывал ладони, раздражаясь от каждой падающей слезинки и тихого всхлипывания.

— Хорошие девочки не плачут, — съязвил Озан, — Или ты плохая?

Лили тут же метнула искрометный взгляд, приснув своим бабским ядом, забыв про слёзы: — Не знаю. Спроси об этом у своего папаши... — буркнула она, и Том беспомощно рассмеялся, заметив реакцию Ахмета, который на мгновение нахмурился, затем набычился и в итоге глупо заулыбался.

Вообще, с такими как Шульман и Озан шутки плохи. Если бы он не знал Томаса достаточно хорошо, то вышиб ей мозг прямо тут, на новом столе. И если бы ему был невыгоден еврей, то он пришёл бы уже двоих и всё на том же столе.

— Ты знаешь, кто я? Я — Ахмет Озан!

Лили было без разницы, чему Том мог позавидовать. Она не знала ни его самого, ни других криминальных группировок с их известными фамилиями.

— Мне как-то наплевать... — прошипела она сквозь зубы, но Томас её тут же прервал, случайно, сорвав с языка.

— Еврейской девушке стоит вести себя более скромно, да?

Через десять минут машина увезла Лили домой, а Томас вернулся к работе. Да, она надулась, обиделась и уже проклинала его всеми известными ей способами, чертыхала и шила куклу Вуду. Но Тому было на это всё равно. В этом мире он сам сделал себя, свой бизнес и свою судьбу. А также он делал под себя и Лили, потому что он Томас Шульман.

— Итак, чего ты припёрся? Хочешь вести со мной дела и губить моих людей? Хер там плавал, Ахмед! Я знаю тебя с горшка, ты тот ещё прохвост!

— Нет, Том. Я принёс свои извинения. — Озан швырнул ему конверт с деньгами, но он не притронулся.

— Во сколько ты оценил их? — спросил Томас с издевкой, не поднимая взгляда на конверт.

— Пятнадцать тысяч, ровно. Этого хватит, чтобы зарыть топор войны?

После чёрной полосы обязательно наступит белая. И если же она не наступает, то её можно насыпать на стол и пройтись, наконец. Вопрос в том, станет ли от этого легче? Но Томас, как истинный иудей, никогда не опустился бы до подобной безысходности. Наркотики, алкоголь и распутные девки — удел слабых. Но и сильным постоянно быть невозможно.

Он сидел в своём кабинете, прикрыв глаза пальцами, слушая предложение Чарли Остина о том, чтобы ещё несколько людей пришли в его бар, ведь Озан по-прежнему ставил ему палки в колёса. Один день хуже другого.

— Что ты имеешь в виду, Чарли? Я не хочу начинать войну с турками! Ист-Энд в опасности быть опрокинутым! Лидеры групп, их жены и дети погибнут! Слишком много крови. Доброе гребаное утро! — Его пальцы потянулись к алкоголю, передавая Чарли неоткрытую бутылку виски.

— Такова жизнь. Это бизнес. — Чарли закончил свою гребаную серенаду.

Томас сейчас метался из угла в угол. Да, он оказался между двух очень выгодных ему огней. Он, само собой, руководствовался правилом: «Обмануть нееврея — это святость», поэтому и ходил по этому свету и обманывал всех ради собственной выгоды. Не будь Том таким лжецом, то ничего бы у него сейчас не было.

Сотрудничать с Остином и сотрудничать с Озаном одновременно? Это как шлюхе садится на два члена одновременно, и делать вид что всё в порядке, симулируя удовольствие, пока эти самые органы больше трутся друг об друга, чем о нужные им стенки. С другой стороны — это двойная выгода, которая волновала Тома сейчас больше всего.

Единственной отрадой после паршивого дня для Томаса обычно была Лили и её объятия, в которые он утыкался как маленький мальчик, оставалось только описаться в штаны. Но и она не разговаривала с ним уже почти неделю.

«Ты на меня накричал!» — пропищала она в трубку после его двадцать четвертого звонка. Конечно, он на неё накричал, потому что Лили сделала то, что Том запретил. Пошла напором и получила своё.

— Завтра в три я заеду за тобой, будь готова.

Ох уж эта глупая рыбешка. Ещё немного, и она попадётся на еврейский крючок, после которого ей будет очень несладко, а пока пусть капризничает и крутит Томасом, сколько влезет.

Томас заехал за ней в три, как и обещал. Заходить в дом не хотелось, поэтому он вышел из машины, любуясь просторами.

— Ляпота.

— Нравится? — спросил его с улыбкой Исаак, высунувшись в окно.

— Хуже места не придумаешь. Отвратительно!

Глухая деревня, поля, луга, овощи, фрукты и никакого смога. Тихо, мирно и, вроде как, даже уютно.

Лили наконец вышла из дома.

Том обернулся на скрип двери и застыл. До этого он видел неуклюжую, но симпатичную девушку в старой колледжной форме и ободранных туфлях. Она походила на

ребёнка, за которым плохо следит мамаша. Сейчас же к нему шёл чудесный лебедь, заменивший гадкого утёнка. Вся её красота и нежность были скрыты под потертыми тряпками и грузом не девичьей работы, придавленные тяжёлой учёбой. На ней было прямое, с заниженной талией платье кремового цвета, с коротким, доходящим лишь до колен шлейфом. Судя по его нежности и лёгкости — шёлковое, украшенное кружевом. Телесные чулочки на стройных ножках, и туфли-лодочки с множеством страз. Неброский макияж и подзавитые волосы — весьма неплохо.

Она подошла ближе, и Том окончательно поплыл, лицезрея её детскую и такую чудесную красоту. Лили немного надула губки, говоря этим, что ещё обижается на него и немного злится.

Том усадил её в машину, где девушку ждал букетик цветов.

— Цветы? — улыбнулась она, поднимая белые розы, которые больно укололи её шипами, и она вскрикнула, — Тебя, случаем, сегодня молния не ударила?

Томас притянул к себе зажившую после ожога ручку, такую ласковую, прижимая к своему лицу, чувствуя запах крема.

— Ты всё такая же неуклюжая... — Сказал он, поцеловав кисть, уделив больше внимания уколотому пальцу, откуда хлынула кровь.

Лили неровно задышала, значит, Том всё делал правильно.

— Может, поцелуемся? Дорога долгая... — нагло спросил он, приближаясь к её губам, — А ты красивая, изящная...

Лили оттолкнула его, кокетливо стреляя глазками, добиваясь сначала извинений, потом раскаяния, а в конце — подчинения.

— Прости меня, непослушное создание, за то, что повысил свой голос на один тон! — Лили рассмеялась, отодвинув Тома, упираясь ладонями в грудь, но он сам притянул её за осиную талию к себе, оставляя жадный поцелуй. — Ты чего уставился, извращенец? — он поднял взгляд в зеркало на Исаака, который изредка посматривал на них. — Ждёшь, пока мы тут не начнём детей делать, а ты сможешь свой хобот подергать, а?

Том забыл, с кем находился, выпуская еврейское и хамское нутро, снова зарывая «истинного» себя.

— Как не стыдно, мистер Шульман! Теперь моя очередь бить вас линейкой? — посмеялась Лили, извиваясь от его поцелуев на девичьей шее, которые больше щекотали, чем возбуждали и её, и его.

— Сейчас я тебе покажу линейку!

Она на всё смеялась, улыбалась и от души хохотала, и только ближе к колледжу Том понял, что она уже датенькая.

— Ты где вмазать успела?! — удивился мужчина, на что Лили показала ему язык, а после дыхнула в лицо, доказывая обратное. Запах её любимых яблочных карамелек и едва уловимый — бренди, мать его, бренди.

— Я трезвая, как стекло, Томми, — заверила девушка, поправляя платье, собираясь покинуть машину.

— Ага, запотевшее, да? С тобой можно? — Том желал присутствовать на торжественной части, а после рвануть с ней в какую-нибудь дешёвую забегаловку, где они и будут отмечать выпуск.

— Нет, ты распугаешь всех парней! — Лили чмокнула его в щеку и упорхнула, сливаясь с компанией таких же оголтелых студенток, теперь уже выпускниц.

«Что значит «распугаю парней»? Каких ещё парней?» — задавался Том вопросами, расхаживая по бару, бросаясь с замечаниями на всех, кажется, каждую минуту поглядывая на медленно идущие часы, и тут же возвращая их в кармашек жакета. Вот она, женская отдача, и ветер в юной голове. Ещё неделю назад она оседлала Томаса после экзамена, а сегодня он уже стал пугалом. «Когда я только успел стать принеси-подай?» Ощущение, что его облапошили, било через край. Том не знал, досада или обида, но что-то гложило и сильно злило, может, это была ревность? Дурацкие чувства, которые он впервые не мог себе объяснить, как бы не старался. Он обещал забрать её в восемь и привезти домой к девяти тридцати, но тело сорвалось с места раньше.

Томас и его водитель подъехали к небольшой кафешке после семи.

— Так, плюс минус полчаса херня, да? — прохрипел Том водителю, — Слетай и приведи Лили, — махнул он рукой в сторону забегаловки, — Девок там не распугай, амбал!

Томас вышел из машины, натягивая очки, осматривая конченную кафешку, такой конченной свет ещё не видел. Через пару секунд Исаак вернулся ни с чем, а точнее ни с кем, разведя руки: — Не пошла. Говорит, у неё в запасе ещё полчаса.

Том почесал ухо, которое загорелось от злости, наливаясь кровью. Он лениво подошёл к заведению, ощущая запах дешевой выпивки, а точнее, долбаного метилового спирта и растворенного в нем снотворного, сразу ударил ему в нос. Проклятые турки, не колеблясь, травили англичан метилом и таблетками, лишь бы трахнуть как можно больше женщин. Этим уродам редко воздавали должное за их паршивую натуру-лицемерие. Четверть бедных и даже зажиточных дам отдавались этим пучеглазым дегенератам, а потом эти недоделанные джентльмены трубили на всю добрую старую Англию, что английские женщины-шлюха.

Том рванул к столику, где сидела Лили, поднося к губам прозрачный стаканчик с напитком, весело улыбаясь подругам, которые сидели со своими ребятами, что годились ему, так же, как и она сама, в дети. Громкий смех, гул и шум уже взрослых девушек, пьющих не то, что нужно пить в двадцать лет.

Сокращая расстояние, Шульман напрягал зрение, читая название с этикетки: «Tenebre», в дословном переводе это означало темень или мрак. Вот чем опаивали ненасытную молодёжь, а потом трахали и скидывали в овраги с изувеченными отверстиями. Ничего тупее придумать не смогли.

Том подошёл ближе, вплотную к Лили, которая увидев его сделала маленький глоток, после чего мужчина кулаком выбил из тонких пальцев бокал, что с дребезгом разлетелся по кафельному полу. Она встала с места. Мельком Томас удивился тому, как не отколол ей ударом передние зубы, хватая девушку за руку, вытаскивая из-за стола.

— В чём проблема, Томми? Ещё полчаса! — завопила она, выдергивая предплечье из его хватки.

— Хочешь, чтобы тебя здесь потрепали? — начал Том было свою демагогию, отведя Лили в сторону.

Внезапно сидящему у окна парнишке стало плохо, и он рухнул на тот же пол, что и стакан секунду ранее, задыхаясь от густой пены, с шипением бегущей изо рта.

Лили подскочила к нему, поворачивая набок. Том скользнул к двери, быстро направляясь к машине, вытаскивая из коробки в салоне бутылку виски.

Вопли, крики, шум и плач смешались в одно, создавая напряжённую обстановку.

— Держи голову! — скомандовал он девушке, что приподняла парня за затылок,

позволив Томасу влить ему в глотку спирт. — Давай, шкет... — прошипел мужчина, — Глотай эту дрянь!

Парень задышал, закашлялся и чуть не заблевал его брюки, но Томас вовремя приподнялся, осматривая плящущих на него присутствующих. Этот мальчишка выжил только благодаря чистому спирту в виски — своеобразному антидоту, — и везению.

Том поставил бутылку на столик, проведя пальцем по горлышку: — Всем сделать по глотку, иначе получите возможность передать приветик своим праотцам, — он помахал рукой, изображая приветствие, а после направился к двери, подтолкнув Лили.

Выпускница всю дорогу до дома молчала, делая мелкие глотки виски из новой бутылки, смотря в окно, дуясь теперь уже на себя. Когда они подъехали, Лили хорошо опьянела, «подобрела» и нарушила молчание:

— Не хочешь остаться переночевать? — спросила она Томаса.

— Я что, похож на того, кто хочет стать кастратом? Твой папашка мне яйца отрежет без эфира, не так ли?

— Да его нет дома! Будет только во вторник... — протянула она, распахивая дверь автомобиля.

Том и забыл, что отправил этого недопырка с его длинными и нескладными гусеницами в Ливерпуль, чтобы решить вопросы.

Том и Лили вошли в дом: привычная и знакомая ему гостиная в свете луны, что периодически скрывалась за тучами; лестница, широкая и крутая, по которой он ступал точно за ней, чтобы не скрипеть гнилым деревом, пробираясь почти на ощупь. Узкий коридор, две спальни, но они поднялись ещё на пролёт, стараясь не издавать лишних звуков. Наконец, они достигли чего-то вроде переделанного под комнату чердака, зашли в плотную дверь и оказались внутри.

Лили зажгла ночник, рухнув на кровать.

— Ты как принцесса, живешь на самом верху башни? — спросил её Том, осматривая изрисованные обои, полки с книгами, маленький письменный стол, несколько фотографий и квадратное окошко с желтыми шторами.

Тусклый свет ночника грел обстановку. В такой маленькой комнате у Шульмана непременно начался бы приступ клаустрофобии, если бы не Лили, что стала стягивать платье, спрятавшись за шкафом.

— Томми, открой-ка окно, жарко.

Он приподнял створку, с трудом закрепив ржавый и погнутый гвоздь, возвращаясь к Лили, но та уже сидела в серой пижаме с цыплятами, собирая в косу волосы.

— Зачем владельцы кафе продают метил?

— Потому что это дешевле.

Том не врал, прикасаясь к столу, но всю сущность раскрывать не стал. Ей было незачем это слышать, тем более, перед сном.

— На кой ты вообще выпивала, ещё и такой сомнительный алкоголь? — спросил он, теряя самообладание, стягивая пиджак.

— У меня выпускной, если ты не заметил! — гаркнула она, накрывая ноги одеялом, пока Том расстегивал жакет, — К тому же, я не сомелье...

— Не заметил, потому что ты не взяла меня с собой! — дал ответ Томас, указав на девушку пальцем.

Пьяный язычок хамил ему вдвойне.

— Ты считаешь нормой сидеть с преподавателем? — Лили развела руки, — Тем более со...

— Старым, я понял.

— Я хотела сказать со взрослым, Томми! — разозлилась Лили.

Мужчина хмыкнул, не в силах справиться с пуговицей на брюках, которая никак не проходила через петлю. И ему понятно, что она его просто стеснялась. Лили встала с места, приблизившись ко еврею по постели на коленях, рывком расстегнув пуговицу, смотря на него снизу вверх.

— Ты чего задумала, а?

Лили фыркнула, возвращаясь на место, двигаясь к стене. Томас скинул рубашку, метнув её на тот же стул, куда полетели и штаны, и носки, оставаясь в один трусах, укладываясь рядом с девушкой, которая с интересом смотрела на его тело, обводя жадным и голодным взглядом грудь, трогая мышцы рук, сжимая их до побеления, ощупывая пальцами торчащие от постоянного подъема тяжестей вены.

— Тааак... Зачем ты меня пригласила? — спросил Том с издевкой, — Наконец-то позволишь мне потрогать тебя? — он пошутил, получив за это укус в плечо, — Вооот, — Том улыбнулся, потирая место укуса, — Об этом я тебе и говорил! Ты чуть что пускаешь зубки в ход!

Лили глянула на него слишком развязно, затуманенными глазами, задирая свою пижамную рубашку с цыплятами, оголяя свои прелести. Том лениво посмотрел на округлую грудь.

— Хватит, Лили! — раздражился он, зная, что ничего не перепадет, не кошерно всё это, — Опустит рубашку, и ляг, — он дёрнул ткань вниз, — Ты выпила три глотка, а ведёшь себя, как маленькая потаскушка, но никак не еврейская девушка!

— Потому что я английская женщина с русскими корнями! — она отвернулась к стене, обрабатывая сказанное Томасом, — Ты силой меня... — она скривилась, подбирая слово, — Вовлек в свою веру?! Это был обряд??? — вскрикнула она, и мужчина накрыл ладонью её рот, чтобы девушка не разбудила остальных обитателей дома.

— Тсссс... — он навалился на неё, слегка прижав губы, — Тихо, блин... — вспыхнул Том, перестав фильтровать базар, — Не кричи так, детка.

Она моргнула, и Том убрал руку, слушая о том, какой же он Иуда, что верит в Иуду, и что она верит в Иисуса, а тот его предал, и прочую чепуху.

— Твой Иуда — еврей! — прошипела она, — Не хочу верить в этого предателя!

— Иисус, солнце, тоже был евреем, — ухмыльнулся Том, — Тебе стоит прочитать Библию от начала и до конца.

Он полчаса распинался о том, что Лили лишь путается в понятиях и именах, ошибочно выставляя иудеев не в лучшем свете.

— Мы все ходим под одним Богом, создателем, да?

Томас рассказывал ей любимую и великую притчу, заливая в юные и наивные уши настоявшуюся чепуху, которая позволила её мозгу начать вертеться в другую сторону. Том обладал неким даром убеждения.

— Ну ты и оратор, Томми! Иди и встань на трибуну! — она раскусила его на раз и два, но уши-то уже поразвесила, так что сворачивать их было поздно.

Так они и лежали в постели, смотря в потолок, споря о том, кто выключит ночник, перетягивая друг с друга короткое одеяло. В конечном итоге, она просто скинула Томаса с

кровати ногами, и он упал на спину, уперевшись руками.

— А ты умеешь обращаться с мужчинами!

Спустя несколько недель

Пятничный полдень в Вест-Энде радовал его обитателей тёплой погодой и приятным ветерком. Небольшой многофункциональный госпиталь распластался по главной улице, заняв приличную площадь. Двухэтажное винтажное здание с белыми окнами и красивой вывеской на входе — пристанище для заболевших или пострадавших от собственной жадности и коварства людей «высшего» света. Лучшие приборы, новые инструменты, белоснежные халаты и пациенты с серебряной ложкой во рту — добро пожаловать в госпиталь Святого Рафаила.

Томас Шульман вместе со своими «сопровождением» перескочил порог гинекологического отделения. Шатен скинул тонкую фетровую шляпу, машинально поправив на бок волосы, как всегда чистые и свежие. Серые глаза ходили от стены к стене, выкрашенной бежевой краской с масштабными окнами, вид которых выходил на лесопосадку. Шульман стал объектом внимания беременных, молодых и пожилых женщин. Статный, высокий, широкоплечий в выглаженном костюме-тройке, сияющих оксфордах и белой рубашке — он выглядел как женская мечта. Такой импозантный джентльмен мог вскружить голову любой девушке, но стоило ему открыть рот и матюгнуться, как наружу вырывалась бесноватая сущность, отпугивающая прекрасную половину человечества. Пухлые, поджатые губы виднелись из-под густой, но ухоженной бороды, которую он еженедельно подравнивал у знакомого парикмахера. Это, как и гущина на руках, ногах и торсе, говорило о том, что мужские гормоны хлестали в нём через край, как бьющий из-под земли ключ без конца и края. Наверное, никто не мог подумать, что под поясом этого героя пистолет, заряженный, но не взведенный, до поры до времени.

Том без стука распахнул дверь, врываясь в кабинет заведующего, как к себе домой или общий туалет в ресторане, обводя взглядом помещение. Белёные стены, рабочий стол, кипы карт, кушетка и новое акушерское кресло, вид которого у еврея вызвал небольшое отвращение. Наконец, заметив сидящего за столом своего одноклассника, он скривился в надменной улыбке.

— Я сяду вот здесь. — прохрипел Том, плюхнувшись в кресло.

— Томас?! — воскликнул тридцатишестилетний мужчина с мелкими голубыми глазами и прямыми чёрными, как смоль, патлами, протягивая развернутую руку. — Томас Шульман! Сколько лет!

— Захария Шмаэль — возмужал, окреп и, наконец-то, лишился девственности женившись на своей троюродной сестре? — пошутил Том над другом детства, с кем часто играл во дворе.

— На двоюродной, Том, на двоюродной. Будь спокоен.

Том без малейшей зависти обвел глазами обручальное кольцо на его безымянном пальце.

— Ну, а ты? Пополнил еврейский род?

— А по моему счастливому лицу не видно, что нет? — пробормотал Том, желая перейти к делу, — Я тут с темой одной прикатил, расклад короткий.

Мужчина обратился во внимание, скрестив на груди руки.

— Моя подруга ищет работу. Ну, знаешь, в твоей отрасли, понял?

Шмаэль понимающе кивнул, требуя продолжения и подробностей.

— Эта девушка — богиня Илифия во плоти. Она убила во мне «рукой акушера» желание иметь беспорядочные связи и есть творог. Девчонка — отличница, но не по жизни, а по профессии. Присмотрись к родам с завязанными глазами сидя на унитазе вниз головой, понимаешь?

Захария от души рассмеялся, потирая левый глаз, и обнажив белые зубы.

— Я понимаю, к чему ты ведёшь, Томми, но всё это не зависит напрямую от меня.

— Да хорош мне драть, она — талант! — заверил он, откидываясь на стуле, взяв в руки акушерское зеркало.

— Ладно, пусть придёт с дипломом и документами завтра, часикам к десяти. Посмотрим на твою отличницу!

Мистер Шульман скользнул по коридору к телефону, набирая знакомый номер, выжидая тихие гудки. Наконец, девичий голос отозвался на проводе.

— Так, сладкая, как говорится — готовься, так? А я скоро приеду, верно? Потому что нашёл тебе престижную работу.

Лили рассмеялась, озаряя Тома, словно солнышко, чистыми и яркими лучами.

— Нашёл мне работу? Где? — спрашивала его Лили, перебивая вопросами, — Я и так уже работаю!

— Ты про тот сральник для блудных дам с трепакком? Ты заслуживаешь чего-то лучшего, нет? — закончил он, бросая трубку.

Мог ли почтенный мистер Шульман позволить ей работать в каком-то гадюшнике? Да никогда!

Она красивая и одарённая, а вынуждена собирать на пальцы выделения грязных девок от запущенной молочницы. И не только у придурочных мамаш, но и у их отпрысков, но уже во рту. Все эти гадости Том знал благодаря её рассказам, жутким историям, от которых хотелось облежаться. А какого тогда работать в таких условиях? И подумать страшно. Но, раз уж Томас её ухажёр, кавалер, спутник и воздыхатель, то обязан помочь устроиться в этой жизни.

Шутки — шутками, а ведь они встречались уже почти четыре месяца, и Лили ему уже не чужая, даже родная. Томас уже привык ощущать на своей груди её прохладные руки, перестав вздрагивать от прохлады; чувствовать её пальчики, зарытые в его волосах; слышать её смех или просто голос, сходя с ума от стонов после пылких поцелуев; думать о том, как она добралась до дома и дали ли ей пообедать во время перерыва; беспокоиться, не обижают ли её старшие братья, когда она проводит выходной дома, желая побыть одной. Она приняла его веру почти без скандалов и ссор, без тупых ультиматумов и угроз. Лили позволила ему дать ей возможность смотреть на этот мир моими глазами. Она проявила интерес, проявила желание встать на один путь со Шульманом, поэтому всё, что он делал, он делал только для неё.

Том стал жить для неё. Но всё это детская и сопливая лирика. А что остаётся в сухом остатке? Что Томас-гангстер, продает наркотики, занимается рэкетом и убивает людей? Лили и он — две противоположности, которые не могут притягиваться, но всё же.

Спустя каких-то полтора часа мистер Шульман стоял у двери, дожидаясь женских шагов.

— Что она там делает, блин?

Наконец, дверь проскрипела и распахнулась, Том пошатнулся на месте, увидев мертвенно бледное лицо Лили с мелкими капельками пота на носике и лбу, синеватыми

губами и заострившимися чертами лица. Карие глазки были наполнены слезами. Шёлковый халатик был замызган алыми пятнами, а левая нога обмотана тряпкой, на которой на глазах расплзлось темное пятно крови. Увидев Тома, она беспомощно захныкала, выставив нижнюю губу как ребёнок, у которого отобрали конфеты.

— Ну-ну-ну, — Томас притянул к себе слабое тельце, немного дрожащее, всхлипывающее ему в плечо, — Ты порезалась, да? Порезалась, я правильно понял?

В следующую секунду он уже подхватил её за ноги, неся её в ванную комнату.

— Чтоб меня, здесь словно свинью вспороли! — удивился мужчина, усадив Лили на край ванны.

Кровь была на полу, раковине, ванне и лезвии для бритвы, что теперь лежало возле смыва. Запах железа и какой-то сырости витал в уборной, вызывая у Тома лёгкую тошноту. Тряпка пропиталась основательно, и он присел на корточки, перебинтовывая заново, вспоминая все методы, которым его учили во время войны.

— Зачем ты в руки такое острое лезвие взяла, м? — спросил Том, осматривая не глубокий, но удачный порез, понимая, что Лили придётся везти в больницу.

— Я... Я хотела побриться.

Его руки заматывали тряпку плотнее, тампонируя таким образом рану.

— Зачем, солнце? Для чего?

Она вскинула карие глаза.

— Я готовилась, — прошептала девушка.

— К чему?

— Ты сказал... — отчаянно покраснела бы Лили, если бы не потеря крови. Впрочем, смущение в её глазах это компенсировало.

— Святая простота! У тебя ведь столько братьев, ты ни разу не слышала таких выражений?

Девушка помотала головой. Том вздохнул, проводя рукой по здоровой ножке.

— Послушай... Мой народ, точнее наш народ, да? Уважает заповеди, понимаешь? Заповеди, которые касаются и постельных дел, — заверил её Том, продолжая смотреть на ткань, что наливалась кровью, затягивая ту же, — После принятия Гиюра ты не можешь вступать в связь с мужчиной. Это необходимо для становления духа, так?

Лили мотнула головой, сделав вопросительно-непонимающее лицо, собирая свой новый вопрос, словно Том ходячая еврейская энциклопедия.

— Разве «это» не важно для тебя?

Он снова вздохнул:

— Важно, но давай не будем ставить знак равенства между любовью и страстью, да? Это своеобразная ловушка, так? — спросил Томас девушку, что вцепилась руками в края ванны, пока он ту же затягивал ткань, — Любовь — это желание поддержать, обнять или перебинтовать ту же ногу, а страсть — это лишь желание обладать, использовать, брать, правда?

Лили кивнула, а Том опустил руки, снова смотря в карие глаза, отражаясь тёмной тенью в зрачках.

— Выждем эти дурацкие оставшиеся два месяца, а там посмотрим, ладно?

Лили улыбнулась, а после зашипела, и из раны вновь хлынула свежая кровь.

— Давай-ка съездим в больницу.

Том взял её в охапку, отвёл в машину, оставив здесь своего водителя, чтобы тот

прибрался и исчез.

Он обеспокоенно смотрел на бледное лицо, прикрытые веки и длинные ресницы. Алая гуща всё впитывалась в ткань, как в губку. «Она решила набраться?!» — спрашивал себя Том, понимая как она напугано и серьёзно относится к этому вопросу. Самая настоящая недотрога, которая взвесит сотню раз все за и против, прежде чем расстанется с детством. По её разочарованному лицу было видно, что хочет, не может больше ждать, и это Томаса бесило больше всего. Может ему показалось?

Все эти разговоры, шутки и взгляды, прикосновения, ласки и поцелуи обезглавливали его раз за разом.

В госпитале, где Лили предстояло трудиться ей остановили кровь, зашили рану и попросили задержаться на сутки под присмотром. Доктора настороженно перешептывались, наконец сообщив о том, что у Лили плохая свертываемость, и подобная ситуация впредь может стать причиной серьёзных осложнений.

— Ты не останешься со мной? — спросила Тома Лили лёжа в постели, на что он отрицательно мотнул головой.

— У меня дел туча. Завтра я приеду и увезу тебя домой, лады?

Томас Шульман вернулся в бар и рухнул на своё кресло, перебирая небольшое количество писем. Одно из них было от Ахмета Озана, и еврей нехотя вскрыл конверт, вытаскивая пожелтевший лист.

— Это что за ссанный папирус?

Глаза побежали по строчкам, оценивая почерк и грамотность по старой привычке. Том взял в руки два приглашения в ресторан, поражаясь официальности и сентиментальности Озана.

«До субботы Лили должна выздороветь» — подумал он, набирая указанный на обратной стороне номер телефона.

В тот же вечер

Томас устало швырнул очки, едва не разбив стекла, потирая воспаленные глаза, понимая, как его всё задолбало. Дела стали идти хуже, хотя прибыль была та же. Ничего не предвещало беды или радости, пока в дверь со стуком не вошёл Исаак, ведя за собой молоденькую девчущку лет двадцати.

— Чего вам тут надо? — спросил Том раздраженно, осматривая девушку, — На этом диване трахаюсь только я, — указал он пальцем на мебель.

— Она ищет работу, — закончил помощник, с улыбкой исчезая в дверном проёме.

Том не стал скрывать, что изредка использовал молоденьких девушек в своих нескромных целях, которые после устраивались ко нему на работу и благополучно трудились несколько лет, выходили замуж и рожали детей. Он становился им вроде друга или наставника.

— Как звать? — обратился Том к ней, осматривая короткие светлые волосы, серые глаза и пухлые губы.

— Дэбби, — тихо проговорила она, смущённо опустив взгляд.

— Сколько лет?

— Двадцать один год, — заверила его Дэбби, приближаясь к столу.

Отработанный сценарий из пары фраз, и вот она уже лежит на кожаном диване после смены, голая и ждёт его, пока Шульман сделает глоток спиртного, который и предназначен

исключительно для этого. Жилостое женское тело, тощие бедра и торчащая грудь. Том рывком приподнял её за ноги, придвинув к себе, встав на край дивана коленями, медленно оголяя пах.

— Ты была когда-нибудь во Франции? — спросил Шульман, разряжая обстановку любимым вопросом, слыша только шепчущее ему на ухо «нет».

— А хотела бы? — спросил Том, отвлекая женское внимание от ощущений, сделав короткий рывок.

После первого рывка он услышал вопль, напрочь забывая о терпении и смирении, о которых заливал Лили.

Томас забыл о заповедях и правилах, о честности и верности, о любви. Том не сравнивал её с Лили, не позволяя себе даже допускать таких мыслей. Это просто разрядка, просто секс и всплеск эмоций, которые нужно было куда-то девать.

Дэбби у него не первая за эти четыре месяца, о чём Лили знать было необязательно. Это останется его маленькой тайной. Лишь бы она не стала явной.

Да, Том не отрицал, что действовал как животное, голодное животное, разрывая бедную жертву на куски. И чем он сейчас отличался от турок? Всем, ведь после этого он был благодарен за доверие. Тем, что девушку завтра ждало рабочее место и, значит, возможность зарабатывать деньги и жить нормальной жизнью.

Мистер Шульман натягивал белье, собирая его с пола, протягивая молодой чистое полотенце.

— Завтра можешь выйти на работу. Исаак выдаст тебе оснащение, сменную одежду и передник... — проговаривал он, наблюдая за тем, как девушка с брезгливостью осматривается, — Твоё место будет на кухне. Там не помешает пара рук.

— Так, если будут вопросы или какие-то просьбы, то ты можешь смело подойти ко мне, да? — Томас заправил рубашку в брюки, затянув её ремнем, — Я тебе очень признателен, а теперь — домой.

— Хорошо, мистер Шульман, — закончила покорная Дэбби, накинув на себя платье и ища на диване трусики, пока еврей рылся в шкафу.

— Под столом... — буркнул Том, набрасывая на плечи пиджак.

Таких, как она, у Шульман было косою коси, всех не перекусишь. Молодые, наивные, глупые и чаще всего из бедных семей. Таким образом Томас дал ей работу, еду и кров. Одна десятая женщин, работающих на него стали женщинами с ним, и продолжают работать по сей день, словно ничего не произошло. Вот она, поистине еврейская выгода.

Пятница

Томас подал руку Лили, которая с удовольствием приняла её, выскальзывая из машины в светло-голубом плаще, под которым виднелась бежевая блуза с рюшами и длинная обтягивающая юбка. Он не забыл её сумочку, того же цвета, что и плащик.

— Пстой, Томми! — мужчина обернулся, удерживая её за слабенькую руку, стараясь не смотреть в светло-карие и любящие глаза, — Ворот! — воскликнула она на его беглый вопросительный взгляд, бережно расправляя рубашку под чёрным пальто.

Том, как всегда, был одет с иголочки: чёрный шерстяной костюм мелкой вязки и идеальной глажки со стрелками на брюках.

— Готовы, да? — спросил он, позволив девушке взять его под руку и войти в холл ресторана, что переливался отблеском ярких ламп, отражавшихся в зеркалах и украшенных стеллажах.

Лили видела много похожих мест, куда Том водил её на свидания, но это показалось ей самым лучшим. Может, потому что она провела три дня в больнице, поедая горький шоколад из рук Тома, но только после мясного и наваристого супа для скорейшего восстановления после кровопотери. Он кормил её с ложки, целовал в лоб и рассказывал разные истории, провожая её даже в туалет, вызывая женскую зависть у остальных обитательниц палаты. «Какой попечительный супруг!» в один голос твердили дамы, прожигая глазами счастливую Лили, купающуюся в лучах заботы и внимания. Мужчина сам консультировался с доктором, много спрашивал о её состоянии и о том, как помочь поправиться.

Они вошли в гостевой зал, сняв верхнюю одежду, направляясь к нужному столику за которым уже сидела компания из трёх мужчин и одной женщины.

Лили с интересом осматривала интерьер, довольно прислушиваясь к тихой музыке, доносившейся из соседнего зала. Том подошел к столику, пожав всем мужчинам руки, поприветствовав даму, а после представил Лили. Она уже знала Озана, а Озан — знал её осматривая юную особу снизу вверх и сверху вниз, акцентируя внимание на глазах.

— Чудесно выглядите, мисс... — заверил Ахмет, чмокнув ещё совсем бледную ручку.

Лили натянуто улыбнулась, понимая, что этому типу доверять точно нельзя. Том же похозяйски перенял ладонь, посадив девушку на стул рядом, закинув крепкую руку на спинку мебели обозначив своё пространство, безмолвно заявляя: «она со мной».

В течение вечера беседы не выходили за рамки светских, без вставок из мата и пошлостей, только культурное общество и высший свет. Женщины трещали о своём, мужчины — о главном. Томас вёл себя немного вызывающе или же в своём репертуаре.

— Ай, вся еда — сплошное противостояние кашруту, дорогая. Что в итоге закажем?

Лили пожала плечами:

— Я буду то же, что и ты.

Мужчина хмыкнул, протяжно и хрипло, поднимая глаза на официанта: — Говядину с овощами без сливочного масла, филе сазана и... — протянул он, додумывая последнее, — Ей, — Том указал на Лили пальцем, — Слоёное пирожное, так и быть... И бутылку лучшего виски.

Он захлопнул меню и винную карту, швырнув их официанту, вскидывая глаза на Лили, которая медленно вышла из-за стола.

— Я подышать, — заверила она его, беря с собой за компанию новую знакомую.

Мужчина кивнул, раскинувшись на стуле: — Ладно, давайте завершим показушное представление и обсудим дела? На кой хер вы меня позвали? Явно не попробовать местных раков. И я не о еде.

Озан ухмыльнулся.

— Тебя хоть что-нибудь кроме денег и дел интересует? Планируешь охватить всю Англию?

Глаза Тома заблестели. Он знал, что вопросы Ахмета всегда имеют место.

— Что ты за это хочешь, а?

Озан потёр руки, глянув на своих подопечных, нагло ухмыльнувшись: — Сцапать на одну ночь твою девку.

Томас схватил со стола нож для мяса, едва не снеся весь хрусталь, ринувшись вперёд к лицу Ахмета, который не шелохнулся.

Двое подручных встали с места, выполняя свою грязную работу.

— Или это для тебя не кошерно?

Том молчал, держа возле горла турка нож.

— Я ж тебя сейчас вскрыю как консервную банку, мудак ты, старый!

— Устрой мне встречу с Чарли Остином.

— Да иди ты нахер! Нет! Никогда! Быть посредником и пушечным мясом? Хер там! — разозлился он, возвращаясь на место, — Я что, похож на козла отпущения?

Озан пожал плечами.

— Нужен малыш Чарли, ищи его в какой-нибудь заднице Лондона, только меня не трогай или раздружимся, мать твою, насмерть, я тебе отвечаю!

— Внемли, Томас! Вся Англия, ну или почти, под одним тобой. Твои аптеки всюду. Будет спрос! А спрос всегда рождает предложения, еврей! Подумай, от чего ты отказываешься.

Лили вернулась за столик, и от неё повеяло лёгким запахом сигаретного дыма.

Том недовольно шмыгнул носом, ощущая резкий запах.

— Зачем курила? — спросил он её на ухо, касаясь носом мягкой щёки.

— Я рядом стояла, — прошептала Лили, приступая к еде, обводя весёлым взглядом Томаса, — Франческа напросилась ко мне на прием во вторник.

Мужчина удивленно вскинул брови: — Ты всего-то день проработала, а уже постоянные клиентки? Молодец... Далек пойдёшь, — проговорил Том, разжевывая свой кусочек мяса, запивая крепким виски, поглядывая то на спутницу Ахмета, то на Лили, — Тяжёлая, что ли? Острое не жрёт, алкоголь в рот не берёт.

Лили усмехнулась:

— Ага! — девушка сделала мелкий глоток спиртного, сощурившись, пытаясь хоть как-то его проглотить, — Какой ты наблюдательный. От тебя ничего не скроешь, даже если захочешь! — подмигнула она, улыбаясь ему исподлобья.

И девушка была права, за четыре месяца отлично узнав натуру Томаса.

Они мирно отужинали и встали из-за стола: — Нам пора, — заверил Томас «коллег», швырнув на стол деньги, зазывая жестом официанта.

— Пора делать домашнее задание, Лили?

Девушка лишь хмыкнула, и стоило Томасу отвернуться, как она показала Озану язык, исчезая в проходе.

Весь вечер мистер Том чувствовал себя индюком. Во-первых, его мучила совесть перед Лили, и он боялся заглянуть ей в глаза, словно она увидит сцену, где он имел её ровесницу на работе. Том боялся сказать лишнего, будто из него вырвется правда, которая была никому не нужна. Он навещал её в больнице по полдня, чтобы та ничего не заподозрила и не раскусила. Каким-то краешком мозга Томас понимал, что его беспокойство пустое, ведь это был не единственный раз, а уже шестой по счету. Но именно последний, мать его, рвал и душу и сердце! Еврею было паскудно, стыдно и мерзко от самого себя. Ведь он её действительно обманул, изменил и вытер ноги.

Осознание произошедшего пришло только когда он пришёл к ней в палату на следующий день, а Лили от радости прыгнула ему чуть ли не на руки, прижимаясь к заросшей щеке. Эти доверчивые глаза, большие и красивые, которые не могли обмануть, но которые обманул Том. Они смотрели на Томаса не как раньше, холодно и стеснительно, а с любовью и самозабвенной нежностью.

— Осторожно, дорогая, а то шов расползется, — улыбался он, не зная куда деть глаза, целуя её в губки, пришепнув по упругой попке.

Лили представить себе не могла, что вчера её Томми был с другой.

Во-вторых, разговор с Озаном не давал ему думать рационально, сводя всё к материальным благам. Том всё прекрасно понимал. Но, сдавать Остина сейчас было минимум — глупо, а максимум — не выгодно.

Пока Том прикидывал варианты, они подъехали к бару, пересекая с Лили холл, проникая внутрь. Они вошли в кабинет, и Лили, уже обосновавшись, рухнула бы на диван, но я ей не дал, притянув к себе за предплечье так, что она попятилась назад от его напора, усаживаясь на стол.

— Так, я тут работаю, верно? — Томас обвел рукой кабинет, зацепив и злополучный диван, сощутив глаза, отгоняя недавнее прошлое, возвращаясь к девушке, — Поэтому дети заделанные в этом кабинете и на этом священном столе автоматически станут такими же как и я боссами, да?

Лили рассмеялась, глупо и звонко, утыкаясь в его плечо. Она опьянела, но не так, как Том, покачиваясь из стороны в стороны.

Он прильнул к ней губами, и она страстно вздохнула, обхватив мужскую шею руками, сливаясь в одно. Еврейские пальцы побежали по её блузе, наспех расстегивая ткань, пока она ловко справлялась с его ремешком. Бедра Томаса оказались меж её, разведенных и стройных, таких манящих. На пол бесформенной фигурой полетел пиджак, за ним последовала её блуза.

Том ласкал её шею, слушая нежные вздохи, всхлипы и полустоны, спускаясь к груди, пытаясь сдвинуть бюстгальтер и заглянуть внутрь. Черт знает, что этих двоих нашло, а особенно на Лили.

— Потерпим до дома? — выдохнул Том.

Лили оскорбилась до жути быстро и глубоко, обиженно поджав губы, с досадой толкая еврея в плечо, слезая со стола и направляясь к дивану. Исаак разрядил обстановку.

— Том, там такое, короче, ты нужен!

— Весь свой словарный запас высрал? — спросил его он, шагая по залу и выходя на лестницу ведущую в цоколь, пытаясь переглушить музыку.

Они подошли к крайнему складу, который используется весьма редко, плохо освещается и проветривается. Том стоял и смотрел, как люди Чарли нахально разворовывают ящики с

дорогими напитками. В эту секунду он принял предложение турков.

— Так, дорогой мой, пойдёшь к Лили и присмотри за ней, чтобы она нос свой из кабинета не высунула! — обратился он к Исааку.

— Дать пистолет? — спросил он, на что Том отрицательно помотал головой.

— Ну что ты, мальчик, не нужно. Иди к моей милой, а то она меня потеряет.

Тем временем Лили сидела в кабинете еврея, наблюдая за стоящим в углу Исааком, что отмечал какие-то цитаты в книге с заумным видом. Она пересела за стол, проведя рукой по полировке, обводя пальцами шкафы, сдвинув небольшой ящик, хорошо смазанный маслом, без скрипа распахнувшийся перед её глазами. Исаак даже не поднял голову, увлеченно плюхаясь на диванчик и царапая карандашом по бумаге. Ему было плевать, чем занята девушка, а тем более, чем занят сам босс. Ещё движение и девушка вздрогнула, заметив небольшой пистолет, проклиная собственное любопытство. Сомнения в том, что Том — не учитель, развеялись в миг. Тонкие пальцы обвели оружие, ощущая его холод и грубый металл.

Исаак вышел из кабинета на зов одного из официантов, попросив девушку посидеть одну минуту. Лили послушно кивнула, но, конечно, слушаться не стала, делая себе же хуже. Она покинула кабинет, проскакивая через холл и обходя огромное количество столиков, направляясь на вопли Томаса, доносившиеся с другого конца заведения. Любопытство лишило её страха, осторожности и здравого смысла, вынуждая идти наперекор строгому еврею. Ещё один пролёт, лестница и прохлада, и крики Тома стали слышны отчетливее и громче, мат лился из его уст, раздаваясь как по радио.

— Ах ты, сраная псина с отростками вместо рук! Ты, сука, смеешь воровать у меня под носом?!

Лили выглянула из-за стены, наблюдая разъяренного Томаса, что безжалостно топил человека голыми руками в большой бочке, рукава на которых он аккуратно и неторопливо закатал по самые локти.

— Засранец! Пей, заморыщ, пей!

Неизвестный Лили дёргался, вырвался и брыкался как бык на красную тряпку, тщетно пытаясь сделать вдох, глотая жидкость. Голова его была опущена по самые лопатки и билась о деревянные стенки, смешивая воду с кровью.

Лицо Шульман было абсолютно нечеловеческим, и от этого у Лилиан побежали мурашки: злые и пустые глаза потемнели от гнева, нос сморщился, брови опустились, а зубы сцепились в плотный замок до побеления плотных и розовых губ, густые волосы взъерошились и торчали в разные стороны, пока сильная левая рука безжалостно лишила жизни человека.

Никто не пытался остановить его, не хотел сам попасть под горячую руку или просто не беспокоился о тех, кто влез в дела завода. Никто не помешал ему закончить начатое.

Лили прикрыла лицо руками, почти рухнув на землю, стараясь стереть из памяти увиденный ужас. Сознание не верило в содеянное Томми, пока непослушные ноги несли её в сторону входа, откуда они и пришли каких-то пятнадцать минут назад, которые стоили кому-то жизни.

Мистер Шульман пришёл в себя только тогда, когда тело обмякло и повисло на краю бочки. Он выдохнул, словно после марафона, восстанавливая дыхание, прощупывая пульс на лучевой артерии, направляясь к кабинету, где его должна была ждать Лили.

«Никого» — подумал он про себя, заметив отсутствие девушки.

— Исаак, твою мать! — прокричал он, смачно харкнув скопившуюся густую слюну на пол, сложив всё ещё мокрые руки на поясе, встречая долговязого мужчину, — Где Лили, срань ты господня, а? Ты где опять был?

Исаак стал что-то отвечать, пытаясь оправдаться перед разъяренным боссом.

— Тот, кто тебя сделал, недобрый, мать твою, человек! Ему бы таки хер отчекрыжить по самые яйца, ага?! — прорычал на него Том, направляясь к выходу, — Я вернусь и засуну тебе трость в задницу, а высуну через пасть, также как и мой член изо рта, который ты сосёшь вместо маминой сиськи с самого рождения! Беспомощный ты узурпатор!

Том был зол, как черт, выбегая на улицу и догоняя уходящую Лили, пытаясь её притянуть к себе рукой, но та громко вскрикнула:

— Отпусти! Или я закричу!

Том вздохнул. Она все поняла, всё увидела и от своего не откажется.

— Ты уже и так кричишь, милая, — Лили потупилась, — Но, если так хочешь, можешь покричать ещё... — убедил он её, — Тебе можно, — Томас сделал шаг, касаясь её руки.

— Не трогай меня, паршивый бандит! Ты бандит! — верещала она на всю улицу, пока Том покорно её слушал.

— Я не бандит, солнце.

Она развела руками, делая ещё два шага назад — Ты человека утопил! Ты оружие в столе держишь!

Он рывком приблизился к ней, прижимая к себе, получая хлипкие удары в грудь: — Я не бандит, Лили.

— Так кто ты тогда?

Томас взмолился:

— Скажем так, да? Я обычный порядочный бизнесмен, но с немного расшатавшейся психикой, — начал было он, но девушка тут же оборвал его издевательской ухмылкой, — Только и всего, Лили.

Девушка немного поплыла от его слов, от сладкой лжи вместо горькой правды.

— Я храню пистолет только в целях самообороны, понятно? Я и в руках-то его не держал, а тем более никого не убивал, правда?

Том бессовестно врал, что было его кредо.

Лили поежилась от холода, но в его объятия не пошла.

— А что с тем парнем? Он жив? — с надеждой спросила она, ища в серых глазах ответы.

— Само собой разумеется! Я лишь припугнул этого выродка, потому что он меня обманывал, понимаешь? — успокоил он девушку, навесив на неё пять килограммов лапши, — Всё оказалось не так, как тебе привиделось, да?

Лили скривила губки, осматриваясь по сторонам, не зная верить его словам или нет. Девичье лицо говорило об обратном, в нем читались страх и недоверие.

— Я всё равно от тебя ухожу, ясно?

Лили жутко испугалась Томаса, а он в свою очередь знал какую политику выбирать: — Ясно, Лили, мне ясно. Ты можешь вернуться в свою деревню и снова начать скучать возле окна своей маленькой спальни, потому что рестораны, театры, красивая музыка и поездки не валяются на дороге.

Лицо её выражало безысходность, ведь она была не готова разменивать свою новую

жизнь на прежнюю, старую. Поэтому Том так легко и давил на неокрепший девичий разум.

— Ты будешь нянчиться с братьями, стирать портки и готовить обеды. А вместо благодарности будешь получать новые нагоняи.

Лили скривила лицо, теряясь в сомнениях.

— Я всё расскажу отцу! — гаркнула она, приняв оборонительную позицию, стоило Тому вновь сделать к ней шаг, отчего он едва не рассмеялся, удерживая серьёзное лицо.

— Твой отец сам на меня работает, милая. Давай я тебя к нему отведу, если хочешь? Но вряд ли он обрадуется тому, что ты гуляешь со мной так поздно.

Спустя два с половиной месяца

Лили лежала на груди Томаса, запуская тонкие пальчики под рубашку.

— Если ты опять меня подразнишь и закроешься в ванной комнате, клянусь, я сломаю дверь, но до тебя доберусь!

Лили рассмеялась, стреляя хитрым взглядом, от которого он таял, как пломбир на солнышке. Мужчина потянулся к губам, зацеловывая их, врываясь в рот языком, щекоча короткой бородой мягкую кожу.

— Три месяца прошло. Уже пора... — Заверил её Том, роняя Лили на спину и опуская лицо к груди, целуя через платье торчащую вершину.

Лили простонала, спонтанно, на эмоциях, разводя ноги, куда тут же опустилась его рука.

— Томми, стоп! Я не могу, — Процедила девушка, пытаюсь приподняться в кровати.

— Почему? — Пухлые губы обводили торчащий через ткань сосок, оставляя мокрое пятно, просвечивающее белую ткань.

— Потому! — буркнула Лили, закрывая грудь ладонями, не позволяя Томасу расстегнуть пуговицы.

— Это не ответ! — Поднял глаза он, — Значит, веских причин у нас нет? Раздевайся! — Том потянулся к ремню брюк.

— Не буду! — прикрикнула Лили, брыкнувшись в кровати под мужским напором.

— Хм... — протянул Томас, скривив лицо и нахмутив брови, — Ну, ладно, уговорила... — Пожал плечами он, вытягивая каждый гласный звук, — Раздену тебя сам!

Его сильные руки тут же легли на тонкие трусики под платьем, потянув их вниз.

— Томас Шульман?! — Крикнула Лили и перехватила ткань, что едва сползла с бёдер.

— Лилиан Янг?! — передразнил её Том.

Ей уже было не смешно, поэтому мужчина недовольно и нехотя убрал руки, заметив недовольную и оскорбленную гримасу, пока не поздно.

— Завтра я иду к доктору... — сообщила Лили, поставив его перед фактом.

— Иии...?

— И я хотела бы выйти из кабинета с гордостью и с целой головой, иначе отец мне её пробьёт, а следом и тебе!

Том рассмеялся.

— Томми! Хватит паясничать! Я серьёзно!

— Серьёзно? — показушно нахмурился мужчина, вновь запуская пальцы к женским бедрам, а после примыкая к ним губами, — Если серьёзно, то такими темпами руками и моим членом ты добудешь огонь.

— Томми! — прикрикнула на него Лили, толкнув в грудь, — Твоя спешка мне не нравится! Ты меня заставляешь! Принуждаешь! Как с цепи сорвался!

Том беспокоился из-за предстоящей поездки в Глазго, о которой девушке он ещё не сказал. Еврейское нутро чувало опасность. Он знал, что обязательно вернётся в Лондон, вот только бы не в тканевом мешке по частям. Он не боялся смерти. И это было правдой, ведь Томасу было нечего терять, кроме бизнеса, но сейчас в его жизни есть Лили, которая, само собой, переживет его гибель, но жизнь её от этого лучше уж точно не станет.

Том был не готов умирать сейчас, желая воплотить в жизнь отличные планы. Он хотел показать девушке мир, особенно Францию, которая запала в его сердце со времен войны. Он мечтал показать ей каждый уголок, каждую улочку, где шли бои, его бои, где он терял друзей и кровь. Она бы наверняка разделила его тоску и боль.

Том знал, что связываться с мафией — дело гиблое, а с русской мафией и вовсе. Да, он владел языком, да, он знал и манеры и порядки, но всё это не стало бы стальным листом от пули-дуры, которая может оставить посреди лба аккуратную дырку. Он торопил Лили только потому что нервничал, пытаясь хоть как-то унять стресс, ведь привычные ласки ему приелись и порядком поднадоели. Томас хотел нормального секса с любимой девушкой, без каких-либо рамок и запретов, чтобы раствориться в человеке и не думать ни о чём.

Беспокойство его точно не было пустым, как часто бывало. Шестое чувство его не подводило. То же волнение и тошнота в сочетании с головной болью были предвестником ранения еще во время войны, предвестником воткнутого в стопу ножа во время игр с другими детьми во дворе.

Лили поцеловала его в поджатые губы, одергивая от размышлений.

— Томми, ты обиделся?

Мужчина отрицательно замотал головой:

— Нет, я тебя как и прежде сильно люблю, да? И твоё решение ценю и уважаю, — Лили радостно уткнулась в мужскую щеку, поглаживая отросшую бороду, пока Том обводил её плечи, словно убаюкивая среди бела дня на тихий час, — Я готов ждать. Только ты с решением не томи, лады?

Мистер Шульман собирал манатки, складывая чистые рубашки в сумку.

— Когда ты вернёшься? — спросила его Лили, рисуя в воздухе ногой какие-то буквы. Вот кому жить хорошо, так это Лили. Беззаботность и отсутствие каких-то жутких взрослых проблем. Она не спешила взрослеть, и это было здорово, потому что и Том чувствовал себя рядом с ней юнцом.

— В пятницу вечером, крайний срок в субботу ранним утром, — поцеловал он её ножки, словно покорный слуга, продолжая сборы, — По приезду в Глазго буду звонить тебе утром и вечером. Расскажешь, как ходила к доктору, и как твой папаша возвел тебе золотой монумент, который будут проектировать исключительно такие же как и ты, девственницы, — закончил он, застегнув кожаную сумку, незаметно уложив на дно пистолет.

— Какой же ты зануда, Томми! — буркнула она, вставая с кровати, чтобы проводить его.

— Исаак увезет тебя завтра утром, хорошо?

Она отрицательно замотала головой.

— Нет, не буду ночевать в твоём же доме и без тебя, словно какая-то вдова. Плохая примета, я так считаю.

Томас поцеловал её в губы и светлую макушку, крепко прижимая к себе, стараясь унять дрожь в ногах.

— Тогда с пятницы на субботу грей кровать, лады? Я приеду и возьму тебя без разговоров, ты меня поняла? — спросил он отрываясь от губ, поглаживая румяную щёчку, слыша только тихое «да».

Том и его свита прибыли в Глазго только ближе к обеду, и он сразу же отзвонился девчонке, сообщив, что с ним всё в порядке, и он ужасно устал.

— Ну, как твой поход к доктору? Рассказывай? — спросил Томас второстепенно, убедившись сначала, что она легла вовремя, выспалась и позавтракала перед выходом.

— Хорошо. Всё на месте. Голова, вроде, тоже.

Он был рад её слышать и безумно соскучился, желая поскорее вернуться к ней, чтобы поцеловать, обнять и просто быть рядом. Ещё раз Том позвонил ей вечером, когда проснулся, около семи часов, на автомате набирая её номер. Лила была дома, читала книжку и готовилась к новому рабочему дню.

— Я очень скучаю, Томми, целую тебя, милый.

Слово «милый», на первый взгляд простое и бесполезное, но ободрило его больше всего и вселило волшебную веру в себя. С этой верой Том и пошёл на встречу в сопровождении ещё троих остановился возле скверного на первый взгляд дома, поросшего вокруг травой.

— Это что за притон? Больше смахивает на обрусевший сарай, нежели на какой-нибудь корт, а?

Том оказался прав, войдя внутрь, ощутив запах можжевельника и свежего дерева.

— Пахнет как на сраной лесопилке и строгают здесь явно не деревья, так?

Том двинулся дальше, проскальзывая по коридору, выходя в небольшой зал, где стоял стол с сидящими за ним людьми.

— Ну засранцы, вы меня что попариться пригласили в такую даль? Я чуть на своих яйцах цыплят не высидел за четырнадцать часов!

Двое мужчин, высоких и светловолосых, в приталенных костюмах встали с места, уступая Томасу, который тут же стянул пиджак и шляпу ощущая жар. Через мгновение появилась женщина лет тридцати пяти в тонком халате, присаживаясь ровно напротив еврея. Том не мог не узнать свою первую, что называют, «любовь». Ольга Корсакова крутила с ним роман «долгих» три недели его проживания в старой и доброй России. На тот момент ему было почти тридцать, также как и ей.

— Это что за гейша, а? — Спросил он, откидываясь в кресле.

— Фильтруй речь! Не забывай, что я пока ещё дочь Корсакова, идиот!

Томас приятно удивился, осматривая женщину чуть внимательнее, чем минуту назад: длинные черные волосы собранные в тугий пучок, серые глаза и тонкие губы, курносый нос — ужасная красота, но такая завораживающая. Алексей Корсакова, коллега Тома, который всегда поставлял ему напитки без каких-либо документальных проблем по «своей» цене. Одна такая поставка угодила приездом мужчины в Москву, где он и обзавелся новой пассией, уже замужней на тот момент.

— Отныне все поставки и сделки только через меня, — заверила женщина, втягивая сигаретный дым.

Том потёр бороду, ехидно ухмыляясь: — Как скажешь. Перейдём к делу или сначала в баню? — Спросил он, указав головой на дверь в парную, — Что, изнасилуешь меня в ней, и дело в шляпе?

Женщина сверкнула глазами, а после щелкнула пальцами, чтобы помощники разложили бумаги. Юрист Тома тут же принялся их читать.

— Поставки алкоголя сейчас запрещены, поэтому тебе, если ещё актуально, они будут стоить в два раза дороже, — отчеканила женщина.

Том нахмурился:

— А чего же, не в четыре-то сразу, а? — Возмутился мужчина, вспоминая их страстные ночи на шерстяном ковре его гостиничного номера, кровать в котором жутко скрипела. Он стягивал Ольгу на пол вместе с матрасом, а после усаживал сверху, начиная езду, опасную и непредсказуемую. В конечном итоге он вернулся на родной Альбион, а Корсакова — к мужу. Больше они не знали, словно не делили постель совсем никогда. Они не успели даже узнать друг друга и действительно сблизиться, найдя точки соприкосновения только в одном. Томаса, как молодого и необузданного всё устраивало, а Ольга делала это, потому что наскучил нелюбимый супруг, такой же нелюбимый, как и Том.

И вот сейчас они сидели друг напротив друга, словно только что познакомились. Ни тоски, ни сожаления, только деньги и бизнес.

— Я соглашусь оставить прежнюю цену, по старой дружбе, так сказать. А то ведь спрос падает, в стране кризис, люди затянули пояса и пьют меньше? — И женщина рассмеялась, — Можно тебя тет-а-тет, Том?

Он встал с места и вошёл в парную за женщиной, швырнув на сухой гвоздь все вещи, оставив только трусы, закрывая за собой дверь.

— Ты постарел... — протянула она, скидывая халат, осматривая его тело.

Том смотрел точно в глаза: — Чего не скажешь о тебе. Ты отлично высасывала из меня молодость. Рад был стараться, — издевательски проговорил он, присев на скамью, ощущая бегущие капельки пота по лицу.

Ольга встала с места и рывком оседлала Тома, который привычно запустил руки назад, создавая опору.

— Не растерял свои навыки?

Женщина стала водить бёдрами по его паху, который по-прежнему оставался мягким, добиваясь нужной твёрдости.

— Хочешь, чтобы я тебя тут поимел?

Корсакова кивнула, опуская кисть Томаса на свою грудь, немного дряблую, слегка отвисшую, но такую же красивую, как и раньше.

— Цена вопроса?

— Принять названную мною цену или забудь о поставках в Россию.

Том рассмеялся, отталкивая настырную женщину, глупую женщину, которая не знала его так хорошо. Ничто, ничто не могло отвлечь его от работы, даже голая дама верхом.

— Ты хочешь и рыбку съесть, и на веточке покататься? Решила надурить меня, а?

Том перестал ухмыляться, умывая лицо из ведра, натягивая суровую гримасу. Ольга протянула ему бокал вина, глоток которого Том сделал нехотя, сморщившись до неузнаваемости: — Ну и отравка! Если я помочусь на виноград и закрою это в бутылке, получится лучше, чем это, — Он злобно швырнул бокал, и тот с дребезгом разлетелся, набирая в ладони воду с ведра, жадными глотками перебивая кислый вкус белого полусладкого.

— Так на чём мы порешим? — спросил Том.

— На тебе! — гаркнула Корсакова, удовлетворенно наблюдая, как крепкий и подтянутый Томас, её некогда страстный и изощренный любовник, с грохотом рухнул на деревянный пол, медленно теряя последние капли сознания.

Холодная и дождливая ночь стояла над городом, непроизвольно оплакивая Томаса и убаюкивая тем самым Лили. Промозглые капли хлестал в окно, стучали несчастные ветки, обдавая дом тихим воем. Чистая и утонченная спальня со светлыми обоями в мелкий цветочек освещалась холодным светом уличного фонаря. В небольшом камине догорали последние полешки, согревая лёгким теплом.

Девушка сладко спала, скинув ногами большое одеяло, обнажая прекрасное тело облаченное в тонкую ночнушку. Лили покорно ждала Тома в эту ночь с пятницы на субботу, так и не получив за весь день звонка.

«Он никак не мог забыть!» — твердила себе она, подыскивая новые причины, почему он всё-таки не позвонил, отмечая худшие, вроде сломанной машины или перекрытой дороги.

За завтраком Лили ощутила непонятную горечь под сердцем, судорожно набирая номер бара, но в ответ слыша лишь гудки и давящую тишину. А после трубку и вовсе сняли, что стало катализатором к действию, и Лили рванула туда.

По дороге она всё думала, что же в действительности испытывает к Томасу, любовь или простую привязанность, основанную на влечении. Сердце трепыхалось от беспокойства, пока машина с водителем сокращала расстояние до его работы, в которую он вкладывал большую часть своего времени и души, взвалив на себя всё больше обязанностей, твердя Лили, что в наше время не на кого положиться и всегда стоит рассчитывать только на себя.

«Что бы ни произошло, у меня всегда есть я, и только я, ну и по вечерам — ты!» — говорил он, придавая этим словам огромное значение, в отличии от ветреной Лили.

Девушка вспоминала их свидания, глупо улыбаясь и смотря в окно, слыша его ласковый шепот о любви, первое признание, после которого у Лили не осталось сомнений в том, что любовь существует. А значит, спор она однозначно проиграла.

Мужчина, для смелости выпив совсем немного вина, исписал стену старого кирпичного склада отца девушки белой краской на иврите. Окно Лили выходило точно на чудесное творение недопикассо, но Том старался, как мог. Понять значение смогли только они вдвоем, ведь заранее Том поднатаскал её этими фразами.

Утром отец Лили матерился как сапожник, проклиная Шульмана за его игры в любовь, пока тот крепко спал в комнате девушки в обнимку, закрывая уши большой подушкой.

Том открыл глаза, ощущая дикую тошноту и боль во всём теле. Перед глазами всё плыло. Но самое ужасное было впереди, когда он осознал, что не может пошевелить ни одной частью своего тела. Благо двигались хотя бы губы, и Томас мог выразить свои сраные мысли. Его подобрали члены еврейской общины, затолкали в рот противоядие и уложили в машину, чтобы увезти в Лондон.

Он молча водил глазами ощущая собственную беспомощность и ничтожность, признавая то, как человек может быстро всё потерять, и теперь ему уже были не нужны эти сделки, эти грязные деньги и эти дурацкие разборки. Он хотел лишь покоя, предпочитая сдохнуть где-нибудь по дороге к этому покою, чем показываться таким Лили.

Он не знал, сколько провёл лёжа на полу в парной, где температура зашкаливала от сухого пара с камней. Пока его несли за руки и за ноги, Том проводил взглядом своего юриста и водителя, которых в прямом смысле слова распяли на стене, предварительно

перерезав им глотки. У них остались семьи и дети, а молодые жены — теперь вдовы. Глаза слезились то ли от отравы, то ли от жалости к погибшим. А если бы я взял с собой Исаака или Лили? Что было бы тогда?

Лили перешла на бег, преодолевая холл и всё было как раньше. Та же тихая музыка, те же люди, тот же запах. Девушка облегченно вздохнула, узнав у одного из официантов, что Томми в своём кабинете.

Она рванула туда и уже издалека почувствовала неладное, заметив множество незнакомых ей людей в кабинете Тома. Лили вошла без стука, осматривая уставившихся на неё евреев, пробираясь к дивану, где лежал Томас, заметив его ноги.

Лили бы вскрикнула, но что-то помогло ей сдержать эмоции, поэтому она лишь вытаращила глаза, смотря на одутловатое и синюшно-красное лицо Тома, чьи веки опухли, а капилляры едва заметных глаз полопались, превратившись в тугую кровавую сетку. Каштановые волосы были взъерошены и засалены, кожа блестела от выступившего пота, а губы потрескались и едва шевелились, донося до неё смысл слов.

— Уберите... Уберите её, мать вашу. Не показывайте меня, — процедил сквозь зубы с большим трудом Том, делая бессмысленные и пустые попытки подняться.

На Лили попятился Исаак, но та ловко отскочила к столу Тома, рывком распахивая шкаф и вынимая оттуда тяжелейший для женской руки пистолет.

— Томми, мы поедem домой, и я буду за тобой ухаживать! Тебя осмотрит врач, и мы поднимем тебя на ноги! — провопила Лили, наводя оружие то на Исаака, то на присутствующих евреев, которые немного посторонились, чуть смелее улыбаясь.

— Исаак, будь большим и послушным мальчиком, заведи у неё гребаный пистолет и выгони нахер отсюда, словно здесь карантин по чуме и не пускай до тех пор, пока я не выздоровею, да? — пробормотал Том, перебирая губами, чтобы получилось более и менее понятно для слуха.

Лили взвела оружие, и все зрители вздрогнули, понимая что девчонка не шутит.

— Том, не глупи! — пискнула она, судорожно глотая слова и слезы, — Я готова тебе помочь!

Он снова сделал пустую попытку встать, но дернулась лишь шея и голова, осматривая девушку, отображая на сетчатке только смутный силуэт: — Мне уже не встать! — гаркнул он, плюхаясь на обивку, — Ты молодая! Через неделю сбежишь! А мне потом ещё и с тоской в кармане подыхать!

— Я не уйду, пока ты не согласишься принять помощь, — Твердо заключила она, усаживаясь в кресло.

— Исаак, заведи ствол! — Обернулся он к парню, — Это не обсуждается, дорогая! Лучше бы я сдох! — яростно прошипел он.

Лили разъяренно вскочила с кресла, поджав губы до побеления и сжимая в руке пистолет, встав над Томасом, упирая дуло точно в морщинистый лоб.

— Я тебе сейчас упрошу жизнь, а затем — пойду и напишу письмо о том, как Томас Шульман сдался, и отнесу в Синагогу, а после — уйду за тобой! — Прокричала она, смотря сверху на его искореженное и бородатое лицо, наблюдая светлые капли, текущие из некогда живых и серо-зеленых глаз. — Вы проиграли мне спор, мистер Шульман! — развернулась Лили, положив пистолет на стол, собираясь уходить, — Не существует этой вашей любви...

Дверь распахнулась, и Том прошипел в последнюю секунду:

— Поехали домой...

Лили поговорила с теми, кто привёз Томаса в Лондон, кто помог ему выжить.

— Он захлебнул малую дозу, предположительно растворённую в ведре. Относительно дозировка не большая, но мы дали ему универсальный антидот. Как успели, так успели, мисс.

— Знали бы где упадёт, противоядие бы положили... — сказала Лили, — А что хоть за яд?

На этот вопрос ответ она не получила, набирая номер Шмаэля.

Томас лежал в своей постели, водя глазами по потолку.

— Я даже отлить не могу! — жаловался он Шмаэлю, пока тот налаживал капельницу, запуская в вены еврея прозрачную жидкость.

— С трёх литров ты сделаешь это, как в первый раз, успевай только постель и штаны менять, — ободрил его одноклассник, ударив по плечу, на что Том лишь фыркнул и беззвучно проматерился.

Захария промыл ему желудок, после чего Том дрожал как осиновый лист, ища поддержки в лице Лили, которую ещё пару часов назад яро посылал на все четыре.

Девушка сидела рядом с кроватью, не отходя ни на шаг.

— Иди домой... — Прошептал он, засыпая после хорошей дозы опиатов, которые дали нервной системе небольшую передышку в резерв.

— Нет, останусь с тобой, — Заверила его Лили, наблюдая алый закат за окном из некогда их общей спальни.

— Я же тебя обделаю ночью, и сам не замечу... — Проскулил он, утыкая лицо в её грудь, проваливаясь в дрему, — Я гребаный инвалид!

Лили погладила его волосы, целуя в щёки и лоб, прижимая ослабленное и совсем безжизненное тело к себе.

— Я схожу домой, возьму вещи и приду, — Заверила его девушка, приподнимаясь с кровати, слушая ровное дыхание и тихое сопение, прикрывая одетое в пижамную одежду мужское тело.

Лили приехала домой почти под полночь в надежде лечь спать, а утром с новыми силами отправиться к Томасу. Надеждам было не суждено сбыться, когда на пороге отчего дома её встретил отец с армейским ремнем в руках. Только сейчас Лили вспомнила о том, что не появлялась дома почти три дня, забыв оповестить родителей, что переночует у подруги. Сейчас этот трюк уже явно бы не прокатил, и она готовилась к худшему.

— Вернулась блудная дочь! — прокричал мистер Янг, схватив Лили за шею, заталкивая в гостиную и закрывая дверь, — Ты была с Шульманом все эти дни, я знаю, маленькая тварь!

Удар кожаным ремнем пришелся точно по рукам, что были поставлены в качестве блока в области головы и лица.

— Папа, ты не прав! — ещё один взмах хлыста, и Лили вскрикнула, получив красную полосу на спине, — Томми в беде! Его отравили! — говорила она, убегая от отца по пятиметровой гостиной, ударяясь ногами об мебель.

— Это его расплата за грехи! — прокричал мистер Янг, размахивая ремнем, — Ты не должна за них платить! Тем более разминивать свою молодость и тело на этого поганого жида!

— Ничего подобного, папа! Я была у врача, — Лили высунула из кармана бумажку, и положила на стол, вновь уворачиваясь от языка ремня, что пролетел в аккурат от её бёдер.

Янг выдохнул, разворачивая лист, читая заключение, пока Лили плюхнулась в кресло.

— Ты хоть знаешь, на кого напоролась? Понимаешь, с кем ты заигралась в любовь? — спросил её отец, возвращая внимание к дочери. Лили сделала неоднозначное лицо, глупое и непонимающее.

— С главой преступной группировки, мать его за ногу! Главой, доченька! К тому же он занимается рэкетом, разбоями и мошенничеством. Производит наркотики, дорогуша.

Лили сделала удивленное лицо, ведь о многом она слышала в первый раз.

— Он утопил своего рабочего в бочке, а как тело стало разлагаться, заставил тех, кто принимал участие в воровстве это пить. Лили вздрогнула, понимая, что еврей вновь обвел её вокруг пальца, закидал красивыми словами о честности и правде. Осознание того, что Шульман — убийца, доходило постепенно.

— И я не позволю тебе ломать свою жизнь с таким типом, как он! — гаркнул отец, — Он убьёт ваших общих детей за непослушание, к бабке не ходи! Разобьёт тебе сердце!

Эти слова вызвали у Лили дрожь, приятную дрожь, от которой ей захотелось поскорее попасть к Томасу, расспросить обо всём и заняться любовью. Она не понимала, что с ней происходит, но тело давало отчетливые и чувственные сигналы. Жалость и совесть тоже играли своё дело, поэтому Лили приняла решение сбежать к еврею рано утром.

— Я помогу Томми, папа, хочешь ты этого или нет, — отец Лили тут же вскочил, а затем и она, вновь накручивая круги по гостиной, получая умелые удары, которые больно саднили нежную кожу.

В конечном итоге она оказалась загнана в угол и отцом, и собственными мыслями, что больше походили на кашу. Мистер Янг нахлестал обезумевшую от любви дочь, пытаясь выбить всю дурь, что посеял Том, а пожинать будет он и Лили.

Насилие порождает злость, неуверенность и опять же насилие. В отместку за краснеющие рубцы Лили собрала вещи и бежала из дома ранним утром, прощаясь с собственной спальней, купающейся в первых лучиках осеннего солнца, последнего солнца перед тьмой.

Она прощалась и с прежней собой, понимая, что пронести частичку радости и детства вряд ли получится через всю жизнь, и где-то она всё-таки потеряется, как ни крути.

Хотелось ли ей уходить к немощному Томасу? И да, и нет. Ею двигала самоотверженность, жалость, привязанность, благодарность, человечность, но увы, никак не любовь, хотя девушка думала иначе, сравнивая себя с Джейн, а Шульмана с Рочестером. Своеобразная аллегория.

Нет, потому что она юна и задорна, а Том вечно хмур и ворчлив, пусть галантен, заботлив и обходителен. Девушка сонными глазами перебирала книжную полку, складывая нужную литературу в сумку, поверх вещей.

Она присела на кровать, сложив голову в руки, пытаясь взбодрить себя, но никак не жалеть.

Особняк Томаса

Лили вошла в спальню, положив сумку на пол, тихо подкрадываясь к кровати, тут же поежившись от холода. Окно, что было открыто вечером она оставила на ночь, забыв прикрыть створки.

Чертыхнувшись на себя и свою бестолковую голову, Лили подошла сначала к окну, а после уже к постели, смотря на съездившегося и по-прежнему крепко спящего на том же боку Томаса. Бледное лицо с теми же отёками, поджатые синеватые губы и ссохшаяся борода. Шульман ровно дышал, продолжая видеть опиумные сны, пока девушка с сожалением поглаживала его по волосам, ощущая пот со лба и висков, на которых вышла первая седина.

«Продрог» — подумала она, поправляя одеяло, ощущая его влажность, стягивая до половины наблюдая огромную двойную лужу на белой простыне, холодную, даже ледяную. Мокрые пижамные штаны и рубаха едва ли не прилипли к мужскому телу, которое зверски дрожало.

Лили с сожалением стала выдергивать простынь, стараясь не разбудить ни Тома, ни его самоуважение и самолюбие, развитое слишком горячо.

К сожалению мужчина проснулся тогда, когда Лили развязывала тонкий шнурок его штанов.

— Даже не думай! — прохрипел он, стараясь разлепить глаза, — Не смей этого делать! Не смей, поняла?

— Томми, ты простынешь спать на мокром, — сказала она, набирая воздуха и терпения.

— Тем лучше! Быстрее отойду к Богу! — прошипел Томас, — Не хватало, чтобы ты мне ещё штаны меняла! Брысь!

Самое худшего в жизни любого британца — быть сконфуженным и жить с этим дальше. Для Тома это самая настоящая трагедия, а не просто смена мокрого белья на сухое. Он никогда не был так слаб, даже после ранения, после никому не нужной войны, как сейчас. Он был заперт в своём безжизненном, но всё ещё крепком теле.

— Томми, это нормальное явление, понимаешь? Чем больше жидкости в тебя входит и выходит, тем быстрее организм избавляется от яда!

Он понимал её слова, понимал, что девушка права, но позволить ей «перепеленать» себя он не мог.

— Я пока ещё Томас Шульман! Ты знаешь, кто я? Я тебе не пупсик, из которого льётся вода, ясно? — прорычал он, вскидывая голову, сжав кривоватые зубы, испепеляя Лили взглядом, — Хочешь поиграть в дочки-матери, иди домой к своим братьям, а меня не трогай! — закончил он, уронив голову на подушки, прикрыв опухшие глаза.

Лили проглотила обиду, рывком переворачивая Тома на живот, ведь три года её учили правилам обращения с нетранспортабельными пациентами. Он от неожиданности лишь промычал, боковым зрением наблюдая как Лили вытаскивает из-под него штаны, обнажая ягодицы: — Я знаю, кто ты. Глава бандитской группировки, рэкетир, убийца... — шипела девушка, стягивая до конца белье, швыряя всё в одну кучу, — Мне продолжать?

Томас кусал губы от беспомощности и безысходности, желая сейчас больше всего встать и схватить Лили, бешено дыша в подушку лицом. Какая теперь была разница, что из себя представлял Томас Шульман? Словно деньги, престиж и всё остальное помогли бы ему встать.

Ближе к девяти Лили принесла ему завтрак, и тот отказался есть, отвернувшись лицом к стене, желая выбить из девичьих рук тарелку, но не имея такой возможности. Мужчина чувствовал себя скверно и униженно, наблюдая за медленно бегущей капельницей. Он вёл себя как капризный ребёнок, но Лили относилась к нему ещё более внимательно и терпеливо.

Под вечер отёк с глаз спал, и Том ужаснулся, только сейчас заметив побитое тело и лицо Лили, которая надевала тонкую кружевную ночнушку, забираясь с книгой к нему в постель.

— Что... Что вчера было? — спросил он, поглаживая взглядом её бедра и руки, исполосованные красными пятнами.

— Отец не хотел меня отпускать. Пришлось принести себя в жертву, — улыбнулась она, поглядывая на Томаса и вновь утыкаясь в книгу.

Мужчина взвыл, сцепив зубы до скрежета, но это всё, что он мог сделать, прикрывая глаза.

— Можно я поживу у тебя?

Том поднял голову, оживился и положительно замотал головой — Тебе всё можно, абсолютно всё!

Девушка отложила книжку и ласково обхватила руками его шею, продолжая целовать пухлые губы, отрываясь чтобы сказать важную новость: — Я прочла, что у тебя есть все шансы на полное восстановление в течение первых двух недель. В медицинской практике были случаи отравления, когда человек принимал минимальную дозу, получал, как и ты, противоядие, и вскоре вставал.

Он поднял глаза. — Ты поможешь мне, ведь так? — с надеждой спросил её Том, ища ответы в её карих, — За это я положу весь мир к твоим ногам, Лилиан.

Глава XIII

Потянулись серые и тяжёлые дни, одолевающие и без того рассеянного и измученного мистера Шульмана. Мужчина полулежал и провожал пустым и равнодушным взглядом девушку, которая с силой массировала его пальцы на ладони, вынуждая того невольно шипеть и материться.

— Лили, убери от меня эту штуку, прошу тебя! — злился Том на круглый и ребристый шарик, который больно колот его нервные окончания, прикусывая почти заросшие густой бородой губы.

Лили на это покачала головой, подавляя смех, думая о том, какой же он всё-таки нетерпеливый, этот Томми, который не понимает, что стал ощущать боль.

Через пару часов массажа и обеда Том подобрел, позволив девушке немного подстричь заросшее лицо.

— Ай! Осторожнее с фасадом! — посетовал Томас, смотря на своё отражение в зеркале, — А то подумают, что у меня лишай! — промямлил он, вновь растягиваясь в ухмылке, — Пах тебе никогда не дам брить!

Лили ловко запустила руку под подушку, нащупывая флакончик с белым кристаллическим порошком, который остался всего на один приём. Она вздохнула, понимая, что допустила ошибку, позволив Томасу привыкнуть к опиуму, который сделал его зависимым. Он стал принимать его уже не для крепкого сна, а во избежание ломки и получения короткого кайфа и эйфории, от которой и порол всякую чепуху.

— Завязывай с этой дрянью! Подумай... — она на секунду отвела взгляд, бегая сложенными губами в трубочку, пытаясь придумать хоть какую-то причину, по которой Томми бы мог завязать, ту, которая могла бы стать весомой, — Например, о будущих детях! Во!

Том втянул шею, скривив серьёзное лицо, нахмурил и без того изогнутые и аккуратные брови, поджав губы.

— Ай, только не ради этих паразитов! — забубнил он, — Они как лобковые вши, один раз подцепишь, потом годами не избавишься! — завёл Томас ворчливую пластину, — Ты на сто пятьдесят процентов плодовитая, как и твой папашка. Как котят по два и три будешь приносить! Я тут свихнусь и сам себе канатики прищепкой пережму! — шутил он, но поймав грозный взгляд Лили, тут же стёр улыбку, опуская брови и уголки губ, — Прости. — извинения звучали скорее как одолжение.

— Извинения приняты!

Так и летели часы, превращаясь в дни. Лили кормила, поила и часами массировала его руки и ноги, поддерживала добрым словом и нежными поцелуями, меняла сухие рубашки и стирала грязные. Она успевала посещать работу, на что Том реагировал возражением, оправдываясь тем, что боится одиночества или вдруг ему приснится кошмар.

Иногда она приводила своих младших братьев, которые жутко раздражали Тома, но он молчал и улыбался, беспокоясь о своих коллекционных машинах, которые мальчики с интересом рассматривали, ломая боковые стекла или выбивая дверцы.

— Легче, поросенок! Это раритет! — брюзжал он, бодая головой одного из мальчиков по имени Джозеф, который с самого начала больше всего сблизился с Томасом больше, чем Питер и Маркус.

Они спали впятером на большой кровати, как безумно большая и не самая счастливая семья. Том это одобрял, но не поощрял, заверяя себя и Лили в том, что дети между ними — это своеобразный повод воздержания до выбранного имени дня «X».

— Так, кто-то из вас обделал кровать, да? — продолжал гундеть он по утрам, — Надеюсь ваш папа богатый, иначе как он возместит мне новый матрас?

Томас засыпал, пока Лили вкладывала свою руку в его, чтобы он среди ночи не потерял её. Она была вынуждена выждать двадцать минут и только потом отправляться куда-либо, сегодня — на танцы, ведь ровно столько Тому нужно было, чтобы подействовала новая доза вещества, и он проникся глубочайшим сном.

Лили смотрела в окно, наблюдая первые крупные снежинки, предвкушая Рождество, яркие огоньки и гирлянды, большую ель в гостиной и трещащий камин. В мгновение мир словно стих и крепкая мужская рука непроизвольно сложилась и крепко сжала ладонь девушки, которая от неожиданности и переполняющего ее счастья вздрогнула. Было ощущение, что Том слышал и видел её мысли, желая разделить этот момент вместе с ней.

Лили радостно поцеловала его в ушко, тихо прошептав:

— Ты сильный, Томми, и обязательно поправишься...

Загуманенный разум Томаса не давал сигналов о том, что тело наконец восстановилось, и он вновь сможет вернуться к полноценной бандитской жизни. Том, даже не проснувшись, вновь перешёл на тихое сопение.

Лили молча ликовала, восхваляя себя и прекрасный современный препарат, достать который было непросто, но у неё и Захария Шмаэля получилось, не без помощи Чарли Остина, конечно. Чувствительность медленно восстанавливается, оставалось только ждать.

— Мы проведём это Рождество вместе... — прошептала она.

Лили выстроила свой розовый мирок, перестав взирать на буйный нрав Томаса, на его лживую и порой подлую сущность, подбиваемую наркотическими веществами, оказаться от которых ему будет очень не просто.

А пока девушка надевала новое шерстяное платье, на ходу расчесывая немного спутанные волосы.

Томас откровенно поехал, да что там, полетел по наклонной вниз, окончательно пересев на опиаты, которые стали его новыми друзьями. Он принимал их два раза в день, как просыпался и перед тем, как уснуть. Доставал губами флакон из-под подушки, прикусывал прорезиненную пломбу и брал столько, сколько было нужно. Вставляло моментально, и Том уже более бодро смотрел на несправедливый мир, продолжая мочиться в постель. К счастью, со временем это прошло. Какие-то две недели стали для него адом на этой земле.

Лили вкладывала в него душу, как в родного сына. Она жутко уставала, порой даже плакала, ложась спать с красными глазами. Забот ей давал не только Том, но ещё и младшие братья, да и пёс Берл. В девять часов она падала, засыпая даже раньше, чем Том, укутавшись в одеяло. Он был и рад пожалеть её, но мог сделать это только словами или деньгами, которые были у неё в свободном доступе. За всё время она купила лишь какое-то дешёвое платье, а больше ничего не взяла.

Том не мог не отметить того, что Лили отлично разбиралась в его бизнесе, давала правильные наказания, зачитывала и подписывала его рукой поставки и закупку, и следила за тем, чтобы всё было под контролем. Не пускала в дом никого, кроме самых приближенных помощников, уверяя всех в том, что у Томаса всего лишь открылась язва, и он должен подлечиться.

Лили посещала работу, помогала рождаться на свет детям, так что за две недели по её рассказам Том насчитал два мальчика и четыре девочки. Один отказник, который принёс Лили много боли и один мертворожденный, от чего она чуть не сошла с ума. Она вскакивала среди ночи и душераздирающе визжала, всхлипывала и дрожала, успокаиваясь только от голоса Тома. Больше он ничего сделать не мог, даже приобнять. Лили сама зарывалась в его грудь и так вновь засыпала, пока он целовал её в голову, вдыхая приятный аромат.

Последний разговор о её работе напряг Томаса, но не сильно, потому что, по большому счёту, ему было уже плевать на всё. «Не хватало мне иметь незаконнорожденного ребенка от какой-то девчонки!» — подумал Том, наблюдая, как Лили изливает душу по поводу беременной официантки в его баре, решившейся на аборт.

«Девяносто пять процентов, что этот приплод не будет моим, потому что я дал гребаный обет безбрачия или что-то в этом роде, прежде чем вернулся с войны, что я не женюсь и не буду иметь больных и слабых детей!» — бормотал себе под нос Том. А какие еще дети могут быть у того, кто страдал желтухой и болезнью почек и вдыхал посылающий газ? Кстати, они попали в засаду вместе с Джонатаном Янгом, и ничего, парень родил за раз ещё троих детей после войны, хотя врачи четко заявили, что этого делать не следует, потомство будет рождаться больным. Но ведь никто не проверял, верно? И все же удушающие вещества давали о себе знать, проявляясь каким-то образом.

За несколько лет своего дембельского загула Том переспал со многими женщинами, но ни одна из них не жаловалась, что беременна или родила. Даже если он делал это пьяным, никогда не происходило ничего, что могло бы привести к чему-то неприятному.

«Если этот ребенок мой, как она может это доказать? И если это всё-таки случилось, я не откажусь от отцовства и, более того, буду принимать косвенное участие в воспитании ребёнка, в отличие от моего отца-недоделка, который всегда бегал по углам, но, черт возьми, только не воспитывал нас!» — Томас тихо выругался.

Тогда Лили откажется от него раз и навсегда и, возможно, застрелит или зарежет его от злости. Ведь получается, что во время их отношений у Томаса появился ребенок, но не от неё. Это как?

Том открыл глаза от раздумий, чувствуя ужасную жажду, пытаясь разбудить девушку, которой не было с ним. Он стиснул зубы и кулаки от гнева и негодования, и они наконец сжались, и Томас почувствовал в них силу. Мужчина попытался подняться на кровати и даже просидел несколько секунд, но потом рухнул прямо на пол.

— Лили!!! — прокричал он с тройной силой, пока не задрезжали стекла, чувствуя, что ее определенно нет дома.

На шум прибежала экономка Биви вместе с двумя помощниками, которые помогли Томасу сесть. Берл весело завилал хвостом, заметив, что его хозяин сидит, а не постоянно лежит на разных сторонах, и стал нежно лизать его злую морду.

Том сунул руку под подушку и вытащил пустой флакончик из-под опиума, сжимая его так, что он лопнул и разбился у него в руках, больно пронзив шершавую кожу. Боль была приятной, хотя бы потому, что он мог чувствовать ее полностью.

— А где Лили? — спросил он у экономки, которая принесла воды, вытирая пот с лица влажной тряпкой.

Женщина виновато опустила голову и рассказала Томасу всю правду, не желая потерять нагретое рабочее место. Он узнал, что девушка пошла танцевать в местный паб со своими подружками. Лили попросила Биви прикрыть ее, если что-нибудь случится, но мисс Янг ещё

не знала что в этом доме ни на кого нельзя положиться.

Том ждал ее до утра, чувствуя, как его тело содрогается от недостатка удовольствия и радости, ощущая тошноту, как будто он умирает, и вокруг никого, черт возьми. Как ужасно быть одному, когда тебе плохо, когда ты чувствуешь панику, боль и тревогу. В такие моменты, будь то боль в животе после большого количества сладостей, как в детстве, или головная боль после алкоголя, или боль в запястье после растяжения, мы всегда хотим чтобы кто-то был рядом с нами. Кто-то, кто выслушает, посочувствует и просто поддержит нас взглядом или словом, независимо от того, сколько нам лет: пять, десять, двадцать пять или сорок.

Том прислушивался к каждому редкому шуму проезжающих машин, следил за вспышками фар и сжимал в руке ее цепочку с крестом, которую, как он утверждал, потерял. Томас заташил дыхание при звуке скрипа лестницы, думая, что дверь откроется и войдет человек, который помог ему подняться, но она не стала дожидаться счастливого конца и куда-то исчезла, чтобы потусоваться. Том услышал шум мотора на улице.

— Том, там Лили и Алекс Остин! — Пробормотал его помощник, исчезая за дверью.

Том был готов взорваться от ярости, потирая костяшки пальцев и глядя на настенные часы, которые показывали половину пятого утра.

Лили вошла в спальню и, заметив, что Томас сидит в постели один, бросилась к нему в объятия, крепко обняла и без разбора поцеловала в лицо.

— С каких это пор ты водишься с моими врагами? — Том отстранил ее от себя, глядя на ее растерянное лицо и широко раскрытые глаза.

— Как узнать кто твои враги, а кто — нет? — язвительно сказала она, слезая с Тома и затягивая свои густые волосы в пучок.

Том опешил, удивляясь, словно это он вернулся под утро. Ещё и гребаная тряска бесила его сильнее и сильнее.

— Эй, дамчока, ты по танцуйкам шляешься, пока я тут один лежу!

Девушка проигнорировала его выпад.

— Какого хера ты с Алексом катаешься, а?

Лили сняла платье, оставаясь в одних тонких чулках и белье, пытаясь отвлечь Томаса.

— Ты ещё и в чулках ушла в такой холод, да? — воскликнул он, ощущая ледяные бёдра под одеялом, проводя наконец по её коже руками.

Лили легла на живот и прикрыла глаза, показав Томасу язычок. Он навалился на женскую спину, прижимая слабое тельце вплотную к постели, выжимая из себя весь свой вес, который не позволил ей даже дёрнуться под ним.

— Томми, ты неподъемный, слезь! — пропищала она, пытаясь скинуть Томаса, но он был тяжёлым, убирая с её ягодиц одеяло. Делать это было весьма как не просто, но он был намерен показать Лили её место и его статус в этом доме.

— Потерпишь! Ты заслужила хорошего наказания за ночные побег! — на всякий случай Томас сохранил каменное выражение лица и продолжил развивать мысль, — А знаешь, это ведь может помочь мне сейчас поставить тебя на место! В старину так и поступали с непослушными и чересчур развязными девицами.

— И как же с ними поступали? — Лили опустила взгляд и прикрыла глаза, выжидая замолчав, пока он не перейдет к делу.

— Пороли розгами.

— Только и всего? Как ты думаешь, я снова пойду танцевать в следующую субботу? —

спросила она, насмешливо поджав губы и положив голову на подушку, подбадривая Томаса.

— Не встречайся с Алексом! Ты только моя!

Лили хохотнула и резко толкнула Томаса на спину, а сама села на него сверху.

— Ах ты, маленькая проказница, Лили! — Сказал Том, проводя рукой по ее ягодицам и бедрам, замечая, что Лили уже съежилась.

— Ты будешь меня слушаться? — спросил он, чувствуя, как его голос становится хриплым от возбуждения, когда он продолжал ласкать её, — Я тебя не расслышал?

Его рука вернулась к ее бедру, и ловко нырнула в трусики. Эти попытки Том готов был продолжать бесконечно.

— Да, Томми! — Лили застонала, стыдливо пряча лицо и глаза, и Том положил руку ей между ног, заставляя девушку стонать чаще, когда она целовала его в ответ.

Лили поспешно расстегнула его рубашку. Томас рванулся вперед, но силы его были слишком малы, он чувствовал сильную слабость во всех частях тела и с болезненным стуком ударился головой о край кровати.

— Черт побери! Разве ты не видишь, что я все еще слаб? — рявкнул Том на Лили, которая смачивала тряпку, как будто это была ее вина. Не говоря ни слова, девушка прижала влажную тряпку к его лбу.

— Прости меня, ладно? — проговорил Том наспех, пытаясь потушить начавшийся пожар в её глазах, чтобы впоследствии он не обжег его, целуя её нежные руки, — Что бы я не делал, как бы не злился, не слушай меня сейчас и не давай ничего из запрещенного, ладно?

Лили покорно кивнула, обеспокоенно смотря точно в его серые глаза.

Постепенно Томас Шульман оклемался, встал на ноги и вернулся к работе, забыв об опиатах, поставив на них жирную точку, и всё благодаря Лили.

Понедельник обещал быть добрым, хотя бы потому что Том смог пойти в бар и снова начать крутить свои, как говорит Лили, мутные схемы. Так или иначе, эти мутные схемы приносили ему заработок, а девушке — красивые тряпки, модные туфли, золотые безделушки, французские книжки, пластинки и прочую молодежную дребедень. Том, ещё немного прихрамывая от перенесенного паралича, вошёл в своё заведение, ощущая знакомый запах. Работницы кухни встретили его с радостью и теплом, словно Том был не только суровый босс, но и частью чего-то большего. Он прошёл вглубь кухни, хватая Дэбби за край передника, уводя за собой на склад, ведя её пустым коридором. Тёмный и самый тихий уголок встретил их прохладой и ароматом подсолнечного масла.

— Почему ничего мне не сказала? — начал Том с порога, прижимая девушку к стене чуть бережнее, чем обычно.

— О чём? — её глаза забегали, как у игрушечных часиков, а на носу вышли капельки пота.

— О своём положении.

— Зачем? — спросила его девушка, начиная играть в детский сад и неприступность.

— Что значит «зачем»? — начал подгорать Том, — У тебя скоро живот до носа дойдёт!

— При чём здесь вы? — поправила она передник, пытаясь втянуть мышцы пресса на вдохе.

— Я не понял...? — откровенно растерялся Том, не зная, как ещё спросить, только бы не прямо. Он никогда не спрашивал женщин о подобном, и к счастью, потому что это было ужасно для такого Шульман.

— Ну мы же с вами того... Вы про это? — засмушалась она, вспоминая нескромные события прошлого.

— Да ты что? Про это, не про то! Давай вокруг да около ходить не будем, ага? — сложил Том руки, смотря ей точно в глаза, ловя смущение, — Так, значит, я уже большой мальчик, а ты — большая девочка. Чего не сказала, что зачела?

— Вы бы меня выгнали, ведь любые связи на работе запрещены.

«Она надо мной издевается или шутит?» — взмолился Том.

— Да, но... — он стал думать, напрягая последние целые извилины, — Я тут главный и мне можно... — Том вновь начал варить головой, пытаясь хоть как-то прояснить ситуацию, — Так, я снова не понял...

Он окончательно впал в ступор, ощущая головную боль, пытаясь прикоснуться к округлившемуся животу ради интереса.

— Кто его отец? — устало спросил Том, сжимая кулаки, готовясь к худшему, а точнее, к беглому отцовству.

— Он покойник, благодаря вам.

Томас сделал шаг назад, потирая руки о края пальто с отвращением, ведь ребёнок не его, а это ещё неприятнее. Головная боль усилилась, рисуя образ недоноска Чарли Остина.

— Тони Нилл? — спросил Томас на авось, развернув свой мысленный список покойников на своём счету, расслабленно выдыхая, поблагодарив его, и желая тому не

перевернуться в гробу.

Девушка опустила взгляд, стыдливо роняя слезы на передник. Том вскинул голову и приоткрыл рот, вдыхая спертый от напряжения воздух.

— Я не хотела. Он сам, — плакала Дэбби, закрыв лицо руками, присев на край полки с маслом, — Не лишайте работы, — взвыла она жалобно.

Том сглотнул: — Что ж ты сразу ко мне не пришла, мм? Я бы его чуть раньше в бочке утопил, да ещё и яйца бы отрезал, да?

Томас стал настолько мягким после болезни, что прижал девушку к себе, зная: как-никак, именно он за неё теперь в ответе, после того, что было пару месяцев назад. Том пообещал ей место в новом общежитии, и надбавку на покупку детских вещей. Его бесила собственная расточительность, но деваться было некуда. «Отработает» — подумал он, минуя холл, намереваясь раздать и там первых звездюлей:

— Так, ты родился евреем, так не умри сраным прохиндеем! — гаркнул Том, заметив как один из рабочих уронил и едва не пролил бочку.

Томас прошёл дальше, тут же попадая в объятия... Чарли?!

— Какого английского недоумка я трахнул, или зачем ты на мне повис, рыбий глаз, так? — спросил он, осматривая Остина, который подавил смех, несколько раз хлопнув его по плечу.

— Живой! — заверил его Чарли, поправив пальто.

— Да, гони шекель!

Том прошёл в свой кабинет, устало присев за стол, вдыхая аромат дорогой мебели, чувствуя себя вновь в своей тарелке. Руки судорожно побежали по бумагам, которые оформляла Лили, пока он был в ауте, подписывая всё своей рукой, подделывая подпись.

— И чего вы на меня вылупились, словно я сдох от холеры, но позвонил в колокольчик из гроба, и вы меня вырыли? — поднял он голову. Присутствующие помощники, Исаак и Чарли продолжали на него смотреть, нервируя тем самым.

— Что? Слишком сильно светится мой нимб? — спросил Том, не понимая, что происходит.

— Русские предложили поставки... — начал было Исаак, но Том его заткнул, вскинув руку, переводя взгляд на Остина, требуя остальных покинуть кабинет.

— Так, ты здесь, наверняка, чтобы назвать меня жидом или предателем? — обратился Том к Чарли, откидываясь в кресле, запрокинув руки за голову, наслаждаясь полнотой действий, — Я эту грязь слушать не желаю, ибо твои рабочие показали себя не с лучшей стороны, да?

Остин кивнул: — Убивать за это и консервировать было необязательно, — кивнул ему Чарли, достав из пачки сигарету, — Достаточно было сообщить мне.

Том скривил лицо, изображая жалость: — Да... И что бы ты сделал, а? — спросил он Остина, — Нашлепал бы его как нехорошего мальчика? Он мою рабочую обрюхатил, ага? Вывел из строя пару рабочих рук! Кто теперь будет заботиться о маленьком крысёныше?

Томас перевёл дыхание, подготавливая свою тираду, складывая руки на столе: — Этот сосунок крал мой алкоголь, хороший алкоголь, так? За моей спиной, как последняя гнида, да! Я бы отрубил ему пальцы, но это не кошерно. Приятный бонус — это урок остальным! — Том забарабанил костяшками по столу, — Ты думаешь, что можешь приходить сюда, дышать моим воздухом, смотреть на моих работниц, оценивать на этот чудесный интерьер, сидеть

на моём стуле и учить меня, как расправляться с крысами? — занял он позицию нападения, поджимая губы от злости.

Чарли потушил сигарету:

— Да, хотя бы потому что я вытащил твоё скупую, алчную и жадную еврейскую задницу из лап смерти от язв, которые пробирают точно до костей, вызывая сепсис.

Том сложил руки на столе, хмуря брови:

— Ой, не ври! — разозлился он, потирая лицо, вновь нервно расчесывая его сверху до низу, — Ты лично достал для меня Панацею?

Остин кивнул, делая глубокую затяжку, вынимая чёрный пистолет, взводя курок и направляя на Томаса, и он на это улыбнулся.

— Я слышал, ты хотел сдохнуть в тот день, когда тебя напичкали ядом, и ты лежал, — указал пальцами Чарли на обитую красной кожей мебель, — вот на этом диване и молил о смерти, пока не пришла «она».

Том с болью посмотрел на мебель, мечтая сжечь её ко всем чертям, робко кивнув головой, опуская взгляд в стол.

— Именно «она» будет главной и единственной причиной, по которой я прошу тебе предательство и не пристрелю как плешивую псину, мистер Шульман, — холодно высказался Остин, продолжая держать на мушке его череп, пока сам Томас безразлично смотрел ровно в дуло, словно ему больше нечего терять.

Тому не было в этот момент неловко, неудобно или стыдно за подставу, скорее немного боязливо, ведь теперь он знал, что такое подыхать. Ощутил на собственной шкуре уже трижды, так сказать.

— Озан, которому ты дал право поиметь себя, объявил заговор против тебя с русскими. Делай выводы Том, и решай уже, на чьей ты стороне, — закончил он, потушив окурок.

— Я всегда сам по себе, поэтому и охрененно зарабатываю, ага? Что касается Ахмета — это только вопрос времени. Не сегодня, так завтра я забью ему стрелу и засажу ствол в глотку и спущу курок можешь быть спокоен.

Том говорил очередной вздор, зная, что до Ахмета просто так не добраться, и помощь Остина ему бы ой как пригодилась. Просить самому — низкое дело.

— Я благодарен тебе за лекарство, да? Ты моя потаенная подростковая мечта прям таки, — съязвил он Чарли, ощущая его стеклянный взгляд, — Ты всё ещё хочешь объединиться? Одна цель, одна любовь там, и вся бандитская романтика, ага?

Остин кивнул.

— Тогда позволь мне, как мозгу нашей группировки самому разработать план по устранению Озана, лады? И это таки бесплатно, и только для тебя, да?

Домой Том вернулся поздно вечером, злой, голодный и уставший, с потрепанными нервами. Лили уехала к родителям, что называется, вернулась в отчий дом, как только он встал на ноги и окреп. Том сел в столовой, набирая номер телефона, слушая гудки, следя за тем, как Биви несёт ему ужин.

— Томми? — спросил родной ему голос, без которого дома стало так пусто, скучно и тихо.

— Привет, малышка, — начал Том, словно это их первый телефонный разговор, а не сто первый по счету, — Я дома и соскучился. Может, я попрошу своего водителя приехать за тобой, и переночуешь у меня? — спросил он нагло, чувствуя волнение в охрипшем голосе.

— Я уже в постели, милый.

Том не унимался, рисуя в воображении пошлые образы: — Тогда может я к тебе? Хочу тебя, в общем, — ляпнул он не подумав, чувствуя железный стояк в тесных брюках, слушая её звонкий смех.

— Томми, ты обнаглел?! — хохотала она, вынуждая еврея как идиота сидеть над ужином и улыбаться, — Я думала, мы друзья...? — издевалась она.

— Я тебе дам друзья! И не мечтай! Ну так что? Я приеду? — его голос был настойчив.

Лили снова посмеялась, а после на полном серьёзе сказала: — Я уже правда легла. Спокойной ночи.

Короткие гудки, и Том не успел сказать, что целует её и обнимает крепко-крепко. Непонятно сколько Лили ещё собиралась проверять Томаса, перепроверять и когда уже начнёт ему доверять? Том знал, что билеты во Францию и Рождество в Париже точно растопят её неприступное сердце.

Всю ночь Том ворочался, крутился и вскакивал, ощупывая другую половину постели, холодную и пустую. Он уже затосковал и под утро стал обдумывать предстоящий день, как сцапать Ахмета и дать ему ответную трёпку. А уже после добратся до Ольги и вынести ей мозги с помощью пистолета. Что было бы, если он сейчас лежал бы в гробу второй месяц, а его труп медленно разлагался. Кому достались бы деньги, бары и аптеки, весь бизнес и сама Лили?

Во время обеда Том подъехал к больничному комплексу.

— Попади в ад за то, что твоя жена или подруга ходит неудовлетворенной и бросается на всех. Значит, Лили сегодня точно на смене, — пролепетал Томас осмотревшись, пролетая на первый этаж, осматривая пустые коридоры, слушая только дребезг телефона. Он прошёл ещё несколько метров и коротко постучав, открыл дверь кабинета, напугав Лили, что скинула ноги со стола, поправляя белый халатик.

— Томми! — пискнула она, покраснев и растерявшись, — Я думала, начальство!

Он улыбнулся:

— Я и есть твоё начальство, да. Выше. Стоящий. Орган, — процедил он, ухмыляясь, испепеляя её похотливым взглядом, думая о том, что секса с девушкой в белом халате и чепчике у него ещё не было, а тем более в акушерском кабинете, да ещё и с любимой, — Так, — задумался Том, — Ты чего тут делала, а?

Лили смугилась, облизнув нижнюю губу: — Работала. Ноги отекли, вот и закинула на стол.

Том прошипел, осматривая кресло, указывая пальцем точно на него: — Может тебе сесть туда, отёк быстрее спадёт... — мужчина получил удар по плечу, усмехаясь.

Лили не посмеялась, действительно устав за полдня на ногах.

— Я тут пришёл вот с чем, да, — начал он, — Может на каникулы во Францию, м? Отдохнем, накупим тебе твоих любимых книжек, пластинок, а? «Может дельце какое проверну» — договорил он про себя, всматриваясь в счастливые карие глаза, — Короче, пакуй чемодан и красивые платья.

Лили радостно захлопала в ладоши, запрыгивая к нему на колени.

— До Рождества пять дней...

Том поднял на неё глаза, Лили рассмеялась, по-детски и безумно, целуя его в пересохшие и замершие губы. Она попыталась отстраниться, но мужчина ей не дал, запуская бесстыжий язык в нежный ротик и такие же руки под её халат. Лили вздохнула, ловя под тканью грубые пальцы, пытаюсь остановить, но Томас не поддался, зарываясь выше и выше.

Его поцелуи стали более напористыми и страстными, и Лили на них отвечала, жадно кусая его нижнюю губу, позволяя трогать её там, где Томасу и хотелось бы больше всего. Она встала на ноги, позволяя ему расстегнуть халатик и швырнуть его на пол.

— Не холодно? — спросил он рывком усадив её на край кресла, беспокоясь о том, как её голые ножки коснутся железных вставок, наблюдая масляным взглядом.

Том расстегнул и стянул с неё блузку, потом юбку и колготки, заботливо подстилая под бедра девушки её халат.

— Так, тёплые значит, да? Это хорошо... — проскрипел он, ощупывая ткань колготок.

В следующее мгновение он встал над ней, целуя гладкие ножки, ведя к икрам, заканчивая путь на бёдрах, вдыхая запах её тела, который сводил с ума на раз.

Том всё ещё был полностью одет, рассчитывая на то, что они просто «потискаются», снимая только пиджак, оставив рубашку и брюки. Его пухлые губы скользнули к её животу, оставляя нежные поцелуи, пока руки рывком расстегивали тугой бюстгальтер чёрного цвета. Лили явно не готовилась, и всё пошло своим чередом.

Они страстно и бешено целовались, жадно, ненасытно. Том уть ли не лизал ей лицо, как Берл после долгой разлуки, в этот раз им мало было губ. Он снял рубашку, майку, оставив только брюки, позволяя Лили вновь рассматривать его торс, запускать пальцы в волосы, обводить татуировку на груди губами. Она посасывала её, спрашивая в сотый раз, зачем он сделал её, и шепча, как она ей не нравится.

Лили возбуждалась все больше от его мускул, пресса и тяжелых сильных рук, которые давно уже ласкали её грудь, гладили живот и бедра, скользили по спине, собирая мурашки и дрожь. Том бережно уложил её на спинку кресла и медленно стянул трусики. Они были насквозь мокрые, и сок от них тянулся тонкой ниточкой.

— Так... — прохрипел Том, теряя от возбуждения мысли и голос, — В первый раз вижу, чтобы так мокли, — на полном серьёзе сказал он и спустил брюки вместе с бельём, обнажив сильное и мужественное тело.

Лили никогда не смотрела на Томаса так, как сейчас, изучая его более свободно. Том снова наклонился, держась на расстоянии, целуя ее щеки, шею, скулы и грудь, заставляя ее выгнуть спину и схватить его за плечо.

— Ты ведь не закрыла дверь, правда, Лили? — спросил Том, роясь в бумагах на столе в поисках ключа и расхаживая без штанов, как будто он у себя дома.

Он быстро провернул ключ в замке, оставив его там, и вернулся к девушке, которая гладила себя руками. Том шумно выдохнул через нос, потирая бороду, наблюдая за происходящим расширенными зрачками, что-то шепча себе под нос на иврите. Его сильные руки были прижаты к бокам, отражая все бицепсы и трицепсы, которые выступали от напряжения.

— Не прекращай этого... — сказал он, подойдя к раковине и открыв кран с проточной водой, произнеся полупшепотом молитву, а затем вернулся к креслу и Лили, которая откровенно смотрела на него.

Томас молча ждал последнего отказа, которого так и не последовало.

— Я люблю тебя, и ты это знаешь, не так ли?

Лили кивнула, беспокойно держась за его предплечье, когда получила еще один поцелуй, любопытствуя о том, что происходит внизу.

— Мы ведь собираемся пожениться, правда, Томми?

И без того напряженный момент был подпитан вопросом, который еще больше смутил

еврея.

— Да, конечно... Да... — повторил он, одним взглядом отменяя последние сомнения Лили, опуская ее на спину и продолжая целовать в розовые губы.

Лили улыбнулась, снова подняв глаза, но Том остановил ее, прижавшись губами к ее шее и прошептал на ухо: — Не оглядывайся назад и просто доверься мне.

Он недолго думая вошел бы внезапно, если бы с ним была другая женщина, но со своей любимой Лили он двигался медленно, лениво и неторопливо, успокаивая дрожащую девушку поцелуями, почти бормоча что-то на иврите без умолку. Лили застонала и почти закричала, но мужчина накрыл ее рот своим.

— Поцелуй меня, милая, ладно?

Лили почувствовала толчок внутри, странное удовольствие от боли, когда Том оказался в ней полностью, пока губы его не покидали её ни на секунду, держа одну из ее рук, сжимая для поддержки, переплетая пальцы.

— Томми, я думаю, что больше не могу, — всхлипнула она, чувствуя усталость от неприятного напряжения и болезненного давления, отстраняясь.

Том улыбнулся и отошел, освобождая девушку, которая напряглась и сжалась, отчего ей стало еще хуже.

— И чем больше ты нервничаешь, тем больше съезживаешься и тем тяжелее становится, верно? Мы все равно покончим с этим, — сказал он, следуя всем правилам Торы, и даже сейчас.

Лили чуть не заплакала от злости и разочарования, чувствуя себя использованной, не зная, что скоро будет благодарить его за это.

Томас опустился еще ниже, изо всех сил стараясь вызвать слезы счастья на ее глазах, когда его губы коснулись Лили чуть ниже, а пальцы сжали ее грудь и бедра.

Девушка откинулась назад, совершенно забыв, где находится, чувствуя только язык Тома, рисуемый узоры прямо там, и больше не было боли, только это горячее ощущение снизу.

Том вошел снова, не давая Лили ощутить полное удовольствие от языка, доставляя его уже своими движениями. Лили потеряла всякое чувство времени и пространства, тихо шепча его имя, глядя прямо в глаза, которые смотрели на нее, серые и бездонные, с опущенными веками и расслабленным лицом. Толчки были быстрыми, медленными и резкими, как будто мужчина пытался вытрясти из нее душу, и через мгновение Лили забилась в конвульсиях, ударяя Томаса бедрами, которые дико тряслись в такт ее сердцу, и стон, улыбка и крик сорвались с ее губ одновременно. Том наклонился и продолжал нежно гладить ее, подергиваясь от внутренней пульсации и невыносимого напряжения, собирая слезы с ее карих глаз.

— Я с тобой навсегда, — сказал он не своим голосом, целуя уголки ее губ.

Лили теряла время, отдаваясь Томасу Шульману без тени сожаления, устало выдыхая и наблюдая, как горячая и влажная плоть скользит внутрь, скользит по гладкому лобку, растекается по животу и груди, оставляя белесый след и тепло, а тихое шипение и приглушенные стоны его эхом отдаются в ее шее.

Десять минут спустя Лили попыталась сесть, но Томас не позволил ей, поэтому он поднял ее и усадил на себя.

— Давай одеваться, больные скоро придут! — воскликнула Лили, но Том покачал головой и крепко обнял ее.

— Неее, — промычал он, — Порядочный еврей всегда проводит со своей возлюбленной ровно полчаса, чтобы показать свою искреннюю любовь и уважение.

Лили улыбнулась: — Может ещё отверстия в простынях сделаем?

Двадцать минут спустя Том поднимал с пола брюки, натягивая наспех брюки. Лили поправляла блузу, огорченно запищав:

— Блин, мой халат, Томми!

Небольшое кроваво-жёлтое пятно просвечивалось с двух сторон, на что еврей заулыбался:

— Дайка его мне, я на память оставляю и в день нашей свадьбы на крышу дома повешу, как флаг! — пошутил он, получая от Лили легкий удар в плечо, пытаясь перетянуть ткань.

Тут он, наконец, вспомнил, зачем пришёл.

— Солнце, я тут вот что хотел узнать... — начал он, интересуясь женщиной Ахмета Озана, выпрашивая у Лили её личную карту.

— Нет, Томми! Карту дать не могу!

— Ну хоть адрес и номер на бумажке мне напиши, и я исчезну с глаз долой!

Девушка нацарапала адрес, параллельно рассказывая о том, что подружка Ахмета чистая итальянка, приехала с Сицилии. Замуж за него не планирует, но беременеет стабильно каждые полгода. Видит в нем выгоду и хорошее положение в обществе, как и большинство подруг или жён таких, как он или Томас Шульман.

— А тебе зачем? — спросила с ревностью Лили.

— Хочу сделать Ахмету сюрприз!

По дороге на встречу с людьми Остина Томас уснул, ощутив слабость и удовлетворение, которого у еврея не было ещё никогда, даже ноги волочить было необычайно сложно. Он перетрахался сотни раз, но чтобы так, что тело чуть не взорвалось от напряжения ещё не было. Лили оказалась действительно нетронутой и маленькой лилией, которую он и сорвал как-то неожиданно, спонтанно, и все остались довольны. Но билеты в Париж Том не сдал, и на всякий случай перепроверил бронь.

Он подъехал и нехотя вылез из машины как увалень, ватными лапами входя в паб, где сидела почти вся компания: сам Чарли Остин и его сводный брат Эндрю, Макс Миллер, Шон Эванс, и кузен Чарли — Алекс Остин, которого Томас лично ненавидел за его любезности с Лили. Видимо, вид его выдавал сполна как вселенского девственника, и сварливые бабки заготовали, а может, еврею просто показалось, что мир крутится лишь вокруг него и Лили Янг.

— Извини, Томми, что оторвали тебя от «дел». Выглядишь так, словно только что с тёлки слез... — прогорланил Шон, вызывая смех у всех, в том числе и у Тома.

— Ага, оно самое... — протянул он, присаживаясь за стол, вытирая со лба пот, — А вы злые как кобели, которые никогда и не нюхали суку. Ну да ладно. Перейдём к делу.

Томас рассказал мужчинам всё, что узнал у Лили о любовнице Ахмета, кто такая, чем живёт и дышит. Раскидал по пунктам план, который был слишком прост.

— Поставим за потаскухой Озана слежку, пару дней и дело в шляпе, так?

— Ты думаешь, верняк? — спросил Алекс, вмешиваясь и стреляя своими до жути раскосыми глазами, — Я про подружку.

Том закатил глаза:

— Да, Ахмет-чистокровный турок, а его подружка-сицилийка, а не просто местная отребье. Чистокровной турчанке никогда не разрешат никуда ходить в шикарном наряде, у

них есть вера, стократная вера в ислам. Видимо, он должен жить с турчанкой, а здесь — роман с итальянкой. Исключение, в конце концов!

Том вспомнил эту кралю в ресторане, по себе зная, что авось кого ни он, ни Остин, ни Озан, ни другие типы, вроде него, с собой не таскают. Оставалось только воплотить в жизнь этот план, который обычно никогда не срабатывал.

Спустя два дня

Томас сидел в машине, разжевывая с аппетитом мармелад, пребывая в чудеснейшем настроении. На это причин было несколько: первая — это Лили, от которой душа его пела и ликовала, гоня оживших бабочке в животе; вторая — отличная прибыль, которая перла к нему со всех щелей, благодаря отличной стратегии Лили, что практически руководила его бизнесом долгих восемь недель.

Должники, узнав, что Том вернулся в мир живых, вернули всё до последнего фунта, ещё и с процентами за крышевание гнилых и законченных заведений; в третьих — план, разработанный евреем шёл как по маслу, даже чересчур удачно, оставив на десерт последний этап, ради которого он и Остин со своими людьми сидели в машине.

Том чавкал от удовольствия, раздражая этим остальных, делая это нарочно.

— Ты уверен, что его женщина живёт здесь? — осторожно спросил Чарли, поглядывая на счастливого Томаса.

— Ага. У меня надёжный информатор, — ответил мужчина, засовывая в рот очередную дольку, — Тоже хочешь? — спросил он англичанина, поймав его взгляд.

— Подставляешь под удар информатора, это на тебя не похоже, Том. Кажется, ты не вкуливаешь, что творишь.

Том нехотя повернулся: — Я же тебя, Чарли — мудозвон, порву сейчас прям тут! Мой информатор вне подозрений!

Мужчина продолжил смотреть в окно, возвратив мысли к Лили, что сейчас сидела в полной безопасности у него дома, пробуя написать свою первую научную работу.

Через полтора часа Озан появился в окружении двоих людей, устремляясь в двухэтажный квартирный дом, осторожно осматриваясь по сторонам. Том и братья Остин приспустились на сиденьях, исчезая за дверцами и изгородью. Машина, да и номера не вызвали у турка подозрений, поэтому он, поправив свой дорожный шерстяной костюм, скользнул внутрь.

— Так, значит рыбку мы на удочку взяли... — прохрипел Том, — Ну что, через десять минут идем? — подмигнул он Остину, но тот не среагировал, напряженно поглядывая из окна машины.

Том вынул из кармана пальто пистолет, проверив магазин, не желая допустить осечку в случае несговорчивости Озана. Томас и мог бы простить ему предательство, но только не двойное — обман, да ещё и отравление, которое чуть не стоило ему жизни. Пустое покушение — это перебор. Озан действовал исподтишка и прикрылся чужой юбкой — позор.

Выждав ровно тридцать минут, трое людей Остина вошли первыми в скромный подъездный пролёт, поднимаясь на второй этаж, проникая в нужные апартаменты, безжалостно решая охрану и в прямом смысле слова вытаскивая полугололого и щуплого Ахмета из кровати, надевая на голову визжащей девушки и ему самому мешок, который заботливо подготовил Томми, наблюдая за всем этим из дверного порога, как и братья.

— Таки-готов... — пробормотал Томас.

Через час Озан сидел на стуле в подвале паба, испуганно крутя головой в разные стороны, издавая душеспительные вопли, которые, к сожалению, совсем никого не

трогали. Том сорвал с него мешок, и ударил Ахмета так, что тот упал вместе с железным стулом, выплевывая сгусток слюны, крови и осколки зубов.

— Томас, легче, еб твою мать! — прорычал Шон.

— Я нечаянно, да? Пардон! — скривил лицо в сожалений Шульман, — Это я еб твою мать, а ты получил младшую сестру — мою внебрачную дочь! — съязвил он, продолжая смотреть на Озана, что медленно пришёл в себя после удара.

— Ты же сдохнешь, жид паршивый! Я ж тебя вместо козы по Стамбулу пушу! — Томас замахнулся, но Чарли Остин оттолкнул его в сторону, желая поговорить с Озаном прежде, чем Том нечаянно убьёт его.

— Может, перейдём к делам? — нервничал Алекс.

— Само собой, малыш, — отчеканил Том, роясь на небольшом столике, рассматривая огромные справочники и книги, выбирая самый тяжёлый, взвешивая в руках, — Так, значит, справочник Лондона — то, что надо. Килограмм или два точно! — заметил он, валяя дурака, подходя к турку и жёсткого ударяя того несколько раз справочником по лицу и голове.

— Зачем. Ты. Сраный. Турок. Вошёл. В стовор. С русскими. Против. Меня, — стучал по тёмным волосам Озана еврей, прилагая небольшую силу, намереваясь добиться не столько информации, сколько сотрясения головного мозга, — Я. Же. Тебе. Сука. До-ве-рял!

Том отшвырнул справочник, и тот разлетелся на листы по всему полу. Мужчина устало встал напротив сидящего на стуле Озана, налаживая зрительный контакт:

— Есть такая вещь — доверие, и ты свой лимит исчерпал, дружок. За моральный ущерб я вычту с тебя, ну скажем, — Том развёл руками в воздухе, обдумывая сумму, — Две тысячи фунтов.

— Продешевился, Томми? — спросил его турок.

— Так, значит, заткнись и слушай, да? Мотай на свой девственный усик, — ухватился за бороду Ахмета Томас, дёргая несколько раз, — Значит, ещё две за отравление меня ядом, и ещё тысячу на новую кровать, которую я проссал за два долгих месяца, и ещё тысячу за моё потраченное на тебя время. Итого, — Том поправил воображаемые очки, — Шесть тысяч фунтов в срок, ну... — Том снова зажестикублировал, — До пятницы, ага?

Ахмет расхохотался: — У тебя проблемы с математикой и инстинктом самосохранения ещё со школы! Я, мать твою, мафия! Ходячая мафия!

Том натянуто улыбнулся, обращившись к Алексу — Эй, ты, подай мне вон ту книжку!

Алекс нехотя уставился на полку — Какой том?

Томас сощурил глаза, пытаясь рассмотреть стенд и книги:

— Так, четвёртый, он потолще... — заверил он мальчика, — Ага, всё, благодарю... — выхватил он книгу, беспорядочно избивая Озана. Братья в ответ лишь глупо улыбались, наблюдая за методом Томаса.

— Это вы ещё все «Сто двадцать дней Содома» Маркиза де Сада не читали, мать вашу! — ответил на улыбки Шульман, хватая Ахмета за шею, осматривая разбитое в дребезги лицо, — Так, мистер Озан готов подписать бумаги! — гаркнул своим людям, требуя таким образом подать договора, — Какой вы стоворчивый! — потрепал его за нос мужчина.

Помощник Томас подал бумаги к носу турка, чтобы тот нацарапал подпись хоть как-то. Мужчина нехотя взял ручку, а Том вынул пистолет, взводя приятный звук затвора, наводя точно в голову. Ахмет заулыбался кровавой улыбкой, отрицательно мотая головой.

— Чего ты лыбишься, а? Я ж те лыбу твою на раз перешибу нахер! — разозлился Шульман, — Подписывай, — схватил он его за глотку, сжимая пальцы, — Подписывай, сука!

Озан едва слышно прохрипел: — Нееет...

Том нехотя встал на ноги, немного размял шею.

— Чарли, может разденем этого ублюдка и поставим возле стены часиков так на двенадцать, а?

У Томаса чесались руки, в ожидании сладкой и жестокой мести.

— Не стоит, мистер Озан послушный человек и всё подпишет, не так ли?

Мужчина не двинулся, стараясь даже не моргать в знак согласия.

— Предлагаю поступить по-моему, затем отдать каким-нибудь ребятам на растерзание его светлый зад, а? Сделать пару снимков и разослать по Турции и Англии?

Ахмет дёрнулся, и Исаак тут же подставил бумаги и ручку, собирая наконец-то подписи сразу в трёх экземплярах.

— Прелесть! — улыбнулся Том, ударяя Озана так, что тот стукнулся головой об стол, крепко потеряв сознание.

— Томми! — заорали одновременно все присутствующие.

— Ну, простите! Согрешил!

Конец декабря

Париж, Франция

Легкий снежок припорошил новый двухэтажный дом в викторианском стиле с широкими колоннами и элементами французского декора. Милые башенки со спрятанными внутри спальнями и просторная лоджия между ними.

Этот дом подходил, скорее, для летних вечеров и жарких деньков возле небольшого пруда, чем для Рождественского настроения. Яркие гирлянды из бумаги украшали гостиную, в которой трещал и разгорался камин, согревая своим теплом и озаряя светом.

Томас сидел в кресле, нежно мурлыкая под нежные прикосновения женских рук, которые творили с его причёской, на первый взгляд, нечто чудовищное. Лили расселась на его бёдрах, ухахатываясь над причудами и смешной гримасой мужчины.

— В этом доме такое количество спален, бесконечно большая гостиная, даже есть гараж, ты видел? — мечтательно проговорила Лили, обводя рукой жилое помещение.

Конечно, Том видел, ведь это он выбирал проект дома, прежде чем начать застройку.

— Да, супружеская спальня самая большая... — проворковал он, продолжая всматриваться в пламя камина, — Хочешь покажу?

Лили улыбнулась над аферой Томаса, но противиться не стала, приговаривая полупшепотом:

— Я думала, нам сегодня будет нужна только спальня, а не вот это всё великолепие, — прыснула она, держа за руку Тома, что повёл её наверх по извилистой и крутой лестнице, получая в ответ пронырливый взгляд.

— Само собой только спальня, — проговорил еврей, открывая дверь, — Однако мы приехали посмотреть и Париж, как бы заодно, ага? — подмигнул он ей.

Лили вновь улыбнулась и замерла, не только от чудесного вида из огромной лоджии, в которую выходила комната, но и от самых нежных поцелуев Томаса, что положил голову ей на плечо, наслаждаясь зимним пейзажем.

— Мы завтра там погуляем? — спросила его Лили, указывая пальцем на мерцающую в первых сумерках Сочельника Эйфелеву Башню.

— Угу, — протянул Том, покрывая поцелуем девичье плечико, не обращая внимания на

всю красоту местности, увлеченный только красотой любимой женщины.

Лили с удовольствием рассматривала неглубокий, покрытый тонкой плёнкой льда пруд с маленькими трещинками и затонами, через который проходил хлипкий бревенчатый мостик, откуда молодые пары сбрасывали монеты, чтобы обязательно вернуться и конечно же вместе. Промерзшие деревья покрылись инеем, склонив некогда упругие ветки, загораживая свет и без того блеклого фонаря.

У Лили перехватывало дыхание от чудесной сказочной обстановки, о которой она никогда не знала, но мечтала как будто с самого детства, загадывая на каждое Рождество. Уют, тепло и крохотное ощущение счастья поселились в её сердце в этот момент, разрываясь неизвестной и невообразимой ностальгией. Она сливалась с обстановкой, с громадной и украшенной елью в их гостиной, с запахом свежего дерева и ароматом фруктового пирога. Каждая игрушка, конфета или пастилка на праздничном дереве отдавалась ярким блеском и новым приятным запахом, смешиваясь с горячим глинтвейном и имбирными пряниками, которых так мало давали в детстве из-за большого количества детей и отсутствия отца дома.

Лили провела много Рождественских каникул, но таких у неё не было никогда. Здесь её место, где она хочет остаться навсегда и вот так стоять спиной к любимому мужчине, чувствовать его губы и руки, растворяясь без остатка бесконечно, забыв о криминальном мире, работе и прочих мирских трудностях. Вдали, в самом сердце города, стали разгораться огни, и всё вокруг оживало, предвкушая главный праздник, который с нетерпением и трепетом ждала и Лили.

Мужчина прервал её размышления, проводив девушку в глубь комнаты, закрыв ставни лоджии, почувствовав её холодные ручки. Том обеспокоенно посмотрел в карие пронзительные глаза, ища какие-то нотки волнения или тревоги, представляя, о чем же она могла так задуматься.

— Всё хорошо, а? — спросил её Том, легонько прищелкнув острый носик, обращая внимание на себя.

— А, да... Да, всё чудесно.

Лили задумалась над тем, как было бы чудесно проводить в этом доме время с семьёй, но только не в той, где она выросла, а где будут расти её с Томасом дети. Но, зная нрав Томаса, да и его отношение к детям, можно было признаться себе — это невозможно. Даже если она захочет, Шульман ей просто не позволит испортить его холостяцкую и интересную, а главное — насыщенную деньгами, престижем и развратом жизнь какими-то, как выражался сам он, орущими, эгоистичными и жестокими червяками.

Том поцеловал её в розовые губы, собирая с них последние сомнения и пустые, негативные думы, которые, возможно, были слишком поспешны. Все проносилось как в тумане, и Лили опустила на край небольшого диванчика для двоих рядом со стеклянным столиком, на котором красовались различные фрукты.

Томас облизнул губы и, учтиво хмыкнув, сел рядом с ней. В ушах девушки зазвенело, а в голове бился как птичка только один вопрос: «Что со мной?», ведь пару дней назад она сгорала от нетерпения, считая дни до отъезда в Париж, а после часы до прибытия в этот дом.

Лили почувствовала руку Тома на своей коленке и, задрожав, быстро взобралась на спинку дивана, как это было в их первую ночь в гостинице, когда она действительно испугалась торопливого еврея. Но сейчас от этого момента их разделяло семь долгих месяцев, они узнали друг друга, притерлись, даже пожили вместе, поскандалили и даже занимались любовью.

Лили смотрела на него сверху вниз, наблюдая, как он молча целует её колени, опускаясь всё ниже и ниже, целуя и ноги. Том тихонько и неторопливо снял с неё колготки, откинул в сторону, ближе к кровати.

— От тебя всегда пахнет каким-то сладким запахом, — пожал он плечами, льстиво улыбаясь, продолжая целовать её ноги, прикусывая и пощипывая мягкую и гладкую кожу.

Лили посмеялась от щекотки, и Том вскинул заполненные похотью глаза, положив руки на девичьи бедра, жадно целуя ноги выше колен. Лили сжалась, слегка отстраняясь, норovia упасть назад, но еврей её удержал, вцепившись в ноги намертво.

— Аккуратно, — буркнул он, стягивая с Лили кружевную шифоновую юбочку, которая спорхнула на диван, а затем отлетела в сторону.

Лили приподнялась с дивана, позволяя ему спустить с неё трусики, помогая переступить через них и не споткнуться о собственное белье. Том вновь стал целовать её ноги, от щиколоток, поднимаясь выше. Лили испуганно и замороженно смотрела на него, сидя на спинке дивана. Мужчина оторвался от поцелуев и посмотрел на неё очень нежным взглядом, встав на колени на диване, проведя рукой по девичьему животу.

Лили ахнула, ощущая прохладную руку под ткань рубашки, снимая её, заметив как взгляд Томаса уперся в красивую и молодую грудь, пока он чувственно целовал её в живот. Лили улыбнулась, поглаживая каштановые волосы, вновь переходя на смех от щекотки. Томас непроизвольно улыбнулся в ответ, беря в рот упругую грудь, ласково посасывая каждую поочередно. Лили застонала и задрожала, ловя приятные ощущения от его губ. Девушка обхватила его голову руками, прижимая к груди сильнее, учащая собственное дыхание, извиваясь и теряясь в стогах. Том словно получил добро и стал в ответ сильнее посасывать, оттягивая юную плоть до боли. Лили развела ноги и Том оказался между них, зарываясь ей в шею.

— Ты провела ритуальное омовение, дорогая, так как я наказал тебе? — спросил он севшим голосом.

Лили вместо ответа обняла его, и Том вернулся к груди, сжимая её руками. Девушка смотрела на его лицо, изучая снова и снова светло-каштановую бороду, мелкие морщинки и шрамы. Мужчина взял её на руки, опрокидывая на кровать. Томас с интересом и желанием просматривал на короткие отросшие волоски, проводя по ним пальцем.

— Что, отец вlepил за его лезвие, да? — пошутил он, но получив надутые губки, тут же извинился, заметив, как Лили положила светлую руку на лобок, закрывая обзор.

Том взял её запястье и, несколько раз чмокнув, убрал в сторону, наклоняясь чтобы поцеловать её там, где была та самая ладонь, пока крепкие и сильные руки желанно сжимали бедра. Пухлые губы Тома отправились ниже, но Лили неуклюже подняла его за лоб, смущённо поглаживая его висок, побаиваясь смотреть точно в глаза.

— Настолько неприятно? — спросил он, сделав круглые и огорченные глаза.

— Ты просто колешься, очень, — завершила его Лили, — Пора подстричь твою бороду.

— Ты тоже, — сморозил Том, тут же рассмеявшись, обнажая зубы, которые было плохо видно из-за густой растительности, прищуривая темно-серый и вожденный взгляд.

Лили обиженно отстранилась, ругая себя за то, что не смогла вновь побриться, хотя бы лезвием отца. Том улыбнулся и припал губами к её груди, его язык ласкал твердый и набухший от возбуждения сосок, вымаливая прощение за глупую шутку.

Томас облизнул средний палец, который через секунду трепетно блуждал в нужной проекции, смотря точно в глаза Лили, делая всё наощупь и весьма умело, что немного

кольнуло Лили.

— Много у тебя их было? — спросила девушка, отрывая Томаса от дела, что тут же отвёл глаза.

— Нее, несколько. Забудь сейчас об этом, — огрызнулся он, собирая с губ своими губами стон. Конечно их было множество, но зачем при жизни Томас будет копать себе могилу?

Лили проглотила обиду, не сумев не заметить, как Том поменялся с за это время, думая о том, как он стал относиться к ней, начиная потихоньку жалеть о случившемся. Ещё мгновение, и если бы он не стёр ухмылку, то она ушла бы из спальни прочь, но желание посмотреть Париж оказалось сильнее, да и мозг тут же вспомнил картину с утоплением и порывистый характер еврея, которому ничего не стоило в любой момент купить билеты в Лондон и упаковать ее как багаж.

— Ты кровь с молоком, — заметил Том, вскакивая с постели и направляясь в ванну, открывая кран, совершая привычное омовение, бормоча себе под нос несвязную молитву. Томас широким шагом и привычной развалистой походкой вышел из уборной, оставив всю одежду где-то там. Массивная грудь, та самая татуировка в виде флага Британии и густая растительность, бегущая к едва заметному, но твёрдому прессу, останавливаясь на ухоженном паху. Поджарые руки стали опорой, в то время как Том зацеловал заждавшуюся Лили, ощущая, как она сжала его прядь волос.

— Лили, всё хорошо? — прервался он.

— Томми, ты правда меня любишь? — неуверенно спросила она, смотря ему в глаза.

— Таки-да, у тебя не должно быть сомнений, поняла? Ты уже часть меня, ровно половина, мой смысл.

Лили улыбнулась в ответ Томасу, который несколько раз прошептал заезженную фразу: «Люблю тебя безумно», продолжая двигаться, возвращая нужный темп.

— Какая же ты всё-таки маленькая похотливая сучка!

Лили стало неприятно и немного не по себе от его развязности, но она промолчала, окончательно растеряв попытки получить удовольствие, думая о том, как мастерски Том может всё испортить, раскрывая не вовремя рот и прыскавая своей желчью постоянно.

Лили лежала на груди Томаса, играясь с его левой рукой, сжимая и разжимая пальцы одновременно, напевая какую-то Рождественскую песенку себе под нос. Евреи априори не празднуют это событие, но ради неё Том был готов пойти на всё, даже на измену общине.

— Ты не получила удовлетворения... — заверил он Лили, что удивлённо подняла голову, думая, что Томас не заметит этот щекотливый факт.

Главное предназначение еврейского мужчины в постельных делах с женщиной — это доставить удовольствие, а уже потом ловить кайф самому.

— Ну, ведь это необязательно... — прошептала Лили, очаровательно покраснев.

— Как, дорогая? Кто тебе такое сказал? — Том нахмурился, — Это удовольствие для двоих, не только для мужчины.

— Просто... — девушка покраснела ещё больше, — Я слышала много нехорошего от своих братьев, когда они водили домой девок, которые после сбегали едва ли не в слезах. Так что я просто рада, что ты нежен со мной, и не бросаешь меня, — затараторила она.

Том вскинул брови и посмотрел на неё не зная, что на неё нашло. Сколько раз он выгонял девок со своего дивана из кабинета, используя их, и ни секунды не думал о том, как там они себя чувствуют? Понравилось или не понравилось Томасу было, что называется,

до лампы. Может, им было больно до чертиков и, в целом, неприятно. Том на это плевал с большой колокольни, как и её братья, получая только свое. Но это была Лили. Лили, с которой его внутренний джентльмен — Том даже не знал, что у него внутри такой есть, до встречи с ней! — расправлял плечи и заставлял его делать разные глупости, своеобразно прогибаться под неё, чтобы беспокоиться о том, что она, мать вашу, получило своё.

— Выбрось это из головы, ага? Я не как твои очерствелые братья, это точно. Можешь смело требовать от меня выполнение моих прямых обязанностей — доставление тебе удовольствия! — после этих слов Том начал нежно осыпать её плечи и спину поцелуями, слегка прикусывая шею, прямо под волосами.

От этих ласк Лили поежилась, и пригласительно выгнулась ему навстречу, безмолвно моля продолжать.

— У меня есть книжка, — поправила волосы и встрепенулась девушка, — И там сказано, что женщина в принципе не в праве испытывать в постели удовольствие, — бубнила она себе под нос, но Том её прекрасно слышал, — Мол, это всё блуд и только...

Он звонко расхохотался, поцеловав её в голову, поглаживая макушку.

— Я слышал и знаю кое-что получше. Я старше и мудрее, не так ли? Например то, что твои родители не пренебрегали блудом несмотря на войну, голод и нападения нацистов. У тебя пятеро братьев! Они отлично провели время, и я могу быть благодарен им за это.

— Ну и мудака же ты, Томми! Я не хотела это слышать! — Том виновато улыбнулся.

— Извини, я пошутил, — он сел поудобнее, — Послушай, мы евреи, — откидывая в сторону одеяло, — И у нас, евреев, есть такое поверье... — Лили обернулась и заулыбалась, — Ты еврейка! — ткнул пальцем ей в носик Том, отчего она лишь задумчиво потерла кончик, — Поверье о том, что если женщина во время занятий любовью со своим мужчиной получила наивысшее удовольствие, то через девять месяцев непременно родится мальчик. Эта женщина подарит ему сына. Если же ей не понравилось, а мужчина не смог её ублажить должным образом, то родится девчонка и позор этому еврею на всю его голову.

Лили вскинула брови, и заметив его серьёзность расхохоталась от всей души, со словами: «Ну и глупость!»

— Мы тоже будем руководствоваться этим методом, когда захотим наших детей? — с надеждой спросила его Лили, и как бы Том не хотел их давать, но всё равно положительно замычал, ругая самого себя за разбитое в будущем девичье сердце.

— Что ж, раз это твои прямые обязанности, — настроилась на томный лад девушка ещё более радостно, чуть ли не мурлыча от его прикосновений, — То я хочу, чтобы ты побрился и... — тут она слегка растеряла свой настрой и, смутившись, замолкла.

— Побрился, и...? — спросил Том, продолжая обхаживать её спину, легко массируя поясницу, и плавно снижаясь.

— Хочу, чтобы ты поцеловал меня... — она провела пальчиком по светлой наволочке, смущённо зарываясь в неё лицом, — Там, внизу, — зажмурившись, прошептала на духу Лили прямо в подушку.

— Что-что сделал? — издевался он над её стеснительной натурой. Томаса всегда забавляло, как она смущается и краснеет. Женщины, с которыми он привык проводить время, растеряли эту способность, и могли только жеманничать и притворяться. Лили была как нетронутый цветок. — Хочешь, чтобы я приголубил тебя, да?

— Да... — спрятала лицо в ладошках Лили, а после тихо похихикала.

— Хорошо, дорогая, — Том ушел в ванную, оставив на щеке Лили поцелуй.

В ванной Шульман посмотрел на себя в зеркало, и сплюнул от отвращения. В кого он превращался? В каблука, в ее прислугу, в верного пса у ног? Конечно, безусловно, Том был ей благодарен за спасение, и все остальное, но то, как он выполнял все её просьбы, в последнее время стало беспокоить. Ещё немного, и Том уже будет стоять у алтаря и оплакивать холостяцкую жизнь, свободу и полноту действий. А что потом? Папочка Томми, весь в слюнях, соплях и чём похуже, меняет пелёнки куче похожих на него спиногрызов? Нет, Томас уверен, что его член не под это заточен!

Ему стало не хватать воздуха, и он схватился за раковину и посмотрел себе в глаза. Кто перед ним? Томас Шульман — глава еврейской общины, второй после Бога и раввина по значимости, а стоит тут и собирается бриться, чтобы припасть к женскому телу? Это же смешно!

— Ладно, — выдохнул он, — Подумаю об этом потом, в Лондоне. Пока у наших ног Париж, а в комнате меня ждет неудовлетворенная разгоряченная цыпочка, которая потерпит меня и не бритым. Пусть учится принимать меня таким, какой я есть, чтобы задержаться в моей жизни дольше, чем на месяц.

Быстро огладив рукой щеки, Том вышел к Лили. Она лежала на кровати и сладко спала, раскинувшись на животике. Видимо, устала ждать, пока Томас представлял себе семейство Шульман. Его передернуло от этих мыслей, и он вернулся в ванну, натягивая сброшенное недавно шмотьё, желая освежить голову перед сном и всё хорошенько обдумать, обмозговать так сказать.

Спустя два месяца

Том сидел в своём кабинете со всеми еврейскими почестями, принимая главного раввина Йоава Неймана, что оказал ему честь своим появлением.

— Томми, дорогой мой, община нуждается в помощи как никогда... — заверял его пожилой невысокий мужчина с приличной гущины бородой, седыми прядями торчащими из-под уплощенной шляпы. Голубые глаза ходили лицу Томаса, выражая беспокойство. Он всегда напоминал ему своим видом старого мудрого эльфа.

— Мне близится конец. Неделя, две или три, и я уйду на покой. Вопрос в том, кто таки останется вместо меня.

«Так неделя, две или три, а?»

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Том, сложив руки на столе.

Нейман всегда был для Томаса как отец, ну или почти. Он раздавал крепкие подзатыльники, но всегда за дело. Не лез в жизнь его матери и не намеревался стать ему отчимом, просто помогал, как и двоюродный дядя, чем мог. Именно Йоав возлагал на Томаса большие надежды. Всё ждал, когда он вырастет, выучит Тору от корки до корки и займет его место, чтобы потрахать молодую жену только по субботам и будет самым послушным.

Нейман вёл к тому, чтобы Том, не оставляя своего бизнеса, пересел на кресло раввина и заправлял целой еврейской общиной в Лондоне и выслушивал похотливые желания девочек лет шестнадцати, которые согрешили, подумав о чём-нибудь пошлом. Что называется опустился с главаря до сутенера. «А оно мне надо?» — подумал Том.

Шульман понимал его рвение, ведь именно он вложил больше всего денег в реставрацию местной, пусть и небольшой Синагоги, где проводятся праздничные молитвы и Шаббат. Там же теперь есть Миква и даже большая столовая для праздничных трапез во время Песаха. А также огромная, по их меркам, библиотека, куда каждый приносит новые книги, но опять-таки закупил больше всего Томас, в том числе и для новой школы при Синагоге, где первый год обучаются только еврейские дети. Это, пожалуй, единственное место, куда Том не сводил Лили и не показал ей своё достояние.

Томас был готов занять место главного раввина с условием, что его просто не будут дергать из-за каждого прыщика на детской заднице. Если он не будет выслушивать нытье и раздавать направо и налево свои бесконечно бесполезные советы, ходить на все молитвы и заниматься прочей религиозной деятельностью. Томас будет вроде правителя, руководителя, который должен будет оберегать и обеспечивать общину. Нейман знал, что люди Шульмана смогут обеспечить надёжную защиту от нападок со стороны других представителей отдельных народов, проживающих в Англии. Особенно сильно, как ни странно, брыкались свои же, а точнее сын самого Йоава — Натан, что был категорически против кандидатуры Шульмана, палец о палец не ударив за свои почти тридцать лет. Он часто назвал Томаса паршивой Мессией, мол Том неправильно живет, несет смерть и раздор, таким вот одноклеточным и трусливым, как он. Натан хочет власти, а Том хочет денег и покоя, поэтому их ценности и взгляды не совпадают. Тора учит любить ближнего, и Том делает это, помогая пожертвованиями слепым, бедным и нищим, многодетным и просто тем, кто сошёл с верного пути, вроде Лили, обращая их Господу.

— Послушай, Том, я думаю, Лондон, да и весь наш народ на твоей стороне, тебя обязательно поддержат.

Шульман стучал пальцами по столу, принимая решение, наблюдая через стекло кабинета за Лили, что мило беседовала с Исааком, что-то рассказывая этой бестолковой шпале, весело смеясь и сверкая карими глазами в которых он тонул так ласково с каждым днем.

Вот, наверное, и первая причина, а может и вторая, даже третья, по которой Томас принял предложение. Он понимал, что делать что-то ради одной только женщины тупо, ведь сегодня она с тобой, а завтра уже скачет на другом, как будто тебя и не было в её жизни вовсе. Но, какой-то, даже самый небольшой стимул Томасу был всё же нужен. Мотив, так сказать.

— Ладно, уважаемый рав, я вас понял. Я принимаю ваше предложение.

Томас пожал руку Йоаву, что удовлетворенно выдохнул, понимая, что община будет под контролем, и всё будет ровно. А иначе под Томом быть не могло. Но Шульман точно знал, что грядёт война.

Мужчины стали пить чай, говорить о прошлом и просто вспоминать былые времена и мать Шульмана, по которой Томас жутко скучал, пытаясь разглядеть её в каждом сне.

— Томми, твоя дама, — указал он кивком на Лили в окно кабинета, — Она чудесна и легка, как твоя мать, словно одного поля ягода. Да и внешне что-то есть... — проговорил Нейман, растягивая добрую улыбку, в то время как Том вскинул голову, чтобы не дать каплям из глаз скатиться по лицу. Такой, как он не мог, да и не умел плакать. Когда умирает мама — это как сгорает всё на свете, всё вокруг тебя превращается в пепел, на котором ты стоишь и пытаешься не погибнуть в отчаянной схватке с жизнью.

Том долго не хотел себе признавать, что Лили действительно похожа на его мать, как характером, так и повадками. Эта безграничная доброта и железное терпение, которое подогревалось суровостью и порой отчаянием. Жертвенностью любви она обладала в равных долях с матерью, которая определенно гордилась бы его выбором. А вот сам Шульман в нём все чаще и чаще сомневался, добивая себя.

— Да, она необыкновенная, — заверил Том раввина, наконец опуская голову, делая глоток из фарфоровой чашки, но всё стояло в горле комом от скорби и сожаления.

— Она станет тебе опорой, верной женой, да и превосходной матерью. Я это вижу.

«Ну всё!» — подумал про себя Том, понимая, что если дядя сказал, значит, расшибись в лепешку, но так и будет, чего еврею хотелось меньше всего на свете.

Даже если он застрелится, затолкает пистолет в рот и спустит курок, то один черт выживет и пойдёт под венец! Мало того, что Лили донимала Томаса вопросами о женитьбе, так ещё и Нейман поднадавил.

«Неужели по мне не видно, что я совсем не семьянин?»

От разговора их оторвали беспризорники с фамилией Янг, влетев в кабинет с визгами и шумом, словно Томас попал в отделение для умалишенных или в цыганский табор. Дети в заведении — это последнее, до чего его могла опустить Лили, притащив с собой стайку кареглазых бездельников.

— Ааа... Кыш... Кыш... — заворчал он, отпугивая детей от стола, как сраных скворцов, но эти дотягивали максимум до домашних воробьев, такие же наглые и никчемные, — Загадили мне весь кабинет! Вся мебель воняет козьим молоком! Брысь! — гонял Шульман их, желая уже схватиться за пистолет, но в кабинет вошла Лили, проплывая к Томасу, и он тут

же посадил её на левое колено, пока она мило улыбалась Йоаву, а тот ей во весь почти беззубый рот.

Нейман увлекся детьми, которые, отвлекая старика, бессовестно воровали конфеты, работая, как слаженная бандитская группировка, напоминая Томасу голодных ворон на кладбище. Безусловно, они его бесят, но, с другой стороны, Том уже привык к их странным выпадам, когда они снимают брюки до колен и начинают так бегать друг за другом и смеяться, забавляя тем самым и его, и Лили, которой часто приходилось краснеть.

По субботам Томас брал Лили к себе, а иногда и этих безобразников, которые мучили Берла до изнеможения, не зная, куда выплеснуть всю энергию. И он нашёл ей применение, познакомив парней с боксом. Лили это нравилось, и она души не чаяла в Томми и его поступках, миленьких, на первый взгляд, наблюдая за тем, как он помогает детям освоить спорт, вместе отрабатывая сначала простые, а затем более сложные удары.

Она стояла в дверях комнаты и с улыбкой обводила Шульмана глазами, едва ли не поедая, а после награждала его страстным сексом где придётся, за проявленное внимание и терпение к её братьям. На самом деле Том просто лупил этих опарышей со скуки, потому что груша ему уже приелась. Томаса такая благодарность устраивала, даже очень, поэтому дети бывали в его особняке даже чаще, чем по субботам, оставаясь на все выходные. Сам факт того, что Том удовлетворял её, вдвойне радовал еврея и расслаблял, а возможность быть застуканными прибавляла экстрима и подливала масла в огонь, без возмущения и пустых разговоров.

И вот сейчас, пока Нейман щёлкал клювом, а дети о чем-то расспрашивали его, передавая за спиной конфеты и печенье, Том повернулся к Лили, с интересом читающей бумаги на его столе:

— Ты чего-то как-то поднабрала, а? — спросил он её, изучая родинки и веснушки на розовой щёчке, — Ты там внутри себя никого не спрятала? Никто в тебе ещё не растёт, а?

Лили улыбнулась, а после опустила глаза, лукаво сверкая зрачками:

— Что если так?

Том нахмурился, предпочитая оставаться в тени подобных шуток:

— Если так, то надо купить тебе лекарство от кишечных червей... — пробормотал Шульман, — Помню, в детстве у соседского мальчишки, воооот такой лентец из задницы вылез, — развёл он в стороны указательные пальцы, — А он бегаёт по двору такой радостный и хвастается, мол, смотрите, у меня хвостик, хвостик!

Лили хотела рассмеяться, но получилось натянуто — хмурое лицо, надулась, пытаюсь слезть с коленей Томаса, делаю пустой рывок:

— Кудаа? — протянул Том, удерживая её за бёдра, — Ну, у него то ладно была привычка на свиньях кататься, но ты то как угораздила? На чем каталась, а?

Лили всё-таки усмехнулась, вновь пытаюсь сделать серьёзное лицо: — На большом еврейском медведе... Я улыбнулся:

— Не была ты на охоте, дорогуша... Сразу видно, — поцеловал он её в плечо, продолжая бормотать на ухо, — Я бы посмотрел на твою мордашку, когда рядом медведь нарисовался бы из чащи... Вот бы ты, наверное, завелась, да?

Лили рассмеялась, поглаживая голову Шульмана, от чего он прямо-таки мурлыкал, и другого слова здесь не подберешь. Она перебирала его пряди, массируя затылок ноготками, заставляя Томаса уткнуться в её грудь.

— Может спустимся на склад? Попробуем новые партии вина? — подмигнул ей Томас,

получив очередной смешок в ответ и негодование со смущением, — Там знаешь сколько свободных ящиков, я наспех даже так кровать сооружу, а?

— Кровать? Как скучно... — проворковала она, хитро поглядывая на него, продолжая кокетничать.

— Я сделаю весело, м? — девушка не была настроена более игриво, смотря на братьев, уходя от непристойных предложений и намеков деликатно.

Том прочистил горло и вновь уткнулся ей в шею, зарываясь носом в её кожу и волосы:

— Нейман предложил мне стать главным раввином в общине...

Лили вскинула брови и поджала губы.

— Смогу расширить таки своё влияние в Лондоне.

— Говоришь так, словно ты истинный политик, — усмехнулась она, — Разве Лондон и так не под тобой?

Том был удивлён её осведомленности, приятно удивлён: — Да, всё так, ага. Но я хочу чего-то большего. Это как с тобой... — начал шутить Том, — Ты тоже подо мной, но не вся, да?

Лили куснула его в ухо, потрепав мочку, забыв о том, что они здесь не одни.

— Тсссс... — прошипел Том, ощущая жжение, — Что я такого сказал?

— Ты уверен, что тебе это нужно? Это может быть опасно... Вдруг тебя прикончат?

— Спасибо, что всегда поддержишь, дорогая! — расстроился Том, — Запасёмся терпением и вперёд... — Лили закатила глаза. — Знаешь, принимая такие решения человеком себя ощущаю... — сказал он, обводя её бедра ладонью.

— Только Богом себя не почувствуй, родной! — поцеловала его Лили в щеку, — Ладно, — закончила она, слезая с его бедра, поправляя платье, несколько раз хлопнув по плечу.

Через полчаса Томас привёз всю компанию к себе домой на предстоящие выходные. По дороге они с Лили сцепились из-за какой-то мелочи, заранее зная что разбираться будем дома и в постели.

Они подошли к дому, голодранцы, как первобытные, налетели на бедного пса, которому Том мог лишь посочувствовать взглядом, заваливаясь в особняк. В гостиной его ждал гость — отец Лили. Воздух был напряженный и спертый от спиртного, которое принял Янг-старший.

— Живо домой! Где ты пропадала всю неделю? От тебя ни слуху ни духу! — накинулся он на дочь, схватив ту за шею, притягивая к себе. И Лили тут же попыталась оправдаться. В это мгновение до Томаса дошло, в какой же сумасшедшей семье она живёт.

— Закройся, еврейская подстилка!

Шульман сжал кулаки, продолжая стоять и смотреть на Янга, который больно ударил Лили по голове, и та тут же расплакалась, как маленькая беззащитная девочка, которой и являлась. Люди его дернулись, но Томас лишь отрицательно мотнул головой и расправив плечи подошёл к её отцу, схватив его за запястье, не дав нанести ещё один удар, пожалев, что проворонил и первый.

Том всего-навсего не ожидал от него подобного дерьма, которое полилось нецензурой из всех его щелей. Ему ли тягаться с этим пройдохой? И Шульман не хотел вмешиваться в семейные разборки.

— Ещё раз её ударишь, я тебе пальцы переломаю, да! — заверил он Янга, натянув улыбку, больно сжимая жилистую руку, сдавливая язвы и корочки до крови, которая тут же

побежала на пол, — Хочешь спарринг — партнёра? Возьми меня и выясним все недомолвки, а? Она уже давно не ребёнок, чтобы вот так унижать её достоинство побоями. Ты не заметил, как она выросла?

Том поднял Лили, поглаживая по голове, и она опустила её на плечо мужчине, горько заливаясь слезами.

— Возьми мальчиков, да? И идите наверх, хорошо? Я всё улажу, твой отец меня поймёт, да? — чётко проговорил Том, наблюдая за тем, как выдрессированная Лили пошла наверх вместе с детьми.

Янг не оценил дрессировки, толкнув Шульмана в плечо просто так, захотелось ему повоевать.

— Ну, давай же, Джон, ударь меня, а? Выпусти гнев, необоснованный гнев, мать твою! — прорычал Том, — Урони меня, и мои люди тебе не помешают, отпинай меня и уйди, может тебе станет легче, нет?

Янг схватил Тома за ткань пальто, притягивая к себе, дыша в лицо, и еврей прочел в его взгляде обычное отцовское беспокойство за свою единственную дочь. Прочел его нежелание расставаться с девочкой, отпускать её во взрослый и жестокий, порой безжалостный и безумный мир, а тем более отдавать на попечение типу вроде Тома, в тени которого ежедневно убивают, насилюют и просто уничтожают целые семьи.

— Обоснуй свой гнев или вмажь мне! — смотрел Шульман ему в глаза, — Давай же, Джон! Тебе станет легче!

Мужчина ударил Томаса с разворота, и он лишь слегка покачнулся, немного потупившись от неприятной боли, потирая разбитую о собственные зубы нижнюю губу, сплевывая на сияющий пол соленую слюну. Янг тут же пришёл в себя, запуская ладонь в волосы, ощущая вину.

— А теперь, мы наконец можем пойти в мой кабинет и нормально поговорить, да?

Мужчины сидели друг напротив друга, пока Том словно заново изучал интерьер домашнего кабинета, вход в который был отдельным, с улицы, чтобы домашние не вмешивались, да и чужие не лезли к обитателям, не отпугивая видом и не сокращали полноту действий. Новый стол из красного дерева, отполированный и гладкий, с множеством ненужной дребедени. Кожаное чёрное кресло на железной ножке, в котором можно было раскачиваться удерживало еврея, а иногда и сидящую на нём Лили. За спиной два шкафа, один из которых был обращен к востоку и Иерусалиму, накрытый плотной непропускающей свет тканью, скрывая в себе священные книги. Во втором шкафу простые книжонки, колледжная литература по программе и всякие папки с документами. Чуть правее — сейф. Вот, собственно и весь интерьер, свободный и минимальный.

— Итак, какой там у тебя был вопрос ко мне? — спросил Томас Янга, собирая салфеткой кровь с губы, — Хочешь ответить за свой пустой гнев? Ааа... — протянул он, шикнув от разбитой губы, — Пытаешься надёжно пристроить мне свою дочку или что?

— Оставь её в покое. Я же знаю, как ты претрахал почти четверть заводских женщин.

Том устало выдохнул, удивляясь тому, как Янг быстро сгреб его под паршивую гребёнку: — Все мы развратны, не так ли?

— Только не Лили! — дал понять Джон.

— Только не Лили, только не она, ага! — передразнил Шульман, — Лапши у тебя на ушах, хоть завод макаронный открывай! — поставил он перед фактом её отца, что злобно ударил по столу, — Мы все существа сексуальные, да? Так уж мы устроены, что нас влечёт

инстинктивно, только не надо путать во мне животный и человеческий инстинкты, да? Это разные вещи, как пассивные и активные педики, ясно?

Янг злобно сжал угол стола:

— Ты как посмел? — закричал он, смотря на Шульмана, пока тот расслабленно закинул ноги на стол, словно хозяин этой жизни, — Мы заключили сделку, урод ты еврейский!

Том цыкнул:

— Как не культурно, мистер Янг, а? Считай, что я тебя обманул, да? Ты с самого начала выставил рыночные отношения, но забыл, что торгуешься с евреем, так? — спросил его Том, ощущая дикую злость и раздражение, — Если я дал что-либо раз, то беру уже дважды, ну или в двойном объеме, да? В нашем случае — это для тебя и твоих сыновей — работа и хорошая оплата труда, так? Для меня — твоя рабочая сила, и очень таки хорошая замечу я, и как бонус — дочь, опять-таки хорошая, я бы сказал — замечательная. По-моему, всё честно, нет?

Янг сжался от злости и покраснел, буровя Тома взглядом:

— Ты о чем думал-то, когда её в Иерусалим и в Париж со мной отпускал, а? Что мы спим в разных кроватях и по утрам видимся лишь за завтраком, да? Ты должен быть мне благодарен, нет? — обратился Шульман к нему, пытаясь сгладить углы, — Я отношусь к твоей любимой дочери со всей душой, если ты не заметил, — сложил он перед собой руки, опершись на локти, — Одеваю, кормлю и даже занимаюсь с твоими, — указал он на отца Лили пальцем, — С твоими парнями, да? Ну и чем же я ей не пара-то, а?

Джон пожал плечами, не зная, что сказать. Томас рубил с плеча и сделал его же виновным во всех грехах. Нечего расслабляться, он же видел, кто к ним знакомиться пришёл! Не с закрытыми же глазами сидел напротив еврея!

— Ты всё ещё думаешь, что мной движет спортивный интерес? — развёл он руками, — Раз, и на матрас твою дочь повалил, ага? Ни черта! Я сначала в неё вложил и явно не два фунта, да?

Томасу не хотелось развязывать войну ещё и с её отцом, который пытался побороть себя, протирая лицо.

— Лучше надо было воспитывать свою принцессу, чтоб её не дракон из башни крал, а прекрасный принц! Так что не смей мне тут вызовы бросать, да?

Джон опустил голову, понимая, что пойти против Томаса он не в силах.

— Верни назад мне мою дочь!

Шульман посмеялся, и откинулся назад:

— Нет! Я слишком много на неё потратил! Нет, это не обсуждается! — вспыхнул он, — Это же глупо! Я в неё дохера денег вложил! Кто покроет мне расходы, мм? Явно не ты, ведь ты с того момента как щёлкнул меня, уволен, а?

— Ты не женишься на ней! — они начали игру в гляделки, в которой Том практически сразу проиграл, впервые в жизни видя в карих глазах нотки вопроса.

— Я забираю свою дочь! — встал с места Янг, и Томас вскочил за ним следом, — Расскажу ей о твоих инстинктах на работе... Попробуй потом оправдайся!

— Черта с два! — схватил Томас его за плечо, и тут же ударил головой о угол стола, разбив морщинистый лоб, с которого тут же хлынула кровь.

— Если ты ещё раз дернешься на меня, то я верну тебе твою подпорченную дочь. Но, я не уверен, что «несвежая», кому-то пригодится, ведь весь Лондон будет знать, что Лили Янг прошла через меня, ага? — наклонился он к отцу девушки, протягивая салфетку, — Так, Исаак, выкинь его отсюда через кабинетную дверь, а то воняет навозом и перегаром, это не

кошерно, — пробормотал Том.

На этом они и порешили, и Том попросил своего водителя увезти Янга домой. Он сидел в кабинете с открытыми окнами, прогоняя этот смрад, размышляя, действительно ли ему нужна эта женщина и скупая семейная перспектива.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Миква — в иудаизме водный резервуар, в котором производится омовение с целью очищения от ритуальной нечистоты.

Гиюр— обращение нееврея в иудаизм, а также связанный с этим обряд.

Гой в современных иврите и идише — стандартное выражение в Танах для «народа», включая евреев. В настоящее время слово «гой», вошедшее во многие языки (в частности, в русский и английский), обозначает нееврея.

Мицвот—предписания и запреты еврейской религии.